

Позывной «Компас» и «N лет-с нульчика-кун»

ОДНОРАЗОВЫЙ СОЛДАТИК

«ОБР-пресс 2024»

Первый заезд.

Глава 1. Распределение. Москва-Город В. Осень 22.

Собравшись в нашем московском военкомате, мы оказались в актовом зале и стали ждать дальнейших распоряжений. В зале были ряды кресел, на которых мы и расположились. Кто-то сидел в интернете, кто-то дремал, кто-то просто ждал. Некоторые начали знакомиться друг с другом, у кого-то нашлась бутылочка с выпивкой. Это ожидание в актовом зале военкомата продолжалось часами. В течение дня нам выдали военную форму одежды и предоставили гуманитарный вещмешок от мэра Москвы, в котором были всякие мелочи: несессер с одноразовыми бритвенными станками, зубная щётка, зубная паста, пена для бритья, трусы, футболки, носки и тому подобные нужные мелочи. Сам вещмешок тоже был добротный и объёмный, куда больше, чем старый советский вещмешок. Тогда мы ещё не понимали, сколько вещей способен унести на себе человек в броне и с оружием.

В середине дня в военкомате появилась монахиня из монастыря, которая пришла нас проводить. Она говорила с нами, как с героями, едущими защищать нашу Родину от супостатов. Монахиня благословляла каждого желающего и раздавала обереги: иконки, пояса и другие монастырские сувениры, которые якобы должны были спасти нас от боевых ранений и смерти. Многие из нас были верующими, так что на протяжении последующего времени, даже год спустя я видел пояски-обереги на солдатах из самых разных подразделений.

И вот уже ближе к вечеру нас наконец-то собрались грузить в машину. К монахине присоединился священник и они на пару начали разбрызгивать

святую воду на наш строй. У ворот собрались родственники: кто-то плакал, кто-то махал ручкой. Все провожали нас, как героев, на войну.

В машине потихоньку началась возня. Один из наших пассажиров уже успел напиться и начал продвигать патриотические идеи. Пока мы ехали из военкомата, он спаивал других пассажиров. Каждый раз, когда мы проезжали мимо магазина с ликёроводочной продукцией, весь салон просил водителя остановиться и докупиться. Водитель и сопровождающий, естественно, не останавливали. Но остановить пьянку они уже не могли. Патриотизм летал в воздухе. Нетрезвая бравада толпы слилась в нескончаемый поток патриотических лозунгов: «Наши мужики там уже полгода воюют! Они уже конкретно устали от этой возни! Мы должны их сменить! А потом через полгода – сменят нас! Смерть свиньям! Пора бить врага!»

По дороге мы сделали остановку, чтобы к нам присоединилась группа из другого военкомата, и во время остановки мы пополнили запас крепких напитков в ближайшем магазине. Собрав всех вместе, нас пересадили в большие автобусы и повезли, наконец, из Москвы в неизвестном направлении. Всю дорогу мы гадали: а куда же, собственно, мы едем? И никто не мог дать нам ответ на этот вопрос. Ни старший машины, ни водитель не знали об этом. Оказалось, что для нас нигде нет места. Выехали в один сборный пункт, созвонились с ними – а там нет места. Поехали в другой, созвонились – там тоже нет места. В итоге лишь добравшись до города В., мы узнали, где находимся.

А находились мы около ворот Академии РВСН. Вокруг было множество автобусов и толпа мобилизованных из разных военкоматов. Орда зелёных человечков ждала размещения и распределения по воинским должностям. Этот процесс занимал очень много времени, поэтому мобилизованным приходилось ждать около КПП часами, а некоторые провели здесь более суток. Кто-то ночевал прямо в автобусах. К счастью, нас отпускали ходить по ближайшей улице, на которой находилось несколько

магазинов: супермаркет, хозяйственный магазин и, конечно же, “Красное и Белое”. Это был самый популярный магазин для зелёной братии. Новоприбывшие очень быстро заряжались в этом магазине всеми необходимыми «боеприпасами» и начиналась возня.

Несколько сотен человек около ворот Академии РВСН ржали, орали и нажирались. Естественно, я также был в их числе. Шли обсуждения, кто где служил во время срочной службы; у кого было какое звание, должность и специальность; что нас ждёт дальше; как мы победим всех врагов; и, самое главное - что «скоро домой». Все были уверены, что СВО не затянется надолго, и что Новый Год мы будем отмечать уже дома.

Один парень из нашего автобуса подрался с местными военными полицейскими. Началось разбирательство, но его не стали строго наказывать. Он же был принципиально недоволен и орал на всех: «Я не хочу служить с такими ублюдками! Везите меня в другую воинскую часть! Меня ждут мои пацаны! Я хочу служить там!». Этот случай не был единственным, и к таким буянам относились с пониманием. Его увели, и больше мы его не видели. Доехал ли он к своим пацанам, или нет – этого я уже не узнал.

Спустя пять часов ожидания и пьянки под открытым небом нас наконец-то пригласили в актовЫй зал для сбора сведений. В зале крутили военно-патриотические фильмы и боевики. Нам попался показ очередного «Форсажа». Кто-то уже начинал дремать, нас по очереди вызывали и записывали все наши данные и размеры одежды. Когда процесс был завершён, мы отправились в следующую точку нашего путешествия, а именно: в зал распределения по должностям. Это был просторный спортзал, переделанный в огромный «офис», где сидели курсанты и офицеры, ещё раз записывали наши данные и предлагали нам ту или иную воинскую должность.

Среди нас было много связистов: в военном билете у них стояла ВУС (военно-учётная специальность) «Радиотелеграфист». Однако, всем нам было

предложено стать «стрелками». Многие отказывались – но в этом распределительном пункте не было свободных вакансий для связистов. Я был удивлён, но нашим отказникам дали шанс: их отправили в другой распределительный пункт попытать счастья. Может быть, приехав куда-то ещё, они всё-таки нашли вакансию связистов, но я этого уже никогда не узнаю.

Хоть я и служил в полку связи во время срочной службы, но в моём военном билете в графе ВУС стояла запись «стрелок». Так что у меня не было оснований претендовать на какую-либо другую должность. Стрелок – он и есть стрелок. Так я был записан стрелком в свой батальон.

А меж тем время было уже около 4 часов ночи. Моя группа становилась всё меньше и меньше. Перед отправкой в казарму нас почему-то загнали в маленькую палатку с противогазами. Курсант объяснил, что по правилам мы должны потренироваться надевать противогазы.

- «Но мне так наплевать на это всё, так что просто берите свои противогазы и проваливайте!» - устало буркнул он – «Только распишитесь в моей бумажке за технику безопасности и за то, что вы их надевали.»

Когда нас наконец-то довели до казармы, из нашего военкомата остался только я и ещё один мужик. Всех остальных разобрали кого куда. В пять часов утра мы зашли в полностью забитую казарму, и курсант-казак показал нам на наши кровати. Спать оставалось один час.

Глава 2. Обучение. Город В. Осень 22.

Новый день, новые знакомства. Поспав с час, я нашёл писаря, который наконец-то объяснил мне, в каком я батальоне, в какой я роте, взводе и отделении. Он привёл меня к командиру моего отделения с позывным «Шайба», и я наконец-то с ним познакомился. Мы с ним обменялись номерами телефонов, но оба взяли с собой на войну только старые

кнопочные телефоны – а смартфоны оставили дома (это была ошибка). Его фамилия не помещалась у меня в памяти записной книжки – так он стал Шайбой. И моя фамилия не помещалась у него в памяти записной книжки – и для него так я стал «Компасом».

Я приклеился к Шайбе и везде ориентировался на него. Построение – я старался быть рядом с Шайбой, приём пищи – я старался быть рядом с Шайбой. Я чувствовал себя некомфортно. По опыту моей срочной службы, я ожидал, что мобилизованные будут друг друга ненавидеть и будут готовы в любой момент оскорбить, побить или подставить – так, как это было у меня на срочной службе. Оказавшись мобилизованным, я с удивлением обнаружил, что люди общаются между собой по-человечески. В нашем взводе никто никого не оскорблял, никто никого не подставлял, и драк не было. Тем не менее, мне было боязно. Я чувствовал стену между нами – и отчасти я сам эту стену и создавал. Было принято решение держать дистанцию со всеми своими случайными товарищами по несчастью – и в то же время стараться быть со всеми дружелюбным и вежливым. Таков уж я – человек-перекати-поле.

Командира взвода (взводника) у нас не было, как и командира роты (ротного). То есть совсем не было (пока что не было). Вместо командира взвода у нас был его заместитель (ЗКВ) – «Нефрит». А вместо командира роты был старшина роты – «Вишня». Оба показались мне хорошими мужиками.

Приёмы пищи в армии – это отдельный вид искусства. В плохом смысле. На мой скромный взгляд, кормили то неплохо. Вообще-то, даже хорошо кормили. Но проблема была в другом. Здание столовой вмещало в себя несколько сотен человек одновременно. А на территории академии нас было несколько тысяч: курсанты, офицеры и мобилизованные. Наш батальон строился для приёма пищи и взводники уводили взвода на завтрак – каждый своим ходом. Нефрит повёл нас к столовой в положенное для завтрака время.

Это была ошибка. У входа в здание столовой стояло триста человек в очереди. Под дождём. В октябре.

Позавтракав таким образом, спустя минут сорок после того, как мы пришли к зданию столовой, мы поняли, что нужно что-то менять. У Нефрита созрел план. На обед мы пошли на десять минут раньше положенного времени. Без спроса и построения. Это помогло не очень хорошо – очередь перед нами составляла по-прежнему около двухста человек. Тогда на ужин Нефрит повёл нас на двадцать минут раньше положенного – очередь перед нами составляла уже сто человек. И лишь таким опытным путём, Нефрит нашёл идеальное время: за тридцать-сорок минут до положенного времени. И только так мы наконец-то смогли войти в здание столовой без очереди и позавтракать, не стоя под дождём.

Вообще говоря, многие из нас вскоре перестали ходить в столовую. По вечерам нас отпускали в город. Достаточно было предупредить командира отделения (комода) и взводника, а также записаться на листочек на стойке дневального и получить пропуск на выход. На КПП выпускали без проблем. Очень скоро по вечерам выходить в город стала большая часть нашего взвода. Пробыть в городе можно было недолго, всего несколько часов. Но мы успевали сходить в магазин, встретиться с родственниками. Через несколько дней в нашей казарме начали появляться пирожки, курица гриль, шаурма, кебаб, фастфуд из «Макдональдса» и «Бургер-Кинга», газировка, энергетики. И, конечно же, крепкие напитки. Лично я как-то раз пронёс четыре бутылки виски под бушлатом через КПП – дежурные сделали вид, что не заметили.

На одной из таких пьянок для нашего взвода было выбрано название «Пятнашка», в соответствии с номером роты и взвода. Название прижилось и в дальнейшем использовалось на построениях и в радиосвязи.

А чему же нас, собственно, учили в этой академии? Да всякому. Нам выдали оружие и заставляли ходить на полигон с нашим оружием. Спина привыкала к весу оружия. На полигоне у нас были всевозможные учения: как

ходить колонной, кто должен быть в головном дозоре, кто в тыловом дозоре, кто в боковом охранении. Мы лазали по кустам, по полям и по траншеям. Разбивались на две команды и пытались друг друга «перестрелять». Делали вид, что стреляем: «пиф-паф». Естественно, никто из нас не знал, какая тактика боя по-настоящему полезная, а какая нет. Мы этого так и не поняли до самого конца.

Многие занятия у нас велись теоретически. Например, занятия по связи. Нам показывали огромные радиостанции, древние как Советский Союз. Объясняли, как ими пользоваться. Мы никогда так и не увидели такие радиостанции в реальных условиях. На самом деле, мы пользовались современными китайскими рациями: по большей части, это были «Baofeng» или «ТУТ». Использовать их было легко. Пока мы были в городе В., мы заказали себе много раций: почти у каждого из нас была по одной.

Проблема была в том, что мы пользовались открытым каналом без всякого шифрования или защиты. Сказать по правде, мы и в реальных условиях пользовались открытым каналом. Это было плохо, но никто не хотел с этим ничего делать. Спустя несколько месяцев я узнал, что в наших рациях, оказывается, есть встроенное шифрование – но никто не захотел меня слушать. Всем было лень с этим разбираться, у всех были разные модели раций с разными вариантами шифрования, и настраивать это так, чтобы всем было удобно, никто не хотел. Да и никто не умел. Так что мы до самого конца сидели на открытом канале.

Занятия по инженерной подготовке были ещё более бестолковыми. Нам просто показывали стенды с разными минами и рассказывали о них. Если нам везло – нам показывали какую-нибудь учебную мину. Но делать из нас настоящих сапёров никто не собирался – мы ведь стрелки. Так что из этих занятий мы не извлекли ничего полезного.

Занятия по тактической медицине были так себе. Было слишком мало практики. Инструктор показывал нам, как накладывать жгут на конечности и

на шею. Мы узнали про обезболивающее – промедол, куда и когда его применять. Посмотрели, что есть в аптечке и в ППИ (пакет перевязочный индивидуальный). Мы пару раз потренировались накладывать жгуты и, в общем, всё. Теоретически, мы знали, что такое пневмоторакс и как с ним бороться. Теоретически, мы могли определить артериальное кровотечение. Теоретически.

За весь месяц в городе В. у нас было несколько стрельб. Мы отстреливали казённые патроны по мишеням, привыкали к отдаче оружия. Пару раз нам даже дали подойти вплотную к нашим мишеням и посмотреть – куда же мы, всё-таки, попали. Точность нашей стрельбы не волновала ни инструкторов, ни нас. Мы так и не поняли, как попадать в воздушные цели. Мы так и не поняли, как пристреливать оружие. Понимание этого пришло уже на фронте. И то, понимание пришло не ко всем. Ко мне, честно говоря, не пришло – да мне оно и не надо было.

Помимо этого, у нас были и другие непримечательные занятия: физическая подготовка, рукопашный бой, метание гранат, ориентирование, изготовка к бою. Бывало такое, что мы по два часа подряд изготавливались к бою. Стоя, с колена, лёжа. Стоя, с колена, лёжа. Перебежка. Стоя, с колена, лёжа.

А в один прекрасный день у нас в роте появились офицеры. У нас появился взводник – «Стопор», и ротный – «Линейка». Помимо этого, был ещё замполит роты – «Весло». Это был, как тут говорили, «Алёшенька»: он абсолютно не был приспособлен для службы в армии вообще и особенно к тому чтобы быть офицером, замполитом целой роты. Он был застенчивый, замкнутый, со слабым голосом и абсолютно без всякого авторитета. Любой мог поставить его на место – а он никого не мог поставить на место. Я его прекрасно понимал – я сам такой же человек, только был стрелком.

После появления офицеров наш батальон отправился на учебный марш-бросок. В бронежилетах, касках и с оружием нам предстояло пройти

около десяти километров туда и обратно, по пути останавливаясь на всякие учебные команды: команда к бою, вспышка с тылу, граната, химическая тревога. Мы постоянно падали на землю, изготавливались к бою, надевали противогазы. Но в конце концов с этим марш-броском справились почти все.

В другой раз у нас был учебный «бой». Мы вышли на поле, любезно предоставленное местным губернатором, опять разделились на две команды, выкопали себе «окопы» - на самом деле просто неглубокие ямки, и начали стрелять в сторону друг в друга холостыми патронами по одному. На этих учениях многие из нас совершали «гениальные» тактические ходы, вылазки во фланг противнику. Наши ребята строили из себя ДРГ (диверсионно-разведывательные группы), заходили в тыл и героически «снимали» нескольких солдат противоположной стороны. Всё это было так легко, просто и весело. Не было никакой опасности для жизни.

Как же глупо мы тогда выглядели.

Спустя пару часов такой «перестрелки» обе стороны решили, что пора обедать! На это поле подогнали полевую кухню, где готовили гречку с тушёнкой и чай. Обе стороны конфликта дружно уплетали этот обед за обе щеки на травке. А после обеда выступал ансамбль песни и пляски с патриотическими песнями разных лет и популярными хитами двадцатилетней давности. Человек сто собралось в огромный круг около этого ансамбля, и дружно подпевали артистам во весь голос, не попадая в ноты. Всем было весело и хорошо: у всех было такое чувство, как будто мы выехали на шашлыки на природу. Все мы были тогда уверены, что на самом деле мы не столкнёмся с противником, а будем в «территориальной обороне». То есть, мы будем стоять в тылу, и ничего опасного с нами не произойдёт. А на Новый Год – домой!

После обеда мы снова собрались на поле и решили, что пора идти в атаку. Нет, не так: «В атаку-у-у!»

Все повылезали из окопов и с автоматами наперевес побежали навстречу противнику с криками «Ура-а-а!», по пути расстреливая оставшиеся холостые патроны в небо. Солдаты противника делали то же самое, бежали нам навстречу с улыбкой на лице. Встретившись, противники обнимались и шутили.

Нашему настроению не помешала даже эпидемия в нашей казарме. Когда больше сотни человек живут в одном помещении, любой чих разлетается на всех. И стоило одному из нас простудиться, как уже спустя несколько дней чихала и кашляла вся рота. На самом деле - это было благо. Все мы переболели простудой той или иной степени тяжести, находясь в городе В.. И все, в конце концов, выздоровели. А вот у меня простуда развилась в бронхит, и я выпал из обучения на несколько дней: меня перевели в изолятор.

Изолятор был весьма... своеобразный. Это была другая казарма, куда приводили людей с острыми заболеваниями. Их было не очень много. Когда я пришёл в изолятор, то увидел как будто заброшенную больницу из фильма ужасов: тусклое освещение, множество пустых коек и несколько человек в глубине тёмного зала. Они спали. И ни одного врача, ни одной медсестры, ни одного дежурного. Мы были сами по себе.

Раз в день нам приносили еду, раз в день к нам приходил врач и спрашивал нас о самочувствии. Потом появился один уставший дежурный санитар – такой же мобилизованный, как и мы. Он замерял у нас температуру и жил вместе с нами в изоляторе. Иногда выдавал таблетки от кашля с потрясающим названием: «Таблетки от кашля». И не поспоришь.

Во время визита врача я пожаловался на хрипы в верхней части дыхательных путей, врач послушал меня и выдал мне ядрёные антибиотики, которые должны были помочь мне за три дня - и они помогли! Пробыв несколько дней этом изоляторе, я понял, что выздороветь здесь уже точно не выйдет, и сообщил санитару о том, что мне стало лучше – и просто

самовольно отправился к себе в казарму. Методы лечения в российской армии оказались весьма действенными.

Там же, в городе В., я попробовал поуправлять квадрокоптером. Мы называли дроны «птицами». Многие были уверены в том, что с дрона видно всё, что происходит на земле, и в том, что на каждом втором дроне установлен прибор ночного видения (ночник) или тепловизор (теплак). Однако, это оказалось совсем не так. Тот дрон, которым управлял я, был недорогой гражданской версией, и с его камеры было видно не так уж много.

На самом деле на фоне поля или леса действительно возможно увидеть группу передвигающихся людей. Однако, если человек один, и если он замер под деревом – то с дрона его ни за что не увидишь! Замаскированный боец действительно может спрятаться от дрона в растительности - это работает! Я направил камеру на замершего человека с высоты сорока метров, но не обнаружил его. Конечно же, здесь многое зависит от качества камеры, от внимательности оператора и от густоты растительности над головой человека. Но тогда я понял, что дроны - не всемогущи.

Случался у нас и обыкновенный армейский строевой идиотизм. Перед нашей казармой был большой плац, на котором нас регулярно строили по поводу и без повода. Например для проверки внешнего вида. Или объявления от разных генералов.

Вот приехал генерал – замполит академии или ещё какого-то там округа, и полилась его песня: «Товарищи! Вы солдаты, brave бойцы нашей великой Родины! Вы будущее России! Вы должны сокрушить врага, который желает нашего уничтожения! А солдат Российской Армии должен выглядеть достойно! Форма и сапоги должны быть чистые! Пряжки на ремнях должны блестеть!» - Уже тогда было понятно, что в голове у этого товарища и какие приоритеты он выстроил в этой речи. - «И, самое главное, солдат Российской Армии должен всеми своими поступками соответствовать нашей великой Родине! Солдат должен соблюдать дисциплину! Выполнять приказы

командиров и не совершать ничего, порочащего воинскую честь нашей армии! А что я вижу вместо этого? А!? Каждый вечер: огромная, зелёная, очередь! Около алкогольного магазина «Красное и Белое!»»

На другой день нас собрали на плацу, чтобы провожать соседний батальон на войну. Их отправляли раньше нас и перед отправкой решили их погонять строевым шагом. Настоящая отправка должна была быть на следующий день, а это была скорее церемония. Церемония с корреспондентами телеканалов, с чиновниками и батюшками.

Нам скомандовали строиться – и мы построились. Нашей единственной задачей было кричать «Ура-а-а!» и хлопать в ладоши проходящим мимо товарищам. А в это время отправляемый батальон проходил строем мимо нас по плацу. Оркестр играл «Прощание Славянки», над плацем развевались знамёна с ликом Иисуса Христа, батюшки благословляли солдат святой водой, щедро разбрызгивая её над строем. Всё это действие снимали телевизионщики, за всем этим наблюдали чиновники и генералы. Было произнесено много напутственных слов: про храбрость, про честь, про славу и прочее «бла-бла-бла». Но мы искренне желали нашим соседям удачи, искренне хлопали им и кричали «Ура-а-а!».

Вскоре нам тоже сообщили о том, что завтра мы выезжаем на позиции. Началась крайняя, лютая пьянка всем батальоном.

Глава 3. Отправка. Город В.-Украина. Осень 22.

В ту ночь почти никто не спал. Нефрит, до этого почти не пивший, наклюкался и начал играть на гитаре старые песни о главном. Но ни одну из них он не допевал до конца, постоянно сбивался и начинал играть что-то другое. Какой-то солдат с позывным «Шаль» подрался с нашим ротным и его уложили спать насильственным путём. Группы мобилизованных сидели на койках по несколько человек и травили байки, шутили над нашей судьбой.

Полупьяные, мы запаковывали наши вещи – а их было немало. Мы не знали, что именно нам понадобится на фронте, поэтому у каждого из нас было по несколько больших баулов с пожитками. Многие взвода закупали всякую всячину на общак, надеясь оказаться на одних позициях рядом друг с другом. У нашего батальона даже было четыре больших генератора, которые нам продал (да-да, продал) командир батальона (комбат). Наш комбат с говорящей кличкой - «Шприц» - вообще был предприимчивым человеком. Спустя время мы стали слышать всё больше и больше слухов о том, что он торгует гуманитарной помощью и военной техникой.

Утром, по темноте, мы начали вытаскивать весь наш скарб из казармы и загружать в машины. Машины увозили большую часть наших вещей на вокзал, они же везли вооружение. Бардак начался уже тогда. Погрузка-разгрузка в армии – это тоже отдельный вид искусства. Суть в том, что нужно напихать как можно больше вещей в как можно меньший объём. Машин не хватает, времени ездить по несколько раз нет. Так что, мы запихивали вещи под потолок машины и утрамбовывали их ногами.

Такая же ситуация была и с перевозкой людей. Нас собирались везти на вокзал в автобусах, которых на всех не хватало. Хотя ехать было двадцать минут, но это вызвало проблемы. Напомню, что все мы были пьянющие в стельку. В один момент комбат дал команду разделить наш взвод и раскидать людей по другим автобусам, потому что на «Пятнашку» автобуса не хватило. Все начали возмущаться:

- А как так?
- Почему это нас разделяют?
- Мы месяц пробыли вместе, а вы нас делите!
- Не поедem в других автобусах! Грузите весь взвод в один!

Нефрит заорал: «Пятнашка», не расходиться! Держать строй! Не оставлять позиции!

Другой наш товарищ, по кличке «Пёс», начал «беседовать» со Шприцом: «Вы за кого нас держите, я не понимаю? Мы для вас что, срочники какие-то? Вы совсем осатанели? На нас автобуса нет? Мы на войну едем, а вы над нами издеваетесь! Я с этими мужиками месяц вместе, здесь все друг за друга горой! Давай решим это по-мужски, я тебя сделаю! Или ты не мужик?!»

От всего этого было мало толку. Мы стояли и никуда не ехали. Потихоньку народ всё-таки начал рассаживаться в автобусы. Ну, как рассаживаться: места в автобусах были стоячие. Мы просто залезали внутрь и утрамбовывались поглубже. С горем пополам наше подразделение всё-таки выехало из академии. На выезде собралась толпа местных жителей, которые провожали нас так, как будто мы их родственники. Женщины махали платочками, дети кричали «Ура-а-а!», мужики показывали кулачок, мол «держитесь, братцы». Водители машин сигналили нашим автобусам со стоянки, провожая в путь.

Но стоило только автобусам скрыться за поворотом, как многие из провожавших наконец-то выдохнули с облегчением. Потому что «эти сраные мобилизованные» (то есть мы) были причиной постоянной головной боли для местных. Драки, пьянки, очереди в магазинах, воровство алкогольной продукции, домогательство до женщин и прочие прелести близкого соседства военных.

Оказавшись у железной дороги, мы выяснили, что для нас выделен поезд, стоявший отдельно от вокзала. Наши пожитки загрузили в неотапливаемые грузовые вагоны, а мы сами начали располагаться в плацкартных. В процессе погрузки был обнаружен магазинчик недалеко от железнодорожных путей, где можно было закупиться необходимыми припасами для поездки на поезде. Хотя, продовольствие нам раздали – это были сухпайки в достаточном количестве. Тогда мы ещё не понимали всей ценности таких сухпайков, поэтому начали их сразу вскрывать.

Поезд тронулся, а мы, с видом опытных дегустаторов, пробовали разные блюда: гуляш из говядины, рисовая каша с мясом, тефтели, рагу из овощей, яблочное пюре, бекон, галеты с паштетом, чай, кофе, шоколад, жвачка. В разных сухпайках были разные блюда, и мы делились друг с другом, пробуя всего по чуть-чуть. За несколько суток в поезде все сухпайки были съедены. Как же мы потом об этом жалели.

Кроме сухпайков мы питались и собственными продуктовыми запасами: бутерброды с разными видами сыров и колбас на закуску, курица гриль и - конечно же - крепкие напитки!

Алкоголя было вполне достаточно, чтобы обеспечить нас на пару-тройку суток в поезде, так что протрезветь многие из нас смогли только в месте назначения. Всю дорогу были слышны песни под гитару от Нефрита – которые он, как обычно, не допевал до конца; рассуждения о том, какие плохие «хохлы», как мы их всех победим; разговоры о жизни и о Боге, об истории.

- Вот ты в Бога веришь? – спросил меня боец по кличке «Тушь», считавший себя православным.

- Нет. – ответил я.

- Боже мой, и с этим человеком я собрался на войну идти! Какой ужас! Как можно не верить в Бога? Ты русский вообще?

- А вот «Офис», например, – я ткнул пальцем в сторону коренастого мужика с азиатской мордой на соседней полке, – мусульманин. Он тебя не беспокоит? – спросил я.

- Ну он хоть и мусульманин, но он в Бога верит! А ты – нет! – Тушь, полный возмущения, натужно повысил голос, - во что ты веришь вообще, тогда?

Один из нас, товарищ по кличке «Морт», пронёс в поезд травку. Морт вообще был «в теме», в отличие от меня, и курил всё что можно при любом удобном случае. Вот и в поезде он начал забивать свою трубку травкой и решил предложить мне тоже. Я, хоть и «не в теме», но согласился. Почему бы и нет: я и так одной ногой в могиле.

Курить много не стал: сделал пару затяжек и остановился. Понравилось - так понравилось. С непривычки меня расслабило почти сразу и не отпускало около получаса. Это прекрасное ощущение, но злоупотреблять этим я не хотел. Морт же продолжал накуриваться каждый день, пока было что курить.

На очередной попойке к нам присоединились разведчики нашего батальона. Наш комбат, Шприц, хотел как-то помешать нашим ежедневным пьянкам, а также он затаил обиду на наш взвод «Пятнашка» за то, что Пёс обматерил его, когда нас загружали в автобусы.

Разведчики явились с автоматами и в балаклавах, чтобы никто не видел их лиц. Обнаружив пьяного в стельку Нефрита, они завязали с ним разговор - и врезали ему прикладом в глаз. Началась потасовка, если это можно было так назвать.

Нефрит требовал возмездия. Разведчики отошли в узкий проход. Никто не понимал, кто прав, а кто виноват. В узком проходе вагона была борьба и возня. Кто с кем дрался – не понятно. «Шмель» бодался с разведчиком. «Груша» залез на стойку для вагонного чайника и собирался прыгнуть на одного из них. «Ремень» пытался безуспешно успокоить Нефрита, но тот, не сбавляя градуса, выкрикивал взводу приказы: ««Пятнашка!», держать позиции! В поезд пробралось ДРГ хохлов! Отбиваемся! Положить их на землю лицом в пол и разоружить!»

Мы с бойцом по кличке «Вата» застряли в узком проходе и ждали прихода нашего ротного, Линейки. Когда Линейка пришёл (тоже пьяный в

стельку) он наконец отправил разведчиков обратно к Шприцу, и пошёл разбираться сам.

Но никто так и не разобрался. Чей был приказ врезать Нефриту в глаз? Сам он напросился или нет? Весь вечер мы продолжали пить и пояснять за понятия, но вся ситуация была и осталась абсолютно бестолковая.

Спустя несколько дней мы добрались до приграничного города А. Вообще-то, доехать от города В. до города А. можно было и быстрее, но мы подолгу стояли на железнодорожных перегонах и пропускали другие поезда, чтобы не мешать гражданскому железнодорожному сообщению.

Выйдя из поезда около вокзала рано утром, когда солнца не было видно даже на горизонте, мы разгрузили наши вещи из грузового вагона. Как ехать дальше – никто не знал. Да и куда мы вообще едем – тоже никто не знал. Но рядом с поездом стояло несколько машин: «Уралы» и «Камазы», к которым мы и проследовали.

Сначала должны были ехать наши вещи, поэтому снова начался чёртов «Тетрис». Баулы с вещами запикивали глубже и плотнее. Один из солдат зацепился за крышу «Урала» и обеими ногами толкал сумки внутрь кузова. Везде был хаос, никто не знал какая машина куда едет и где наши вещи выгрузят. К счастью, большую часть сумок мы подписывали – номера подразделений и позывной. Но это помогало не всегда. Каким-то чудом все вещи закинули в машины, и те поехали на фронт. А куда именно – никто не знал.

Пока водители отвозили наши вещи, мы стали получать боеприпасы и промедол. Ящики и цинки с патронами кое-как вскрывали, и орда мобилизованных стала заряжать свои магазины. Для большинства это было привычно, но среди нас нашёлся солдат, который этого не делал никогда – «Шестерня». Он был «Алёшенькой»: никогда не понимал, что происходит, и служба в армии была для него огромным стрессом. Заряжать патроны в

магазин он не умел. Мы показали ему на примере, как это делается, и он стал мучиться сам. Чтобы зарядить четыре магазина для автомата, ему потребовалось около часа.

Похожие мучения испытывал наш пулемётчик - «Дубина» - вместе со своим товарищем - «Шинелью». Причиной, как могло показаться из говорящей клички, являлась вовсе не их неопытность, а объём работы.

Дубина и Шинель уже дважды участвовали в войне, когда служили добровольцами в армии непризнанных республик. Вот и сейчас они оба пошли добровольцами, только теперь в ВСРФ, вместе с мобилизованными. У них был опыт службы, поэтому Дубину поставили пулемётчиком на ПКМ (пулемёт Калашникова модифицированный). В отличие от наших автоматиков, у него были не магазины, а короба с пулемётными лентами. Понятное дело, что его пулемёту требовалось гораздо больше патронов, чем нам. Так что они с Шинелью заряжали его ленты весь час, пока за это время Шестерня заряжал свои четыре магазина.

Прождали мы несколько часов. На нас выделили ещё несколько машин для перевозки людей. И вот тогда я по-настоящему понял, каково это: путешествовать в «Урале». Когда мы обучались в городе В., у нас были заезды на этих убогих машинках, но они длились недолго: полчаса или час. Это не считается. Теперь же нам предстояло путешествие в «Урале» на целых девять часов. Кузов «Урала» – это пара-тройка узких лавок: как повезёт. И в этом кузове должно поместиться тридцать человек. Вся наша «Пятнашка» влезла в один «Урал». Мы почувствовали себя на месте тех сумок, которые нещадно утрамбовали всего несколько часов назад.

Сделать лишнее движение в «Урале» – это большая проблема. Встать – это проблема, пересесть – это проблема, достать сигареты из кармана — это проблема. Если у тебя затекла нога или задница – это проблема. Если ты хочешь в туалет – это проблема. Самое лучшее решение, которое можно принять во время путешествия на «Урале» – это попробовать поспать сидя.

Ехали мы в броне, в касках и при оружии, с минимальным количеством вещей. Кто из нас был посмышленнее – брали с собой в «Урал» все свои вещи, и ничего не доверили тем водителям, которые поехали вперёд нас. Курить в машине было можно, но выбрасывать окурки было неудобно. У кого-то оказались баночки энергетиков, и после их опустошения они быстро превратились в пепельницы. Их передавали по рядам и курили по очереди. Тем же, кому нужно было срочно в туалет – с огромным трудом протискивались к борту, откидывали тент и делали свои дела прямо во время движения. За нами ехал следующий «Урал», и его водитель, включив лобовые дворники, с невозмутимым лицом продолжал движение в колонне.

Пейзажи за бортом медленно сменялись. Я люблю сидеть около борта машины и наблюдать за тем, что происходит снаружи. Российская и украинская природа похожи, а вот инфраструктура претерпевала изменения. Сначала мы видели ухоженные и цивилизованные места российской провинции: асфальтовые дороги и шоссе, посёлки городского типа, магазинчики, кафе, гостиницы, множество дорожных знаков и указателей, автобусные остановки и прочие признаки присутствия городских жителей. Так продолжалось, пока мы не пересекли границу и не заехали на территорию «народных республик».

Здесь, в общем, всё было похоже – но было видно, что цивилизация здесь поддерживается гораздо слабее. Здания всё больше и больше напоминали советскую архитектуру, автобусные остановки были из толстеного бетона, дорожных знаков становилось всё меньше и меньше, дороги становились хуже и хуже, а потребительские заведения вроде кафе и магазинов постепенно исчезали.

В какой-то момент мы поняли, что проехали очередное КПП на границе и въехали в прифронтовую сельскую местность. Асфальт кончился, и мы начали движение по просёлочным дорогам. Нам очень повезло с погодой – дождя не было, и грунт был относительно сухой. Тем не менее,

машины двигались гораздо медленнее, чем по асфальту. По дорогам шли глубокие колеи, вырытые множеством грузовиков, проезжавших по этому маршруту ранее. Машины тут и там въезжали в эти колеи, выезжали из них, кузов наклонялся то влево, то вправо. От тряски все спящие проснулись. Время крепких напитков закончилось, теперь уже все были трезвыми. Ветки деревьев царапали тент, как огромные когти. Когда мы проезжали под ветками, мне показалось, что на тент нашего «Урала» что-то упало. Неужто бомба? Но нет, пронесло.

Наша колонна начала разделяться. Весь батальон надо было где-то расквартировать. В одно место всех не посадишь. Даже одну роту в одном здании разместить было негде. Поэтому «Уралы» разъезжались по дороге, кому куда было приказано.

Где-то спустя пару часов езды по грязи, полям и холмам, старший головной машины вдруг понял, что мы заблудились. Была дана команда остановиться.

Один из бойцов по кличке «Шар» всю дорогу хотел сходить в туалет. Как только выдалась возможность, он перемахнул через задний борт грузовика, отошёл к кустам у дороги, расстегнул ширинку и начал сливать утренний энергетик.

И тут грянул гром.

Глава 4. Село У. На линии фронта. Осень 22.

Мы тогда не понимали, что война артиллерийская. Мы не понимали, где наши, а где противник. Мы не понимали, как далеко от нас происходит выстрел, мы даже не отличали вылет от прилёта по звуку. Мы вообще ничего не понимали. Нам никто этого не объяснял. Мы понимали только одно – мы ничего не можем сделать.

Колонна тронулась почти сразу. Шар в панике бежал за нашим «Уралом» и с разбегу зацепился руками за борт машины, перевалился через него внутрь – и лишь потом стал застёгивать ширинку.

Мы никогда не слышали звуков артиллерии раньше. Поэтому мы были убеждены в том, что стреляют именно по нам! Верующие молились. В тот день у многих из нас впервые появилась мысль: «А может я что-то в этой жизни сделал не так? Может не стоило брать эту чёртову повестку и приходиться в военкомат? Какой же я дурак...»

Лишь потом мы осознали - рядом с нами стреляла российская артиллерия. Но мы её не видели. Рядом – означает в пределах километра от нас. То, что мы считали прилётами – на самом деле было вылетами. Но тогда мы были уверены в обратном.

Наша весёлая поездка превратилась в сплошной страх. Мы доехали «куда-то», в одно большое «никуда». С одной стороны – подсолнухи, с другой стороны – поле. Оба поля не обрабатывались с начала войны, а между ними – лесополоса.

- Выгружайтесь! – скомандовал водитель.

- «Пятнашка», занимаем позиции, ищем себе окопы! – подхватил наш взводник Стопор.

Уже темнело. Мы разошлись по лесополосе, растянулись насколько это было возможно. Меня Шайба поставил наблюдателем от нашего отделения. Я занял позицию под деревом и стал... наблюдать.

Позицией это было сложно назвать – на этой «позиции» не было выкопано никакого укрытия. Да и наблюдать тоже было нечего. Кто-то крикнул мне – «Противник с той стороны!» - и показал на поле. Ну я и стал смотреть в ту сторону. За полем была видна деревня, через которую постоянно проезжали чьи-то грузовики. Справа было какое-то озеро и склон холма, по которому петляла просёлочная дорога. По ней тоже кто-то ехал.

Над нашими головами регулярно пролетали артиллерийские снаряды и сигнальные ракеты, а иногда дроны. Мы тогда реагировали на каждый раздражитель.

- Возду-у-ух!

Каждую минуту кто-то из нас орал: «Возду-у-ух!». Все падали на землю и выжидали, пока тревога пройдёт. Но тревога никогда не заканчивается. Подать сигнал «Возду-у-ух!» может каждый, как только услышит или увидит что-то опасное на его взгляд. Но никто из нас не кричал «Отбой воздух!», потому что никто никогда не знает, когда опасность прошла. Каждый вставал с земли на своё усмотрение. Сначала мы выжидали по минуте. Потом по полминуты. Потом по десять секунд. А потом до нас потихоньку начало доходить осознание того, что на самом деле стреляют не по нам. И некоторые из нас перестали ложиться на землю. Спустя час я заснул сидя под этим деревом.

Когда меня разбудил Шайба, он нашёл мне смену и сказал искать себе спальное место. В этой лесополосе было выкопано много чего, но ничего не было выкопано до конца. Окопы кто-то копал до нас – но они были лежачие, и их было слишком мало. Блиндажи кто-то копал до нас – но они не были накрытые. По сути, ни боевых, ни жилых укрытий у нас не было. В полной темноте, с трудом находя свои вещи, мы стали располагаться на ночлег под открытым небом. Как же мне повезло – мой спальный мешок лежал в куче вещей почти на поверхности. Я выбрал себе место в открытом блиндаже. Остальные расположились кто где.

Хоть крыши у меня и не было – а всё-таки я был ниже уровня земли. До сих пор я считаю, что жить и спать лучше под землёй.

На следующий день ситуация стала проясняться. К нам в гости приехал контрактник-артиллерист Капля, и он рассказал нам следующее:

- Мы находимся около деревни У. Вот она видна за полем. Вы – третья линия обороны. Между вами и хохлами ещё две линии наших солдат. За вашими позициями, за подсолнухами стоим мы, артиллеристы. Везде вокруг – наши. Вам по сути почти ничего не угрожает, если вы будете осторожны и не будете привлекать внимание.

Это уже было для нас огромным облегчением. Мы начали ходить по лесополосе, осматривать позиции. Каждое отделение выбрало себе по блиндажу и начало его обустраивать. На самом деле мы очень лениво обустраивали наши блиндажи. Мы даже не стали их накрывать брёвнами – мы просто натянули над ними плащ-палатки и сложили внизу наши вещи. Построили несколько шатров на поверхности земли, зажгли несколько костров для приготовления кофе и чая. Комоды расставили посты для ночных дежурств. Все мы теперь боялись только легендарных ДРГ – диверсантов противника, и были уверены в том, что ночью они к нам прокрадутся.

Старшина роты Вишня нанёс нам визит и организовал полевую кухню. В нашей лесополосе стояло два взвода: наш и соседский. Вишня с обеспеченцами стояли поодаль, готовили там пищу и привозили полевую кухню, чтобы нас покормить. Ротный Линейка спустя пару дней тоже пришёл к нам в гости, осмотрел позиции и остался у нас.

В процессе выяснилось, что не все наши вещи доехали до пункта назначения. Часть баулов, которые мы утрамбовывали по машинам в городе А., приехала к нашим соседям в другую роту, и валялась там одной большой кучей. То же самое произошло и с их баулами – их привезли к нам. В итоге мы сидим с кучей чужих вещей, а наши вещи в то же время где-то у другой роты. Меньше всего повезло мобилизованному по кличке «Туз» - этот бедолага остался без спального мешка. Боже мой, он спал без спального мешка на природе и каким-то чудом не замёрз насмерть – а ведь на дворе

была уже поздняя осень, и к утру температура падала до нуля. Нам ещё повезло, что дождя и снега не было.

Мы привыкали к артиллерийской стрельбе, привыкали жить на природе. По вечерам мы смотрели на горизонт и пытались разглядеть, куда же стреляет наша артиллерия. А на вторую или третью ночь Дубина начал стрелять.

Дубина, Шинель, и ещё один боец с позывным «Колобок» заняли втроем один окоп и пытались обустроить его вместе. О дежурстве они договорились так: ночью дежурят Дубина и Шинель по очереди, а днём дежурит Колобок. Отстояв весь день, тогда ещё неопытный Колобок лёг спать и горя не знал. В это время Дубине что-то показалось в тумане на другой стороне поля...

И Дубина открыл огонь! Из пулемёта!

Напомню, что мы были в третьей линии обороны: то есть везде вокруг нас были свои же! Дубине же показалось, что к нам через поле лезут диверсанты противника, и открыл огонь.

Колобок просыпается оттого, что прямо у него над ухом стреляет очередями пулемёт Калашникова, а горячие гильзы сыплются ему на спальный мешок. Проснуться таким образом - уже приключение. Колобок ещё не успел толком открыть глаза, как Дубина орёт ему на ухо:

- Меняем позицию!

И вся бравая тройка бросилась бежать к соседнему окопу, чтобы занять новую позицию уже в нём.

Все мы в этот момент подорвались по тревоге. Мне было так лень вылезать из своего спального мешка, но я понимал, что надо. Хотя, честно говоря, чувствовал, что эта тревога - ложная. Мы разошлись по окопам и в

течение часа пялились в туман над полем – но так ничего и не увидели. Стрелять лишний раз нам не хотелось.

На следующий день по такому случаю наш ротный Линейка решил сходить и посмотреть – а куда же, собственно, стрелял Дубина? Может, там остались тела врагов, сражённых пулями нашего бравого пулемётчика?

Линейка осмотрел село У. и поле в том секторе, который обстрелял Дубина – но так ничего и не нашёл. Зато Линейка встретил водителя «Камаза» из другого батальона, который рассказал ему страшную историю: «Еду я, значит, сегодня ночью по деревне У., как обычно, с выключенными фарами. Остановился, значит, у заброшенного дома, чтобы в нём покопаться. И тут как по мне начал работать пулемёт! Откуда? Непонятно! Зачем? Кто? Непонятно! Здесь же хохлов не должно быть, здесь везде наши!»

С тех пор про Дубину начали ходить шутки про то, что он, сумасшедший, безумец - расстрелял «Камаз». Причём не «Камаз» хохлов, а наш. На срочной службе за такое устроили бы разнос. Но у нас не срочная служба - у нас война. Дубину за это особо не ругали – понимали, что будь на месте этого «Камаза» настоящее ДРГ противника, стрелять действительно надо было бы.

На пятый день пребывания в селе У. мне пришла в голову идея сделать унитаз. Я честно копал яму среди подсолнухов, устанавливал пеньки по размеру, чтобы было удобно. Из куска фанеры с дыркой получилась отличная сидуха. Не как дома, конечно, но вполне неплохо. Человеческий организм реагирует на стрессовую ситуацию по-разному. И для меня стресс – это запор. Запор может продолжаться вплоть до недели. Организм пытается всосать все питательные вещества, которые только может, и ничего не выбросить понапрасну. Поэтому очень хотелось сделать комфортный туалет, чтобы наконец-то почувствовать себя человеком. Напрасно. Воспользоваться им мне так и не довелось.

Нам дали команду грузиться и уезжать с насиженного места.

Глава 5. Деревни П.З. Линия фронта. Осень 22.

В новое место наш взвод поехал первым. Мы приехали в какой-то лес, уже в темноте. Долго перетаскивали наши вещи с места на место, и наконец расположились на ночёвку под открытым небом. Жильё мы не обнаружили, и осматривать окрестности начали только утром. В то утро температура опустилась чуть ниже нуля, и мой спальный мешок слегка покрылся изморозью. Когда я вылезал из него, он мягко похрустывал. Красота, да и только! Ах, если бы это был отпуск на природе – было бы просто прекрасно! Но прекрасно, увы, только когда ты всегда можешь вернуться домой, в цивилизацию.

Побродив по окрестностям, мы обнаружили парочку крытых блиндажей – они были готовы для жилья, но для всех места бы не хватило. Ещё была парочка открытых блиндажей – их нужно было достраивать, делать крышу из брёвен (накатов). Наш взводник Стопор объявил для нас всех: «Мы в глубоком тылу! Везде вокруг свои! Здесь нам ничего не грозит, нужно просто сидеть и не отвечивать! Нам крупно повезло, что мы попали в это место. Готовим блиндажи для жилья!»

Но мы уже смекнули, что в блиндажах места на всех не хватит: надо занимать дома!

Рядом с нами, в двух шагах, начиналась деревня П. В деревнях оставалось очень мало людей, больше половины домов всегда пустовало. Так что, проведя разведку, мы присмотрели для себя уютный домик. Домик был почти полностью пустым, но в нём было главное: крыша, стены, печка, и достаточно места для десятка человек. Другие отделения тоже присмотрели для себя дома. Стопор пытался нас остановить, но тщетно. Взвод перебирался в домики, печки начинали топиться.

Это было прекрасно. После жизни на природе, мы наконец-то вернулись в тёплое и сухое помещение. За пару дней мы отдохнули, выпались.

Впервые за неделю помылись! В домиках были маленькие комнатки со сливом, где можно было облиться из ведра. Воду мы грели на печке: красота! Недалеко от домиков было озерцо, где мы постирали нашу одежду. Вода была хоть и студёная – стояла поздняя осень - но она была!

Приболевший Туз, спавший без спального мешка всё это время, отлежался на печке и ожил. Пара бойцов с позывными «Сулейман» и «Крюк» пошли на озеро порыбачить, и даже поймали пару рыбёшек. В километре от наших домиков мы обнаружили родник, где местные набирали чистую воду – и мы тоже стали к нему приходить.

Кругом не было никакого шума. Никакая артиллерия рядом не стреляла. Мы стояли далеко за артиллеристами, и ничто не беспокоило нас. Для виду мы выставляли наблюдательные посты, чтобы контролировать дорогу и наблюдать за деревней с горы – но эти посты были абсолютно бесполезными, потому что наблюдать было нечего.

Вечером мы играли в карты и слушали украинское радио по рации. Жизнь налаживалась, и мы твёрдо решили перезимовать в деревне П. Сиди себе, печку топи и получай своё жалование.

Но из этого Эдема нас очень быстро выгнали. Спустя несколько дней такой райской жизни приехал Линейка и отдал приказ снова переезжать на новые позиции: «Мы едем туда на пару дней! Берите только самое необходимое! Там будет опасно, хохлы будут в меньше, чем километре от нас: возиться с вещами будет некогда!»

И снова погрузка вещей, снова «Урал», битком набитый баулами и людьми в бронежилетах и касках, с автоматами. Снова мы едем «в никуда». На себе мы везли только самые необходимые вещи, так что мы оставили

одного человека охранять всё остальное в деревне П. – самого бесполезного с точки зрения армии товарища – Шестерню. У него было достаточно дров и еды для того, чтобы прожить одному. Но даже при этом многие над ним смеялись. Он не мог самостоятельно разжечь печку, не мог поддерживать огонь, не мог приготовить себе пищу. Пожалуй, я тоже не обладаю навыками выживания, но по сравнению с ним - я был просто Беаром Гриллсом.

Мы же, снова под вечер, выехали из деревни П. и добрались до пересылочного пункта в деревне З. Нам было сказано, что здесь мы переночуем, а завтра поедем дальше. Первое же коллективное решение: Занимаем дома! Каждое отделение нашло себе по заброшенному домику. Пройдясь по ближайшей улице деревни, мы обнаружили солдат из других подразделений.

- Здорова, мужики! Вы мобики?

- Не, мы контрабасы.

- А вы откуда?

- Мы из «Нижегорской».

Нам ничего не говорило название «Нижегорская». Мы вообще никого здесь не знали, кроме бойцов из нашего батальона.

- Слушайте, мужики, а что это за деревня то?

- Деревня З.

- А тут есть магазин или вроде того?

- Есть, дальше по улице деревенский магазин, но там почти ничего нет. А еще за оврагом есть барыга, у него много чего есть.

Перспектива сходить в «магазин» нам очень понравилась. Сигареты были на исходе, и прикупить чего-нибудь вкусенького хотелось. С парочкой товарищей мы отправились на разведку и обнаружили сельмаг, где торговала

молоденькая девушка. Но в этом магазине действительно было почти пусто. Немного сладостей, семечки, дешёвые сигареты в небольших количествах и по огромной цене. Здесь сигареты стоили в два-три раза дороже, чем в России. Девушка говорила по-русски и принимала оплату в рублях. Вообще в деревнях почти все местные говорили по-русски.

Разочаровавшись в ассортименте, мы отправились к барыге на другом сторону оврага. У барыги был совсем другой подход к торговле. Помещения с полками товаров у него не было. Вместо этого посетители подходили к воротам, и к ним выходил продавец Витёк. Вечно в чёрной курточке и вечно с фонариком на лбу. У Витька мы спрашивали, что у них есть и почём – Витёк записывал наш заказ на листочек, но цену на те или иные товары не объявлял, говорил, мол, не помнит. После этого он уходил в дом и собирал заказ в пакеты, выносил их на улицу и лишь потом объявлял финальную стоимость. Либо согласен – либо нет. В большинстве случаев все соглашались – покупать было больше негде.

А ассортимент у барыги был куда шире, чем в деревенском магазине. И газировка, и колбаса, и сыр, и овощи, и фонари, и провода, и батарейки, и сигареты, и хлеб на заказ, и майонез, и кетчуп, и наушники, и сладости, и вафли и т.д. Сам барыга-хозяин ездил в Россию закупаться каждые несколько дней, его жена следила за домом и за складом, а сын Витька торговал с посетителями. Было видно, что процесс поставлен на широкую ногу. Этот барыга победил деревенский магазин в конкурентной борьбе и подмял под себя весь рыночек в ближайшей местности. К барыге в З. ходили и жители из других деревень, и солдаты со всех ближайших позиций. Для нас этот барыга на долгое время стал единственной ниточкой, связывавшей с цивилизацией.

Закупившись сигаретами и вкуснятиной, мы вернулись в наши домики и остались ночевать в З. И тогда я осознал ужасное – я забыл свой спальный мешок в деревне П.! Я забыл его взять с собой! Фатальная ошибка. Я спал в

одежде, и ноги у меня страшно заоченели уже через час, а чего уж говорить про утро. Теперь мне пришлось оказаться на месте бедолаги Туза.

На следующее утро мы вышли к точке встречи и поняли, что наше везение с погодой кончилось. На улице шёл дождь. На войне дождь – это страшно. Если у тебя есть крыша над головой – ты счастливчик. Но даже в этом случае ты не можешь сидеть под крышей круглые сутки. Ты постоянно чем-то должен заниматься на улице. Вот и сейчас мы поковыляли под дождём на погрузку, в глубине души понимая, что просохнуть у нас не получится.

На погрузке мы ещё долго ждали нашу машину. И, к счастью, мы придумали себе укрытие от дождя – огромный кусок брезента, валявшийся неподалёку. Кое-как расправив полотно, толпа в тридцать человек залезла под него. Стоявшие с краю придерживали концы брезента. Мы напоминали стаю пингвинов, которые греют друг друга. Через пару часов за нами приехал очередной «Урал» и отвёз нас в какую-то непонятную лесополосу. В этой лесополосе не было вообще ничего: ни блиндажей, ни окопов, ни тропинок. Мы просто стояли между деревьев и не знали, что делать дальше. А дождь всё шёл и шёл.

Кто-то из наших начал предъявлять претензии командованию.

- Выкинули посреди леса!
- Ни позиций, ни укрытия, ничего!
- Где мы вообще?
- Когда еду привезут?
- Ну это пиздец!

Все камни летели в нашего командира взвода. Он потерял контроль над людьми. Все были недовольны. Так мы провели весь день. Просто стояли

посреди лесополосы и ждали, что будет дальше. И, наконец, вечером кое-что произошло.

Наше присутствие в этой лесополосе было никому не нужно. Командование прислало новую машину, чтобы отвезти нас на пасеку под деревней И.. На тот момент она была под контролем противника. Мы не знали, идут ли там бои или какое-то наступление. Ничего мы не знали. Никто нам ничего не говорил, не объяснял. Наши ребята не хотели ехать. Но и, если не ехать – тоже непонятно, что будет дальше и как быть. Так что половина взвода заявила о своём нежелании выполнять приказы, но всё-таки все погрузились в машину и поехали. К ночи мы попали на пасеку под деревней И.

Глава 6. Прибытие на пасеку под деревней И. Линия фронта. Осень 22.

Мы спрыгнули с «Урала» около пасеки. Сгрузили наши пожитки и сложили их в грязи около дороги. Нас встретили контрактники, которые жили здесь в небольшом домике хозяина. Как же нам повезло с этими контрактниками: они показали нам, где можно расположиться. Помимо хозяйского домика, на пасеке было еще несколько помещений: баня, хлев, гаражи с инвентарём, просторный подвал для ульев и несколько сараев. К счастью, места хватило для всех. Мы заселились в подвал для ульев, достали солому из хлева и постелили ее на пол, чтобы было удобно спать. Этот подвал был и спальней, и убежищем на случай артиллерийских обстрелов. В гаражи мы сложили наши вещи, чтобы спасти их от дождей.

В подвале была небольшая буржуйка, которая сразу пошла в дело. Мы нещадно ломали рамки для ульев и первую неделю топили печку этими рамками. Сердце кровью обливалось от этого.

Кто-то посчитал, что каждая такая рамка стоит около ста рублей. Мужик-хозяин этой пасеки много лет старался, выпиливал эти рамки – а теперь они идут на растопку. Мы топили печку деньгами и трудами пасечника. А рамок и ульев было много: под сотню ульев, и для каждого улья по десятку рамок. Тем не менее, ночью всё равно было очень холодно. Каждую ночь я проклинал себя за то, что не взял с собой спальный мешок.

Контрактники сказали, что до противника чуть более полукилометра. Лишь потом мы поняли, что нас просто пугали. Мы выставили посты для наблюдения и охраны наших позиций. Между нами и противником была дорога, поле и холмы. По дороге ездили наши машины, поле было заминировано. На холмах были видны лесополосы, в которых засел противник – но до него на самом деле было больше полутора километров. Солдат противника мы не видели. Но посты должны быть выставлены на всякий случай.

Моё отделение выставило пост посередине – ближе всех к нашему месту жительства. Идти до поста было всего три минуты: удовольствие, да и только. Но стоять на посту надо было круглые сутки: мы поделили время так, что каждый из нас в среднем стоял по три часа днём и по три часа ночью. Не так уж много, не так уж мало. И поспать время есть, и позаниматься хозяйством. Время было спокойное. На третью ночь пошёл снег.

Да не просто снег, а лютая метель. Посреди ночи мы вышли на дежурство в плащ-палатках и обнаружили, что метель дует прямо нам в лицо. Стоять на посту эти три часа было невыносимо, снег летел в глаза, лютый холод – и ни черта не видно. Простояв так около получаса, мы, не сговариваясь, отвернулись от противника – и просто стояли к нему спиной. Пожалуй, если бы они решили напасть этой ночью, то мы бы не увидели вообще ничего! Так мы выстрадали эти несчастные три часа и пошли восвояси спать.

Наутро нас всех разбудил Стопор, наш взводник, пожелал доброго утра и сказал:

- На улице вас всех ждёт сюрприз!

- Ага, сюрприз только для тебя. Ты же ночью не стоял на посту, дармоед. – пробурчали мы ему в спину, так, чтобы он не слышал.

Снег не пролежал долго. За весь ноябрь и декабрь было всего несколько снегопадов, и каждый раз снег лежал на земле пару дней – а потом таял.

Глава 7. Тихая жизнь на пасеке под деревней У. Линия фронта. Осень 22.

Потихоньку мы начали обживать на пасеке. В подвале было очень тесно, тридцать человек жили на шестидесяти квадратных метрах, и со временем нам это надоело. Часть людей переехала из подвала на поверхность, в гаражи. На мой взгляд, это было опасно, так что я до последнего оставался спать в подвале. А всё хозяйство переместилось в гараж. Наше помещение было тесным, но со временем становилось всё уютнее.

Самое главное – это печка. Мы пробовали разные варианты, и самым надёжным оказалась бочка. Большая дождевая бочка была перевёрнута днищем кверху, стояла она на кирпичках, а внизу была вставлена решётка. Штык-ножом и кирпичом мы с Крюком проделали в бочке отверстия. Снизу - много дырок для тяги воздуха и дверца для дров. Сверху - отверстие для трубы. Нам удалось найти два колена и пару листов металла. Металл мы медленно и печально скрутили проволокой – и получилась страшная, но рабочая труба. В окне нашего гаража мы проделали отверстие для трубы и вывели всё наружу. Соединив все составные части вместе, наш мастер-

печник Крюк замазал всю эту конструкцию лютой смесью из глины и коровьего навоза.

Печка из бочки получилась чудовищная. Несколько дней нечестивых ритуалов кустарного производства и танцев с бубном, молотком и коровьим говном – и эта дьявольская конструкция появилась на свет. Исчадие ада. Уродливое, страшное, дырявое, замазанное дерьмом чудовище Франкенштейна. Но надёжное и полностью работоспособное. Мы её сделали сами – и это хорошо. Пока жили на пасеке – эта печка надёжно отапливала наш гараж, иногда даже было слишком жарко, как в баньке.

Из ульев и досок получались хорошие нары. Многие ульи были пустыми, и мы их разбирали на запчасти. Один улей разобрать, доски положить, сверху пенка и спальный мешок – и нары готовы. Так в наш гараж переселилось трое человека из подвала.

Вскоре к нам приехали наши оставшиеся вещи. Наконец-то все пропажи были восстановлены, у каждого был спальный мешок и запасная тёплая одежда. Мой спальный мешок тоже приехал, и я снова стал спать как человек!

Свою кровать в подвале я сделал из огромных кирпичей. То ли это была соль для коров, то ли строительные блоки – я натаскал их в подвал и уложил в стеллаж для ульев, постелил сверху соломы, пенку и спальный мешок. Из еще одного кирпича я сделал даже прикроватную тумбочку – ну просто сказка. Вдоль всего подвала были установлены стеллажи для ульев – и все солдаты со временем приспособили их под мебель. Эти стеллажи превратились в спальные места, в полки, в сушилки для одежды, в кухонные столы и в тумбочки. Благо, досок для всего этого было достаточно. По сути, мы жили как бомжи, но это была тихая и хорошая жизнь.

Иногда к нам приезжал наш ротный Линейка. Он обзавёлся внедорожником, и время от времени объезжал позиции. Вскоре он привёз

нам генератор, который был установлен в одном из сараев. Розеток было мало, но со временем нам удалось провести свет в подвал и в гаражи. Главное – этот генератор позволял нам заряжать рации, фонари и павербанки.

Также нам очень повезло с водой: на пасеке была скважина с электрическим насосом. Раз в день мы включали этот насос и наполняли чистой водой все бутылки, которые у нас были. Их, к счастью, было предостаточно – нам привезли партию бутылированной питьевой воды. Эту воду мы пили просто так, а воду из скважины кипятили и пускали на чай, кофе и на приготовление пищи. Мы даже могли натопить баньку и помыться да постираться – воды было всегда в достатке.

Того же нельзя было сказать о еде. Еду нам привозили весьма нерегулярно. Дело в том, что дорога из тыла до нас простреливалась артиллерией противника, и водители боялись к нам ездить – а командирам снабжения было жалко терять машины. С едой первое время был постоянный дефицит. Мы жили впроголодь, и в нашем отделении был назначен человек, ответственный за еду. Это был Тушь – он выдавал еду порционно на завтрак, обед и ужин, и выдавал её мало. Например, обед в первое время мог представлять из себя один доширак, один бутерброд с маслом и один леденец.

Опечаленные таким состоянием дел, мы пытались придумать решение. Кот, я, и ещё один боец по кличке «Вратарь» совершили несколько пеших походов в соседнюю деревню З. к уже знакомому нам барыге. Идти туда было далеко – несколько километров, и дорога была тяжёлая. Колея от трактора шла через поле в гору, грязь под ногами хлюпала и мешала идти, вокруг ни души и ни одной попутной машины, а слева и справа от колеи – заминированное поле. Лишь близ деревни дорога переходила на ровный асфальт, где можно было поймать попутную машину и попросить подвезти.

Кроме того, втроём для тридцати человек много еды мы притащить никак не могли.

В один из таких походов мы заметили, как солдаты из другого подразделения свежуют корову. Мы не знали этих ребят, но Шар попросил их поделиться мясом – и они без зазрения нас угостили. Отрезали кусок коровьей ноги, который я честно тащил на своём горбу до самой пасеки. Этого хватило, чтобы накормить весь взвод на целый день.

Но долго так продолжаться не могло, поэтому мы приняли единственное возможное решение – пора самим добывать дичь. Бравые авантюристы Груша и Шмель приманили одну из блуждающих коров, накинули ей на шею петлю и привели ее поближе к пасеке. Смерть пришла к ней быстро, и заработали ножи. Недолго думая, всю корову мы быстро разрезали на куски и распределили мясо по отделениям. Температура на улице стояла чуть выше нуля, так что мясо мы просто сложили в пустых ульях – и оно долго не портилось, так как хранилось, словно в холодильнике.

В тот же вечер мы стали жарить шашлыки. Достали где-то ржавый мангал и прямо на улице начали приготовление божественного блюда. Довольны были все, все впервые наелись. Хватило каждому.

Стоим себе на улице толпой, общаемся, курим да шашлык кушаем. В этот вечер к нам зашёл Линейка и возмутился от такой наглости: «Вы тут на дачу приехали отдохнуть что ли? Солдаты приехали на войну, блять! Стоят - на улице шашлыки жарят!» - его лицо заметно побаргровело – «Может вам ещё пивка, водочки и бабу привезти? Хохлы посмотрят на вас в бинокль – охуюют! Вообще без палева кайфуют, как у себя дома!»

В общем, он был прав, мы слишком привлекали к себе внимание. Противник пристально наблюдал за происходившим с холмов, и нашей райской жизни не суждено было продолжаться вечно.

Глава 8. Пальба на пасеке под деревней И. Линия фронта. Зима 22.

В один прекрасный день на нас обратили внимание. Как-то раз Груша и Шмель возвращались со своего вечернего поста. На дворе была зима и темнело рано, поэтому всё происходило в полных сумерках.

Внезапно стылый воздух разрубили автоматные очереди. Никто не понял, кто и откуда стрелял. Возможно – это были диверсанты противника. Груша и Шмель сразу бросились оземь в ближайшую канаву и залегли в ней. На фоне серого неба они увидели, как через дорогу в сторону противника промелькнул чей-то одинокий силуэт, и больше не было ни движения, ни огня. Отлежавшись несколько минут, и убедившись, что дорога безопасна Груша и Шмель сразу же побежали к нам и доложили о случившемся. Мы высыпали на улицу и заняли позиции, но больше в ту ночь происшествий не было.

Тогда мы начали копать окопы глубже.

Спустя несколько дней над нами начали летать дроны противника. Не очень много – раз в пару часов кто-то прилетал на нас посмотреть. На другой день кто-то из нас заметил в бинокль нечто подозрительное на холме в полукилометре от нас. Что-то похожее на шалаш. Почему-то мы подумали, что это диверсанты противника запускают из этого шалаша дроны.

Было принято решение обстрелять этот шалаш из всех стволов. Сам Линейка дал на это добро, лично в этом поучаствовал и привёл своих приближённых пострелять. Мы заняли свои позиции и начали стрелять все вместе. Автоматы, пулемёты и гранатомёты – всё сразу. Никакой реакции: ни движения, ни ответного огня. Но этим мы, по-глупости, привлекли ещё большее внимание к себе и дали противнику знать, что мы всё ещё здесь.

Окопы начали копать глубже, на каждом из трёх постов стали копать укрытие побольше – «наблюдательный пункт».

И я сам видел нечто. Стоя на посту в одиночку, на фоне заходящего солнца я увидел два силуэта скрытых тенью, спускавшихся вниз по холму напротив меня. Недолго думая, я сообщил об этом по рации и дал очередь из автомата в то место, где их видел. Никакой реакции. Я до сих пор не знаю: были ли это люди или животные, или мне просто показалось. Но после этого мы стали копать ещё больше окопов.

Через какое-то время один из наших бойцов заметил еще несколько фигур, которые скрылись в лесочке посреди поля. Приказ старшего – и мы снова заняли позиции и начали работать. Проблема была в том, что никто не понимал, куда надо стрелять. Я не стрелял, потому что не видел цели. А вот с третьего поста работали, похоже, туда, куда надо. Ибо спустя несколько очередей из лесочка поднялась красная сигнальная ракета. Был ли это какой-то сигнал диверсантов противника – мы так и не узнали. Никто не хотел идти в этот лесочек и проверять. «Наблюдательные пункты» были выкопаны поглубже и превращены в пункты обогрева.

Помимо всех этих силуэтов, по округе постоянно ходили животные. Коровы, косули и иногда даже кабаны. В этой местности была огромная коровья ферма, и сотни коров остались без хозяина. Некоторые коровы валялись мёртвыми на поле, другие ходили на трёх ногах – местность была усеяна противопехотными минами.

Про косуль мы слышали трагикомическую историю от одного из солдат соседнего подразделения: «Как-то раз мы подстрелили косулю на поле. Жрать хочется, еды мало. Один из наших пошёл за этой косулей. Бам! Подорвался на mine, ногу оторвало. Увезли на эвакуацию. Мужики думают – мясо жалко, надо вытащить. Пошёл второй мужик за косулей. Бам! Тоже подорвался на mine, ногу оторвало. Увезли. Мужики думают: ну теперь то уж точно мин не осталось, в третий раз то всё получится. Пошёл третий мужик за косулей. Бам! Тоже подорвался на mine, ногу оторвало.»

А один раз мы лично видели кабана. Не просто кабана – кабанище! Только-только выпал снег, покрывший склон холма, и вот он – огромный секач - бегаёт по зарослям, хорошо его видать. Ну, мы уж не стали его трогать – всё равно мы за ним через минное поле не пойдём.

В такой нервной обстановке прошло полмесяца. И вот, в один прекрасный день мы навлекли на себя достаточно внимания противника, чтобы он решил напомнить нам: здесь война, а не курорт.

Глава 9. Артобстрелы и дезертиры на пасеке под деревней У. Линия фронта. Зима 22.

Мы были заняты очередной делёжкой продуктов, которые нам привёз Линежка. Дошираки, крупы, вода и прочее. Тушь делил всё это между отделениями, а я взял коробку с кабачковой икрой, чтобы отнести её в подвал. Только я сделал первый шаг, как тут над нашими головами пронёсся свист. Полсекунды – и гремит взрыв. Мы это называем «прилёт».

Тушь сорвался с места мгновенно. Он побежал в подвал со всех ног, только пятки сверкали. Я, как дурак, не выпуская из рук коробку, побежал вслед. Только на полпути до подвала до меня наконец дошло, что кабачковая икра не так уж и важна в данной ситуации, и, аккуратно поставив коробку на землю, продолжил свой путь.

В подвал сбегались все бойцы, которых противник застал на поверхности. Мы собрались внизу и стали ждать, когда обстрел закончится. Из миномёта или из танка по нам вели огонь - я так и не понял. Нашему опытному вояке Дубине это было не впервой, и он включил музыку:

А у нас жара, как на Бора-Бора!

Я беру тебя у бара, будто ты - виски-кола!

«А у вас такой жары не было» - ты говоришь!

А у нас жара такая, что ты вся горюешь, ио!

Пошла жара!

Пошла жара!

Это была адская тусовка в подвале под артобстрелом!

К счастью, никто из нас не пострадал. Нам вообще очень везло на пасеке. Когда всё закончилось, спустя полчаса мы вышли на поверхность и стали осматривать повреждения. На пасеке повсюду валялись продукты. Люди в панике бросали то, что несли: хлеб, банки, дошираки и воду. Упаковки валялись на земле, часть из них была пробита осколками. В домике появилось несколько небольших новых дырок. А на огороде появилось несколько воронок.

Сначала обстрелы были где-то раз в неделю. Так как водители боялись возить нам продукты, этим занялся Линейка. На своём внедорожнике он привозил продукты прямо нам на пасеку, рискуя быть обнаруженным и попасть под обстрел. Но, благодаря ему, еды у нас стало достаточно.

От сытой жизни и из-за стресса мы начали готовить бражку. У нас была тара для воды на двадцать пять литров, а в деревне З. мы могли купить у барыги дрожжи и сахар в достаточном количестве. Так что очень быстро наши умельцы начали приготовление волшебного зелья. Вода, сахар и дрожжи, плюс мёд и/или яблоки по вкусу. Мёда у нас было завались: мы выгребали его из пустых ульев банками.

Бражка устанавливалась около печки и стояла так пару суток до готовности. И вот, наконец наступал момент откупоривания. Двадцать пять литров бражки уходили на взвод за один вечер. Бражка была волшебная и долгоиграющая. Вроде пьёшь кружку – ничего, пьёшь вторую – ничего, пьёшь третью, четвёртую. А потом через полчаса как накрывает!

В первый раз мы дорвались и перепили почти все. Но, к счастью, мы пили по отделениям. Хотя бы одно отделение каждый день оставалось

трезвым, на случай чего-то плохого. Так мы справлялись со стрессом от прилётов.

Чаще всего под первый прилёт попадал первый пост – пост первого отделения. Первый прилёт самый страшный, потому что ты не ожидаешь его. Стоишь себе на поверхности и смотришь в поле – а тут бах! И только после первого прилёта ты бежишь в укрытие под землю. И ребята с первого поста очень боялись погибнуть, потому что первый прилёт всегда летел именно в них. В какой-то момент начались разговоры о том, что мы не хотим умирать.

В один из приездов Линейки первое отделение подняло вопрос о «ротации» – это легендарное явление заключается в том, что после какого-то времени на передовой солдат отправляют в тыл отдыхать. Я никогда всерьёз не верил в эту ротацию. Но, к моему удивлению, Линейка согласился. Он предложил всем желающим уехать с пасеки и переместиться в тыл, в более безопасное место. Почти всё первое отделение было в восторге. Наш Тушь тоже был в восторге, и на следующий день добрая половина нашего взвода уехала в тыл, в деревню П. Уехал и командир взвода Стопор. За этот поступок мы его материли: ведь по сути он бросил половину своего взвода под обстрелами. Из первого отделения остался только Нефрит и Шар.

Почему же не все мы уехали в тыл? Почему же я отказался ехать в тыл? На то было несколько причин:

Во-первых, на пасеке я чувствовал себя как будто бы «при деле». У меня была задача: стоять на посту и смотреть в поле, чтобы противник не подошёл незамеченным. Между нами и противником было только минное поле, так что мы выполняли «боевую задачу» (на самом деле грош цена нам как бойцам). Я понимал, что, если мы уедем в тыл, то нам придумают другое занятие.

Во-вторых, чем дальше в тыл – тем больше армейского долбобизма. В тылу ездят начальники. А начальники ебут мозги. Туда не ходи, сюда не

ходи. Стой по стойке смирно. Убери с дороги все окурки. Берцы должны быть чистыми. Обращаться к командиру нужно по уставу. Телефоны запрещены. Я терпеть не могу этого долбоебизма. А вот на передовой начальники и командиры почти не появляются, потому что боятся за свою жизнь (и правильно делают). На передовой общение между людьми гораздо проще. По-человечески.

В-третьих, я не хотел бросать своё отделение. Всё наше второе отделение, кроме Туши, решило остаться – и я хотел остаться вместе с ними.

Таким образом, мы начали называть всех, кто уехал в тыл, «пятисотыми» (пятистотые – это дезертиры). Лишь спустя долгое-долгое время мы поняли, как круто ошибались.

Глава 10. Ещё больше артобстрелов на пасеке под деревней У. Линия фронта. Зима 22.

Артобстрелы стали происходить всё чаще и чаще. Теперь нас обстреливали каждые пару дней. Нередко я попадал под обстрел прямо на посту. Пункт обогрева был выкопан уже глубоко: в него помещались два человека ниже уровня земли, и теперь он превратился в настоящее бомбоубежище.

В один день под обстрел на посту попал Туз. Этот бедолага доложил об этом по рации, и наш командир отделения дал ему команду срочно бежать в подвал. Это была ошибка. Как только Туз побежал в подвал через огород, обстрел продолжился: второй прилёт, третий. Каким-то чудом он остался цел и невредим, и благополучно добежал до подвала, хотя снаряды падали в нескольких десятках метрах от него. Но после этого случая мы решили сменить нашу тактику.

В случае обстрела ни в коем случае нельзя было бежать с поста в подвал: эти три минуты могут стать фатальными. Вместо этого следует

спрятаться в убежище, залечь как можно ниже и не рыпаться. Понятное дело, убежище не выдержит прямого попадания: крыша была сделана из веток и плёнки. Но если миномётный снаряд упадёт в десяти метрах и дальше – это убежище спасёт от осколков. На самом-то деле большая часть смертей и ранений на этой войне происходит именно от осколков. Чем глубже в земле – тем лучше. Лопата – лучший друг солдата.

День ото дня мы с Крюком прятались в убежище на посту и слушали прилёты. сто метров, пятьдесят метров, тридцать метров от нас. Один прилёт, два, шесть. Сидим себе, курим, да молим судьбу, чтобы обошлось. Почему-то мы все верили, что после шести прилётов обстрел должен закончиться – и частенько так и происходило. Кто-то сказал, что у миномётного расчёта с собой только шесть снарядов. Они их отстреливают и перемещаются на другую позицию.

Впрочем, это правило работало не всегда. Иногда по нам работал танк, а не миномёт. Иногда прилётов было меньше. Иногда больше. Один раз мы насчитали тридцать прилётов.

А как-то раз артиллерия противника добралась до наших построек. Жертвой миномёта героически пал наш сортир. Бойцы горестно оплакивали его: «Сортир разбомбили! Нам теперь негде срать!»

Сортир как ветром сдуло: доски, разломанные на мелкие куски, были разбросаны по пасеке, осталась только выгребная яма, которая превратилась в воронку.

Линейка был очень недоволен уничтожением сортира, и был разработан план по установке нового. Недалеко от пасеки был домик на озере, где долгое время жил Линейка с приближёнными. Он демонтировал тамошний сортир и установил его к себе на машину, а затем перевёз целиком к нам на пасеку. Под него была выкопана новая выгребная яма, и так появился новый офицерский сортир. К счастью, расчётливый хозяин пасеки

задолго до этих событий построил запасной среди деревьев поодаль. После уничтожения первого сортира мы быстро обнаружили второй, и теперь у нас было целых два сортира: офицерский и наш, запасной.

Меж тем, не только мы привлекали к себе внимание. У нас были и соседи. С одного фланга у нас были «старовартовские» – а с другого фланга у нас была деревня У. И там, и там жили ребята из других батальонов, и они часто ходили мимо нас на свои посты.

Солдаты из У. ежедневно шастали мимо нашего второго поста, и за ним быстро закрепилось название: «Гудзон». Это было удобнее, чем «Второй пост», и теперь по радиации постовой называл себя «Гудзон». Один раз Шар напился и начал вызывать по радиации сам себя: «Гудзон, ответь Шару, Гудзон, ответь Шару».

Наши соседи время от времени прятались от обстрелов в наших окопах и убежищах. Иногда мы слышали их переговоры по радиации, иногда они стреляли в сторону противника. Всё это привлекало внимание как к ним, так и к нам.

Бывало и такое, что дроны скидывали гранаты. Один раз Сулейман засёк это в бинокль и заорал в радиацию: « «Птица» скидывает ВОГ!». К счастью, ВОГ (Выстрел осколочный гранатомётный ВОГ-25) упал не к нам, а в пост соседей, да и там все остались живы и здоровы.

Некоторые снаряды не разрывались при падении. То ли они были бракованными, то ли не срабатывал взрыватель – они так и оставались лежать в земле. Мы старались обходить такие сюрпризы стороной. Но не Крюк. Он хотел сыграть с нами шутку и выкопал один из миномётных снарядов. В один прекрасный момент кто-то из ребят пошёл в сортир – а там мина. Было страшно, но снаряд, конечно, не мог разорваться только от того, что кто-то посрёт на него.

Кроме того, мы постоянно слышали, как работает наша артиллерия. Каждые несколько минут далеко-далеко в тылу стреляло какое-нибудь орудие – а снаряд летел прямо над нами в сторону противника. Со временем начинаешь различать звук вылета и прилёта, и даже начинаешь понимать, кто стреляет: свои или чужие. Своих вылетов мы уже не боялись, а весело и задорно болели за наших артиллеристов, участвовавших в артиллерийской дуэли: «Пошла малышка!», «Вот она, наша стодвадцатка, родимая!».

Между обстрелами у нас с Крюком на посту происходили всяческие беседы:

- Россия посылает на смерть свой народ, чтобы забрать территорию чужого государства.

- Понимаешь, это наша земля. Всегда была нашей. Эти города строили наши, русские цари! Мы просто забираем то, что всегда принадлежало нам. У нас это украли – а мы возвращаем.

- На этой земле живут люди, которые выбрали свой путь – другой путь развития. Они не хотят жить так, как Россия.

- Да на этой земле живут не люди, а нацисты. Они убивают людей только за то, что те говорят на русском языке. Украинцы хотят в Европу, ага! Да кто ж их туда пустит! Хохлы воры и убийцы, всегда были. Дядя Вова этого просто так не оставит.

- Извини, но я думаю, что воры и убийцы – это те, кто отправил нас сюда. Путин главный вор и убийца.

- А скажи мне, если базы НАТО будут стоять около твоего дома – что ты будешь делать? Американцы хотят уничтожения России, они хотят, чтобы ты страдал. Забрать эту территорию – единственный вариант обеспечить безопасность наших детей. Вот сейчас дядя Вова как пустит ядерные ракеты и сотрёт всех этих хохлов с лица земли.

Офис тоже разыгрывал комедии от скуки. В один из тёплых дней мы не топили печку в подвале, решив сэкономить дрова на ночь. Офис незаметно для всех подобрался к печной трубе снаружи и накрыл её полиэтиленовым пакетом, завязав его в узелок. Вечер, в подвале откупоривается бражка, и пьянка в самом разгаре. С наступлением темноты начинает становиться холодно, и пьяные солдаты решили растопить печку. Печка топится, а дымовая труба завязана пакетом. Весь дым пошёл внутрь подвала, народ кашляет, глаза щиплет, все пьяные высыпали на улицу. Бухой Шар решил проверить трубу и обнаружил пакет.

- Тревога! «Пятнашка», к оружию! Хохляцкое ДРГ проникло к нам на пасеку и надело пакет на трубу, чтобы мы все задохнулись!

Те немногие, кто знал, что происходит, сразу смекнули: тревога ложная. А те пьяные, кто ничего не знал, схватились за оружие, стали пасеку осматривать, и, понятное дело, кроме пакета на трубе, ничего не нашли.

Обстрелы становились чаще, окопы копались глубже. Теперь нас обстреливали каждый день – иногда два раза в день. Как-то раз я покинул убежище на посту и пошёл углублять окоп в паре сотен метров. Он был уже выкопан на глубину для стрельбы в положении сидя, и я спокойненько копал себе дальше. Копать в бушлате и в бронежилете с каской - жарко. Скинул с себя бушлат – всё равно жарко. Скинул с себя каску и бронежилет, остался в одном кителе. Вот так нормально, работа идёт. Тут меня и накрыло. Работали, кажется, прямо по мне – а я без бронежилета и каски. И бежать в укрытие - далеко.

Теперь оставалось прятаться только в окопе. Что выкопал – туда и прячусь. Между прилётами накинул на себя бронежилет и каску. Один прилёт, два. Сажу на коленях, голову спрятал поближе к земле. Сто метров, пятьдесят метров, третий прилёт, четвёртый. И мне повезло. В меня ничего не попало. Выждал десять минут и дал дёру в укрытие. Так и обошлось.

Глава 11. Гости на пасеке под деревней У. Линия фронта. Зима 22.

Вся наша рота находилась дальше в тылу за нами. Кто-то жил в лесополосах, кто-то в деревнях. Наши «пятистотые» жили в П. и горя не знали. Иногда они работали на заготовке дров или на раскопках для других подразделений, но большую часть времени они просто сидели в домике, выставив одного ночного дежурного у крыльца. А вот наша позиция на пасеке считалась опасной. Поэтому командование придумало следующую схему: всех солдат, которые в чём-либо провинились, отправляли к нам на каторгу на несколько дней. Иногда к нам попадали не за провинности, а по разнарядке. Я таких прикомандированных называл «гастарбайтерами». Они должны были подчиняться нашим указаниям, и мы этим стали пользоваться.

Мы стояли на посту днём. А «гастарбайтеры» стояли на посту ночью. Посменно, конечно. Каждый человек за ночь стоял на посту не более трёх часов. Мы давали им поспать подольше утром, но днём для них тоже была работа. Днём они попадали ко мне на раскопки. А копать я очень-очень не люблю. Поэтому я припахал двоих несчастных в моём подчинении. Я не был жёстким начальником, нет. Я вообще очень мягкий человек. Но я ставил им задачи: «Копать окоп здесь, углубить убежище там, выровнять лестницу тут – время раскопок до обеда и после обеда, инвентарь я вам выдаю.»

Я был для них прорабом, и прорабом добрым. Поставив задачи, я просто уходил заниматься своими делами – лишь бы не копать самому. Много я от них не требовал, подкармливал вкусняшками, показывал где ловит связь, чтобы позвонить домой. В общем, «гастарбайтеры» на жизнь не жаловались, но, как и все, боялись артобстрелов.

Один из артобстрелов изрешетил домик на озере, где жил Линейка. Стены домика стали дырявыми, и Линейка решил перебраться к нам на пасеку на постоянное место жительства. Тем не менее, он часто уезжал на

совещания и на объезды позиций, так что он не сильно докучал нам своим присутствием.

Обживаясь на пасеке, мы обзавелись домашними животными. По округе ходили и кошки, и собаки – некоторые прижились у нас. Сулейман завёл себе щеночка Кулича – милейший пёсик-дворняжка, игривый и весёлый. Он любил бегать со взрослыми собаками, играл с трёхногой коровой, ходил с хозяином на пост. В нашем отделении жил рыжий котик Кусь, а в соседнем – кошка Мурка. Им было тепло и уютно с людьми, они спали на наших спальниках, мы их подкармливали паштетом и тушёнкой.

Трёхногая корова тоже стала нашим питомцем. Она появилась на пасеке уже после того, как снабжение продуктами было налажено, и в её мясе мы больше не нуждались. Офису стало жалко эту корову, и мы начали её кормить и поить. Три ноги у неё были здоровые, а четвёртая нога была нерабочая. Половины копыта нет, вся нижняя часть распухла до неузнаваемости, и корове было больно наступать на неё. Тем не менее, корова смогла выжить несмотря на эту травму.

Нам было невероятно скучно. По вечерам мы устраивали киносеанс на телефоне всем отделением. Кино было мало, но нам выбирать не приходилось. Поставив телефон на стол около печки, мы все устраивались с чайком поудобнее, и все вместе смотрели кино. Соседнее отделение смотрело сериал. Иногда, чтобы хоть как-то развлечься, я рассказывал своим ребятам «сказки». Сначала «Сказка про Федота-Стрельца, удалого молодца». Потом я переключился на пересказ сюжетов игр от «BioWare». Рассказал сюжет «Dragon Age Origins», «Mass Effect».

Рассказчик из меня был так себе, но ребятам нравилось – получились годные «сказки». Всё равно заняться больше было нечем.

Ещё я очень сильно скучал по настольным играм. У меня был небольшой опыт игры в «Немезиду», я неоднократно объяснял своим

друзьям правила игры – так что я решил от скуки воспроизвести эту игру здесь. Фанера превратилась в игровую карту, картон от коробок превратился в локации, фишки и жетоны. Книга сказок на украинском языке из сортира была раздербанена на бумажки и превратилась в карточки способностей, предметов и событий. Я по памяти воспроизвёл персонажей игры со своими способностями, предметами и целями. Вместо миниатюр персонажей и монстров у нас были гильзы и патроны. Получилась не оригинальная «Немезида», но вполне играбельная поделка, сделанная на коленке в сарае из дендрофекального композита. Двое ребят согласились со мной в это поиграть – и мы даже выиграли эту игру (благо, я сделал игру чуть менее сложной, чем в оригинале). Всем игрокам понравилось, но сыграли мы в неё всего один раз – всё-таки, настольные игры подобного рода это развлечение не для всех. Моя поделка очень скоро канула в лету, но о ней остались очень тёплые воспоминания.

Близился Новый Год, и нашим мечтам отметить его дома не суждено было сбыться. Так что мы готовились встречать его на пасеке. Заранее было заготовлено достаточное количество бражки и еды. Я даже украсил наш гараж гирляндами из патронов: трассера и бронебойки висели на верёвочках под потолком, Дубина поделился пулемётными лентами, и мы развесили их на стенах, как мишуру. А тридцать первого декабря к нам наконец-то приехали долгожданные посылки.

В посылках было всё необходимое для того, чтобы отметить праздник: ёлка с блестящими игрушками, открытки с поздравлениями от российских детишек, продукты для новогодних блюд от наших родственников и, самое главное: российский алкоголь.

Коньяк разлетался по отделениям, часть была выпита сразу, часть оставили на новогоднюю ночь, а часть была спрятана на будущее. А ещё в посылке было кое-что, кардинально меняющее нашу жизнь. Это была машина.

Машина! Подержанная «буханка» с огромным пробегом, без тормозов, полуразвалившаяся - но всё ещё на ходу! И при этом дорогая. Цены на проходимые машины с началом войны выросли как минимум в два раза. Полуразбитая «буханка» стоила триста-четыреста тысяч рублей. «Уазики», «Нивы», «Буханки» и «Соболи» были на вес золота. Миллион за подержанную отечественную машину прошлого века – запросто. И, несмотря на все минусы этой машины, она в корне меняла весь наш уклад жизни. Теперь мы сами могли доехать туда, куда нам нужно. Снабжение, покупки в магазине, переброска личного состава – теперь этим всем могли заниматься мы сами. Груша, и ещё один, умевший крутить баранку товарищ по кличке «Март» - стали водителями-механиками нашей «буханки». После её появления жизнь заиграла новыми красками.

А меж тем на часах была уже почти полночь, все блюда были приготовлены, ёлка наряжена, все уже навеселе. Мы собрались в подвале, включили музыку, бухаем и поднимаем тосты:

- За «Пятнашку»!

- За то, чтобы все мы как можно быстрее вернулись домой!

- За то, чтобы никто из наших родных и друзей никогда не испытал того, что пришлось испытать нам!

Телевизора и радио не было, так что мы ориентировались по часам. Нефрит сказал новогоднюю речь вместо Путина, все подхватили «Ура-а-а!», и мы начали распевать гимн России. В армии Новый Год ощущается не так, как дома, а на войне ощущения тем более другие.

Глава 12. Покидая пасеку под деревней У. Линия фронта. Зима 23.

Под конец новогодней пьянки, когда все уже начали ложиться спать, Нефрит перепил снова, как в поезде.

- В Нефрите просыпается Тихон! – так мы говорили.

Нефрит начал барагозить, грубить и ссориться с товарищами. Шару он высказывал какие-то непонятные претензии, повалился на земле в драке с Грушей, мешал всем спать и прочее... Наконец, утихомирился и он.

На следующий день, первого января Нефрит начал жаловаться на боль в ребре после драки с Грушей. В течение нескольких дней ему не становилось лучше, и мы стали подозревать трещину в кости.

К тому времени у меня и у самого появилась своя болячка – дерматит (потница). Уже гораздо позже я понял, отчего она появилась: я каждый вечер протираю тело спиртовыми влажными салфетками. Это была ошибка! Надо было протираться не спиртовыми, а обычными. Кроме того, у меня было несколько крупных незаживающих инфицированных ссадин, часть из которых осталась от ржавой металлической конструкции, на которую я однажды налетел, а часть осталась от укусов собаки. Всё это не заживало, мокло и разрасталось. В какой-то момент это увидели мои товарищи, и решили отвезти меня на приём к медикам. Нефрит тоже туда поехал.

Теперь у нас была целая машина, и мы могли самостоятельно и оперативно поехать в глубокий тыл, в посёлок Ц., к медикам. Я заранее предвидел, что меня оставят там на лечении, так что взял с собой все необходимые вещи. Так и произошло. Посёлок Ц. был абсолютно безопасным местом (как нам казалось), потому что находился в более чем дюжине километров от линии фронта. Врагов здесь не было и в помине, а из местных жителей остались только те, кто понимал ситуацию и поддерживал хорошие отношения с российскими военными.

Медики расположились в подвале школы. Здание, конечно, было заброшено, и теперь служило хорошей базой для наших солдат. К моменту моего приезда подвал был уже обжит и хорошо обустроен медиками и связистами. Койки из досок, трёхэтажные койки из медицинских носилок,

школьные столы и стулья, газовая плита для готовки и обогрева, рабочий туалет: один общий на улице и один для связистов в подвале, рабочий душ, умывальник, посуда, куча продуктов, бесплатные сигареты из гуманитарной помощи, вода в достатке. Лепота!

Меня осмотрели медики и решили госпитализировать. Наши медики не были великими специалистами общего профиля, но они справлялись с возложенными задачами. Однако, как лечить мой дерматит, честно говоря, они не представляли. Меня замазали всякими антибактериальными мазями – они помогли, спустя время, снять обширные инфекционные повреждения кожи. Потом меня начали лечить зелёной. Она почти не помогала. Мокнувший дерматит становился то лучше – то хуже, и так по кругу.

Нефрит лёг к медикам вместе со мной. Пациентов было не так уж много: около десятка. Снабженцы готовили для нас еду. Помещение отапливалось газом, дрова заготавливать было не нужно. Всего было в достатке. В посёлке Ц. даже был свой собственный барыга, который продавал товары из России. Медики регулярно отвозили солдат в Россию к стоматологу, так что у водителя можно было заказать всякой всячины из магазинов. В общем, мы могли целыми днями ничего не делать, и при этом у нас всё было.

Глава 13. Санчасть в посёлке Ц. Вблизи линии фронта. Зима 23.

Всё было просто идеально. Безопасность, комфорт и блаженное ничегонеделанье. У пациентов была всего одна обязанность: пару раз в день стоять по часу на дверях. Всё! Остальное время мы отдыхали. У нас было двое старших пациентов: старичок «Каша» и скромняга «Губка». Со временем я стал помогать Каше заправлять генератор, а Губке стал помогать таскать еду для санчасти. Мы потихоньку улучшали наш быт. Совместными усилиями была проложена еще одна газовая труба, из кирпичей сложили что-

то вроде печки, я повесил какой-то металлолом над горящей горелкой – и получилась хорошая сушиллка для одежды и белья. Кто-то притащил телевизор и протянул антенну – на этом телевизоре нам удалось настроить российские каналы, так что теперь мы смотрели сериалы, фильмы и иногда даже новости. Хотя новости никто не любил, потому что новости всегда были бестолковыми.

На верхних этажах в школе была библиотека. Большая часть книг была на украинском, но с советских времён осталась и художественная литература на русском языке. Мы с товарищем с позывным «Кисть» - который был любителем книг - замародёрили эту библиотеку и стащили кучу всего в подвал. За месяц в санчасти я прочитал множество произведений: «Фауст» Гёте, «Машина времени», «Невидимый человек» и «Война Миров» Герберта Уэллса, несколько рассказов и «Сами Боги» Айзека Азимова. Даже начал читать «Божественную Комедию» Данте Алигьери, но она мне «не зашла».

Помимо книг, мы обменивались фильмами, играми и сериалами на смартфонах. Тогда я впервые открыл для себя технологии, о которых никто раньше не слышал, и мне бы в голову никогда не пришло раньше ими воспользоваться. Речь идёт о функциях быстрой передачи данных через «блютуз». Дома, где везде есть интернет, я вообще никогда ничего не передавал через «блютуз». Здесь же интернета не было. А стандартная передача данных через «блютуз» - очень медленная. Тут мне и открыли такие технологии как «Обмен с окружением» и «ShareIt». Они позволяли ускорить передачу многократно, и мы скидывали друг другу всё, что угодно – в том числе, игры и приложения без файлов APK. «ShareIt» сам запаковывает приложение в APK и отправляет его, готовым к установке.

Начальник медицинской части, «Гильза» – хороший и отзывчивый мужик. Но он не разбирался в моём заболевании. Он лечил мой дерматит зелёной. Это помогло снять обширное поражение кожи, но я никак не мог

выздороветь до конца. В один прекрасный день он долго-долго смотрел на меня и приговаривал: «Оно всё мокнет и мокнет. Почему?»»

И вот он ходит взад-вперёд по санчасти, и тут внезапно видит на тумбочке одного из пациентов крем «Тетрадерм». Тому пациенту крем больше не нужен, и Гильза вручил этот крем мне. «Мажь» - говорит. И, о чудо!, крем действительно начал мне помогать.

Иногда к Гильзе привозили раненых разной степени тяжести. Проводить сложные манипуляции над тяжелоранеными здесь не было возможности – Гильза их стабилизировал, старательно обеззараживал и обездвиживал повреждённые участки тела, забинтовывал и отправлял в Россию. За всем этим наблюдали мы, пациенты, потому что операционный стол находился у нас в распоряжении, посередине подвала. Это зрелище завораживало. Я не мог оторваться от наблюдения за процессом оказания медицинской помощи и пытался запомнить, что мог.

Помимо медиков и связистов, в посёлке Ц. ещё обитали снабженцы, разведчики и штаб батальона. Снабженцы занимались своим делом – готовили пищу для солдат, организовывали работу склада, принимали и распределяли поставки из России. А вот разведчики занимались совсем не своим делом: ни в какую разведку они не ходили – они охраняли штаб батальона. Это была личная гвардия нашего комбата, Шприца. А штаб занимался обычными штабными делами.

Замполит батальона, «Ишма», регулярно совершал обход деревни и время от времени занимался армейским идиотизмом. Но, на самом деле, Ишма был не самым плохим офицером.

Он организовал в нашем подвале «тюрьму» – вытрезвитель. Это была неотопливаемая комната, на входе которой вместо двери была решётка с цепью и замком. Туда Ишма сажал всех пьяных нарушителей, которых ловил нещадно. Следить за заключёнными должны были разведчики.

В связи со всем этим, связисты поставили на Ишму «фишку». У дежурного на входе была спрятана маленькая кнопка – и на подходе Ишмы дежурный должен был на эту кнопку нажать. У связистов в зале раздавался громкий звуковой сигнал – палево!

Сигнал был слишком громким. Как-то раз я дежурил на входе, и Ишма ходил то внутрь, то наружу в дурном настроении. Каждый раз я подавал сигнал. И в определённый момент он услышал этот сигнал со входа. Это было фиаско, братан.

- Ещё раз подашь сигнал, когда я вхожу – пизда тебе! Будешь сидеть в клетке вместе с теми заключёнными. Понял меня!?

После этого о кнопке-фишке пришлось забыть. А заключённые приходили и уходили. Один раз к нам в клетку попал алкаш с позывным «Бес» - ветеран Чеченских войн. От спирта у него сносило крышу, и он начинал буянить и вытворять всякую дичь. Когда Ирша привёл его под стражей и посадил в клетку, Бес обратился к нему из-за решётки с великолепной просьбой:

- Товарищ полковник, я понимаю, напился. Не прошу выпустить, товарищ полковник, я всё понимаю. Только вот чего прошу: принесите ещё водочки, товарищ полковник, пожалуйста, похмелиться хочу.

- Значит так, – выслушав всё это, отвечал Ишма. – Все слушайте сюда. Я убываю в Россию за водкой. Вернусь через три дня. До моего возвращения – не выпускать!

Ишма ушёл, а Бес остался в клетке, пьяный и буйный. К слову, именно Бес когда-то варил ту решётку, за которой сам теперь сидел. Он грозился нам всеми богами, чтобы его выпустили и дали ещё водки. Многие приходили с ним поговорить и пытались успокоить. Из-за решётки доносились пьяные крики разной степени бредовости:

-Вот ты видел, как на твоих глазах твоему другу и товарищу голову ножом режут? А я вот видел!

-Ты, щенок, ещё будешь меня жизни учить? Да я ветеран чеченской войны!

-Дайте водки!

-Я за пацанов готов жизнь отдать, а вы, пидорасы, меня в клетку посадили!

-Я эту решётку сварил, я её и развалю!

-Я люблю па-ца-нов! Я люблю па-цанов! Я люблю па-ца-нов! Я люблю па-ца-но-о-о-ов!

Наутро он, конечно, отошёл и протрезвел. Были и другие буйные заключённые. Один раз к нам привели двоих пьянчуг, которые действительно сняли решётку с петель и сбежали. Разведчик-надзиратель в этот момент болтал со связистами и не следил за заключёнными. Они вышли наружу и разбежались в разные стороны: один из них выбежал на улицу через дверь и почти сразу попался Ишме. А он был мужиком с характером, так что сразу достал пистолет и стал стрелять в воздух.

- Лежать, блядь! Лежать, нахуй!

Разведчики вместе с Ишмой скрутили его и увели. Другой беглец побежал вверх, в школу, и вскрыл там еще одну решетку. Он начал прятаться на этажах, а разведчики во главе с Ишмой начали его искать. Около часа разведчики рыскали по школе, искали его у связистов и у нас в санчасти. Беглец победил их в этой игре, где-то выпрыгнул в окно и побежал куда-то в деревню. Понятное дело, что позже, на следующий день, его нашли.

Какое-то время с нами жила женщина-медичка Таня. Она была прикомандирована к нам и ожидала отправки к своему начальнику

медицинской части. Понятное дело, Таня стала главным объектом внимания в нашем подвале, и многие стали за ней ухаживать. Но она была замужем, и для неё это было просто весёлой игрой без продолжения. Таня часто болтала с солдатами обо всякой всячине: о жизни и о войне. Иногда разговоры заходили о боге и о духах. Она верила и в то, и в другое. На полном серьёзе Таня рассказывала о том, что Бог хранит нас от всяческих бед и от смерти на войне – а потом на полном серьёзе рассказывала о том, как встречалась с призраками умерших людей и с домовым, который устраивал всяческие пакости в её доме.

Как-то раз Ишма принёс нам письма с тёплыми словами и рисунками от российских детей, и потребовал от нас написать ответ. Я написал в ответном письме всякие банальные вещи: о наших животных, котике медиков, с которым я часто играл, о том, чтобы дети делали уроки и изучали информатику, и о том, что у нас всё хорошо.

Таня прочитала моё письмо и начала надо мной смеяться: «Вот так, значит, обманываешь детей! «У нас всё хорошо», «у нас тут тёплый и уютный бункер», «мы тут играем с котиками»! Зачем детишек обманываешь?!»

Моё лечение подходило к концу, и я сам обратился к Гильзе, чтобы он меня выписал. Я и так задержался здесь на целый месяц, и я чувствовал вину перед своими товарищами за «предательство». Он согласился и обещал на следующий день предоставить машину и отвезти меня к своим.

На тот момент, наверху в школе жило около сотни солдат из другой роты. Они были здесь временно и ожидали отправки на позиции. А пока они шатались по деревне, звонили родным и своим присутствием привлекали внимание противника.

Тем утром я проснулся около шести часов утра от мощного взрыва наверху. Со стен и потолка подвала повалилась штукатурка, взрывная волна

распространялась по несущим конструкциям здания. Я уже был знаком с обстрелами, и знал, что лучшее убежище – под землёй. А я и так был под землёй. Второй прилёт, третий, четвёртый. Было ясно, что если побегу куда-то – а куда бежать то? – то никак не повышу свои шансы на выживание. Я и так находился в самом глубоком подвале. Поэтому принял единственное разумное решение на мой взгляд – лёг спать дальше!

Через несколько часов, когда я выспался и стал собирать вещи, я обнаружил, что у нас в санчасти много новых гостей – это были солдаты с наземных этажей школы. Они сбежались к нам после первого же прилёта. От них я узнал, что по нам отработал «НIMARS» – легендарное РСЗО из НАТО, которое пустило четыре ракеты в нашу школу. Целое крыло школы было разворочено на обломки, но наш подвал не пострадал. И, слава богу, обошлось без жертв. Солдаты сверху быстро сориентировались и сбежались в подвал, так что все остались живы. Но я понимал, что после первого обстрела последуют ещё, так что мне повезло, что я уезжал из санчасти в этот день. Собрав вещи, я загрузился в машину медиков, и водитель повёз меня «домой».

Глава 14. Алкомарафон в деревне П. Линия фронта. Зима 23.

Итак, оказалось, что мои товарищи уже съехали с пасеки под деревней У. и переехали в тыл, в П., вслед за нашими «пятисотыми». Пока я лечился в Ц., дела на пасеке становились всё хуже и хуже. Обстрелы становились чаще, моих ребят обстреливали по несколько раз в день, один раз к ним даже прилетал боевой вертолёт противника. Они боялись выходить из подвала. В какой-то момент они попросили Линеяку о ротации, и он согласился. Весь взвод переехал в П. и занял просторный домик. Всё это я узнал от своих товарищей, когда уже приехал к ним.

Наш домик был просторным, с четырьмя комнатами. С помощью Нефрита я сделал себе койку: положил дверь на кирпичи, постелил пенку и спальник. Получилась удобная кровать. Потом я сделал себе и тумбочку. В доме была кухня с печкой, которую мы топили дровами. От печки отходила система отопления дома: трубы проходили через всё здание.

Хозяйство у ребят уже было налажено: благодаря нашей машине мы могли в любой момент поехать и за водой, и за едой, и за дровами. У нас давно уже была бензопила и топоры, много тары для воды, целые ящики были забиты консервами и картофельным пюре. Также у нас был свой генератор, бензина хватало, в доме было электричество и розетки. Щеночка Кулича Сулейман привёз с собой с пасеки, и очень хотел сделать сюрприз своей жене и дочерям, и привезти щеночка домой. Кулич чувствовал себя прекрасно, играл с нами и с деревенскими собаками, сопровождал хозяина на прогулках по деревне, подолгу лежал у печки по вечерам. Мобильная связь здесь ловила на перекрёстке около деревни, и мы ходили пешком около километра, чтобы позвонить – это не так уж далеко. Противника здесь не было, обстрелов не было, постов не было. У нас была всего одна обязанность – следить за печкой по ночам.

Это была мирная деревенская жизнь, без всяких беспокойств. В связи с такой райской жизнью мы начали искать пути увеселения – и нашли. Ребята познакомились с одним мужиком из посёлка Ц., который торговал водкой. Цены были космическими, но зато водки было стабильно много. Бухать мы стали каждый вечер. У барыги в Ц. закупались продукты для закуски, а к вечеру изготавливались основные блюда. Мы накрывали огромный стол, все вместе садились и разливали водку. Пьяные беседы, музыка, танцы прилагались. У нас была колонка и фонарь с режимом стробоскопа. Мы с Вратарём и Тузом выходили в предбанник, включали стробоскоп и устраивали дикий пляс под «Петропавловск» «Радио Тапка». И так каждый вечер!

После огромного количества водки в Нефрите снова просыпался Тихон, он начинал нести дичь, ссориться с товарищами. Мы с ним иногда сидели вдвоём на кухне до четырёх часов утра. Я следил за печкой, а он рассказывал мне всё, что у него было на душе, пел песни: «Мой друг, художник и поэт, в дождливый вечер на стекле-е-е... мою любовь нарисовал, открыв мне чу-у-удо на земле-е-е...»

Именно эта песня вызывала в Нефрите глубокие чувства, тоску и печаль. Он включал её каждый вечер под конец пьянки и что-то вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Так мы провели почти всю вторую половину зимы. Близился День Защитника Отечества (боже, какую же неприязнь у меня теперь вызывает этот праздник), а вслед за ним день годовщины начала СВО. Приближение этих праздников стало для нас очень тревожным. Примерно за неделю перед ними приехал Линейка и объявил о том, что скоро будет штурм под городом М.

Городок М. – прямо на передовой. Сам город на тот момент контролировался ВСРФ, но в окрестностях были укрепрайоны ВСУ, за которые постоянно шли бои. Ребят там обстреливали каждый день. Город стал для нас нарицательным названием самой горячей точки на фронте (по крайней мере, на нашем участке). И как только мы слышали слово «город М.» от командиров, нам сразу становилось тревожно.

Итак, Линейка объявил, что наш батальон скоро пойдёт на штурм железной дороги близ М. Он рассказывал нам сказки, которые ему наплело вышестоящее начальство. Мол, мы не пойдём на штурм в первых рядах: «Первыми пойдут штурмовики. Мы за ними, вторая линия! Мы должны будем закрепиться и окопаться на позициях за железной дорогой. Нас будет поддерживать артиллерия и авиация.»

Так говорил Линейка. Он не врал, нет. Его ввели в заблуждение так же, как и нас. Линейка поставил следующую задачу: несколько человек из нашего взвода должны поехать с ним и осмотреть позиции, откуда должно начаться наступление. Поехать с ним вызвался Сулейман.

Сулейман ездил с Линежкой на позиции почти каждый день в течение недели, и каждый раз возвращался вечером и описывал нам неприятную картину: «Домов там нет. Блиндажей нет. Окопов нет. Это голый лес. И там постоянно обстреливают. Дроны каждые пять минут летают. Я не представляю, как там окапываться. Похоже, нам придётся копать сразу же, как только мы вылезем из машины – иначе не выживем.»

Вместе с Сулейманом и Линежкой ездили ребята из другого взвода. Линейка приказал им копать блиндаж на точке выгрузки, чтобы в дальнейшем там можно было спрятаться от обстрелов. Соседний взвод выехал на раскопки, но результаты были плачевными: четверо раненых за четыре дня. Ничего выкопать так и не удалось – люди боялись погибнуть и прятались от дронов под деревьями, лежали в оврагах, пытались защититься от обстрелов.

Мы ожидали от всей этой затеи самого худшего сценария и с тревогой ждали своей участи. Наконец, наступило двадцать третье февраля, День Защитника Отечества. Мы приготовили водку и блюда на вечер. В этот день снова приехал Линейка и выпил с нами по одной:

- Ну что, Орлы! Поздравляю вас всех с Днём Защитника Отечества, доблестные бойцы российской армии! Сегодня разрешаю немного выпить. Отдыхайте, но не переборщите. Завтра ранним утром, возможно, штурм.

- Как? Когда? За нами приедут? Какие наши действия?

-Значит так, берём с собой только оружие, броню, боекомплект, лопаты и продуктов на пару дней. Без моего личного присутствия никуда не грузитесь и не уезжайте, я сам дам вам команду.

На том он закончил и уехал. Мы надеялись, что на этом вся история закончится. Сейчас, мол, все будут отмечать двадцать третье февраля, и никакого штурма не будет! Ну это же бред – отправлять на штурм всех пьяных! И нам в память отпечатались слова Линейки: «Без моего личного присутствия никуда не грузитесь и не уезжайте». Потому наш вечер продолжался как обычно, с водочкой и музыкой.

Глава 15. Штурм. Линия фронта. Зима 23.

На следующий день сразу после полуночи за нами приехали. Это был водитель «Урала» без каких-либо офицеров сопровождения. Ему приказали отвезти нас на штурм – естественно, никаких сопроводительных документов ему не предоставили. У всех у нас замерло сердце. Вот и всё - нам всем конец.

Но нас спас один важный факт: почти все мы были пьяные в стельку.

- Где боевое распоряжение о том, что мы обязаны ехать на штурм!?

- Вам на месте покажут боевое распоряжение – оно уже там, на точке выгрузки перед штурмом.

- Линейка нам приказал без его личного присутствия никуда не ехать!

- А у меня приказ Шприца всех отвезти туда!

-Нас опять наебать хотят! Без боевого распоряжения и Линейки никуда мы не поедem!

Инстинкт самосохранения толкал наших старших к скандалу. Никто не хотел умирать, поэтому все десять человек орали благим матом на бедного водителя, которого сделали виноватым в этой ситуации. Водитель не имел над нами власти, он всего лишь передавал приказы командования. Пока шёл этот спор, никто не заметил, как самый тихий из нас, с позывным «Шёлк», потихоньку собрал вещмешок, уложил туда еды и воды на пару дней, взял

боекомплект и оружие, надел броню и белый маскхалат, и, никому ничего не говоря, сел в машину, чтобы поехать на штурм.

Шёлк был среди нас самым скромным, тихим и неразговорчивым. Но за этой скромностью таилась большая ярость: брат Шёлка погиб на войне с украинцами, и теперь он жаждал мести. Как-то раз он сказал мне: «Я хочу своими руками задушить какого-нибудь хохла.»

Об этом стремлении Шёлка знали несколько человек, но мы думали, что здравый смысл и инстинкт самосохранения окажутся сильнее, чем жажда мести. Мы ошибались. В тот вечер Шёлк единственный был абсолютно трезвый. Он знал, что должен сделать. Он сам выбрал свою судьбу.

Всего один человек видел, как собирается Шёлк – это был Сулейман, хозяин щеночка Кулича. Сулейман был замечательным мужиком, здравомыслящим и благородным. Он сам бы ни за что не поехал на штурм. Но вот он увидел, как Шёлк идёт к машине один – и решил пойти вместе с ним. Не мог он бросить своего товарища одного. И вот, в стельку пьяный Сулейман впопыхах собирается, одевается. Тут это заметил я.

- Сулейман, ты что, собираешься ехать?

- Да, Компас.

- Охуеть.

- Компас, пожалуйста, не забывайте кормить и поить Кулича.

- Хорошо, Сулейман. С Куличом всё будет в порядке, мы о нём позаботимся. А потом ты вернёшься и сам позаботишься о нём!

Сулейман взвесил в руке вещмешок со своей едой и водой. Затем отдал его мне в руки.

- Держи, Компас. Мне это там не понадобится...

С этими словами он взял оружие и вышел из дома, присоединившись к Шёлку в машине. Из нашего дома на штурм поехало всего двое. Водитель плюнул на нас и поехал в другой дом, к нашим «пятистотым».

Командир нашего взвода Стопор жил вместе с «пятистотыми» (он и сам был «пятистотым»). Но в данной ситуации он понимал, что приказ командования действительно имеет место быть. Если Стопор, командир взвода, лейтенант, откажется его выполнять – то для него это привело бы к плачевным последствиям. Так что он настроил наших «пятистотых» на штурм. Таким образом, вторая половина нашего взвода загрузилась в машину и отправилась воевать. Они оставили только пару человек следить за домом и за вещами.

Пару часов мы обсуждали произошедшее, а затем отправились спать. Линейка так и не объявился. Утром мы услышали тревожные переговоры по рации.

С первыми лучами солнца по ротной частоте, перебываемые статическим шумом, зазвучали призывы следующего характера:

- Всем машинам (...) прибыть на (...) нули. Нужна (...) эвакуация. Всем свободным (...) машинам прибыть на (...) нули...

Ребята уже протрезвели, и к нам пришло осознание того, что штурм провалился. Груша повёл себя ответственно, и подготовил нашу машину. Они вдвоём вооружились и поехали эвакуировать наших товарищей. Выяснилось, что отцы-командиры смогли организовать отправку на штурм, а эвакуацию со штурма они организовать не смогли. Весь день мы провели в тревоге и ожидании.

Ближе к вечеру Груша вернулся с новостями. Вернулись и наши «пятистотые». Сулеймана и Шёлка с ними не было.

- Короче, там пиздец, мужики. – объявил Груша. – Наших там разьебали по полной. Мы всё это время вывозили оставшихся солдат обратно по позициям.

- Там дохуя «двухсотых», дохуя «трёхсотых», – добавил он. – медики вывозят «трёхсотых» в Россию, машин не хватает. Куча народу осталось в лесу валяться, выносить их некому. Обстреливают непрерывно, птички летают каждую минуту.

- А что с Шёлком и Сулейманом то? Где они, что с ними? – спросили мы.

- Сулейман – «двухсотый», что с Шёлком - не знаем. Его там нет.

- Охуеть.

Новость о смерти Сулеймана нависла над нами чёрной тучей. Это была первая смерть боевого товарища. Вот был Сулейман. А вот его нет. А ведь он поехал туда только ради Шёлка, чтобы его не оставлять одного! Сулейман ведь даже не хотел воевать!

Мы пребывали в полном упадке. Не было разговоров, каждый из нас сидел, уставившись в пустоту и думал о произошедшем. Полная апатия и безразличие ко всему вокруг. Мы переваривали эту новость, переживая произошедшее снова и снова. Эта апатия не отпускала нас ещё несколько дней.

Попозже вечером мы пошли звонить родным на точку связи. Там мы встретили наших «пятисотых». Они пребывали в полном шоке. Пустые взгляды. Тихие слова.

- Это был полный пиздец, мужики. Нас с самой высадки начали обстреливать. Хохлы нас ждали там. Этот укреплённый район за железной дорогой был напичкан артиллерией, миномётами, всем чем только можно.

- Хохлы слушали наши радиации всё это время. Они настроились на нашу частоту. Незадолго перед штурмом у Линейки в радиации мы слышали голос с грузинским говором: «Э-э-э, рускэ! Ты за зэлэнку нэ ходи! Тэбэ пизда будэт!». После этого Линейка отдал всем команду: «Вперёд!»

- Пиздец блять. Нам обещали, что перед нами штурма пойдут, ага! Пошли они нахуй! Не было там никаких штурмов. Мы были штурмами! Нас пустили в первую линию атаки! Это был такой пизде-е-ец...

- У нас должна была быть поддержка артиллерии и танков. Да хуй там! Артиллеристы и танкисты набухались вчера на праздник и никто нахуй не приехал нас поддержать. Выкатился только один танчик, сделал восемь выстрелов и съебался на перезарядку. Да так и не вернулся. Какая нахуй авиация? Не было у нас никакой авиации!

- Нас тупо с лопатами погнали толпой вперёд. Миномёты стреляли по нам каждую минуту. Ты только голову поднимешь из оврага – свист – взрыв. Как мы выжили вообще... Пиздец...

- И никаких позиций там не было. Никаких окопов, никаких блиндажей, где можно спрятаться. Только в оврагах и под деревьями лежишь. Боже, я никогда так не молился в своей жизни...

- Кто-то из наших дошёл до железной дороги, кто-то даже перешёл её. Но возвращались, и не все. Там мясорубка. Куда идти – непонятно. Куда стрелять – непонятно. Хохлов не видно, только птички летают и миномёты на нас наводят. Мы там ничего не могли сделать.

- Сулейману осколок в пах прилетел. Бах – и он лежит. Его сразу под руки, на носилки – и потащили обратно на нули. А хохлы продолжают обстреливать. Сулейман ведь был совсем пьяный, а от алкашки кровь сильнее идёт. Ребята его немного протащили, пощупали, посмотрели – а он уже всё... двухсотый...

- А что с Шёлком?

- Никто не знает. Говорят, он где-то автомат проебал и пошёл обратно на нули. Тут его Линейка останавливает и спрашивает, - «А где автомат? Пиздуй за автоматом!» - Шёлк и пошёл за автоматом. Так и не вернулся.

- Ну а с вашими то что? Все живы, все здоровы?

- Нихуя, у нас трое «трёхсотые». Одному ноги осколками посекло, его дотащили до эвакуации. Другому прилетело в руку. Его подхватил медик и тоже потащил. Только, блять, медик по дороге выстрелил в ногу ему, нахуй. Одной рукой поддерживал, а другой рукой видимо спусковой крючок нажал – и прострелил ногу нахуй. Но с ним тоже все будет в порядке.

- Ремня еще «затрёхсотило» жёстко. Ему в голову осколок прилетел, это пиздец. Он весь в кровище, сам шёл на эвакуацию. В шоке был. Потом потерял сознание. Хуй его знает, выживет ли Ремень вообще.

- Командиры пидарасы блять. Нас просто послали на убой. Это пиздец.

Мы больше никогда не посмеивались над нашими «пятистотыми». Ведь «пятистотые» участвовали в той мясорубке. А нас там не было. Теперь «пятистотыми» были мы.

Щеночек Кулич беспрестанно скулил и скучал по своему хозяину.

Глава 16. Последствия штурма. Линия фронта. Зима 23.

В тот вечер у нас был траур по Сулейману. Мы выпили по стопке водки, оставили одну стопку на столе, накрыли её чёрным хлебом. Ещё несколько дней нас не отпускало траурное настроение. Ничего не хотелось делать. Нужно было сообщить его жене о том, что её муж погиб. Кто-то из нас обратился к Линеijke, чтобы он позвонил ей – но Линейка отказался.

- В штабе разберутся, они позвонят.

Для нас это было странно и неправильно. Линейка, командир роты, должен был проявить чуткость к семье погибшего солдата – но он этого не сделал. Поэтому Вратарь взял всё в свои руки. Он сам подобрал слова и позвонил жене Сулеймана. Она долго отказывалась в это верить, думала, что это звонят из СБУ (служба безопасности Украины), чтобы запугать российское население. Но вскоре она поняла, что это правда. Её жизнь была разрушена.

В связи с последними событиями один из нас решил, что пора валить с этой войны. Иронично, что это был Дубина – наш самый опытный и боевой товарищ-пулемётчик. Выяснилось, что всё это время он состоял на учёте в психиатрии. Но при поступлении на военную службу это никто не стал проверять – ведь он был добровольцем. На войне нужно каждое тело, и раз уж человек сам вызвался служить – никому в голову не придёт проверять его здоровье. А вот теперь, после того, как наш батальон отправили на убой, Дубина потерял доверие к командованию и решил пойти по пути психиатрии. Его отвезли в посёлок Ц. к Шинели и там Дубина стал добиваться отстранения от несения службы.

Спустя какое-то время мы узнали, что соседняя рота записала видеообращение и выложила его в интернет. В своём видеообращении они рассказывали об этой мясорубке и просили призвать командиров к ответу. Это видеообращение вскоре разнеслось по всему батальону, попало в руки и к нам, и к ЗГТшникам (защита государственной тайны). Началось разбирательство.

Мы обзвонили своих родственников и друзей. Просили распространить это видеообращение, создать общественный резонанс. Чего мы добивались этим – я и сам не понял. А тем временем ЗГТшники строили планы на наш батальон. В один день к нам в гости пришёл Стопор и рассказал новости с офицерского совещания.

- Значит так, слушайте все внимательно. Наш батальон объявили дезертирами и предателями Родины. Что будет дальше – я не знаю. Скорее всего, нас отправят в штурма. Станем официально штурмовиками.

Эти новости подтверждали и другие офицеры. Когда мы поехали в посёлок Ц. за водой, я встретил своего знакомого связиста, Марта.

- Здарова, Март! Как жизнь? У вас все живы, все здоровы?

- Да у нас то всё хорошо, Компас. Мы ведь не участвовали в штурме. А у вас как?

- Один «двести», трое «триста», один без вести пропавший. Слушай, а что слышно вообще? Что будет с батальоном дальше?

- Да вот, знаешь, я тут у офицеров подслушал, что видеообращение второй роты дошло до Москвы. Комбату из Кремля звонили, разъёбывали его.

- И что дальше будет?

- А вот, слух ходит, что нас перекинут ближе в сторону России, вот что будет. Наш батальон не справляется с поставленными задачами.

Эта новость весьма обнадеживала, хоть это был всего лишь слух. Поболтав с Мартом, я зашёл к Гильзе, нашему начальнику медицинской части.

Санчасть преобразилась после моего отъезда в начале февраля. Коек стало больше, и пациентов стало больше. Было много лёгких «трёхсотых» с небольшими ранениями, которые не нуждались в эвакуации в Россию, а проходили лечение здесь. Здесь же был и Дубина, наш товарищ-псих. Гильза выглядел уставшим и мрачным.

- День добрый, Гильза. Как у вас дела, все живы?

- Да, слава богу, все медики у нас все живы. Ты пришёл за ваших «трёхсотых» спросить?

- Да, хочу знать, у кого какие перспективы.

Я продиктовал ему позывные и фамилии, а он стал искать их в списках раненых и убитых.

- Так, Сулейман. «Двести». У одного повреждены ноги и рука. Но он лёгкий, с ним всё будет хорошо. У другого - руки, нога. Лёгкий, ничего критического. Выздоровеет. Ремень... Так, Ремень... Тяжёлый. Голова, повреждён мозг.

- Что с ним? Он выживет?

- Ну смотри... Когда он попал ко мне после штурма, и я его стабилизировал, то я оценивал его состояние, что он не доживёт до следующего утра. Потом я отправил его на эвакуацию в Россию. Если он доехал туда и всё ещё жив – значит будет жить и дальше. Мне его состояние не докладывают. Пробуйте дозвониться до его родственников.

- А Шёлк? Что с ним?

- Шёлк... Шёлк. У меня такое ощущение, что я его где-то в списках видел...

Гильза долго искал Шёлка в разных списках, но не смог найти его фамилию. Ни среди убитых, ни среди раненых Шёлка не было. Он не вернулся из той мясорубки.

Также я заскочил ненадолго в штаб, пока сопровождал Стопора на совещание. В курилке мне удалось перекинуться парой слов со штабным офицером под позывным «Гранит». От него я узнал следующее: Шприца сняли с должности комбата. На него завели уголовное дело за торговлю казённым имуществом. Военная полиция и ФСБ подозревали, что он продавал на сторону военную технику и товары гуманитарной помощи.

Кроме того, его сделали виноватым в проваленном штурме. Помимо Шприца, под стражу взяли еще и начальника штаба. Теперь новым комбатом стал Иванков, командир второй роты. А Гранит - новым начальником штаба. Гранит был молоденьким капитаном, военным по долгу службы – но не по своей сути. От всех этих треволнений и груза новой ответственности он выглядел измученным, запинался и заикался. Напоследок он добавил следующее:

- Сейчас офицеры пытаются отстоять право нашего батальона на существование. Если они сейчас смогут показать командованию бригады, что у нас всё под контролем – то мы останемся здесь в том же составе.

- А что, если нет?

- В таком случае, нас отправят в Россию на переформирование. И тогда, с наибольшей вероятностью, мы все пополним ряды штурмовых отрядов.

Вернувшись в посёлок П., я рассказал все эти новости своим товарищам. Перспектива попасть в штурмовики никого не радовала. Но все мы надеялись на лучшее – надеялись, что переформирование приведёт нас всё-таки в более тихое место.

Но тут кое-что произошло. Мы поминали Сулеймана на третий день, и к нам завалился пьяный Линейка: «Ага, бухаете, блять? Вот чем вы здесь занимаетесь! Вместо того, чтобы служить, все бухаете! А кто будет хохлам мстить?! Кто будет наших мёртвых товарищей вытаскивать из леса?!»

За спиной у Линейки стоял его ошалевший заместитель по кличке «Коготь». Его глаза были полны ужаса, хоть он и не был из робкого десятка.

Линейка не унимался: «Поехали мстить, блять! Там надо трупы наших вытаскивать! А хуй вы куда поедете, да? Вы же все бухие в хлам! Один только Дубина что-то может!»

Дубина выглядывал из дверного проёма. Оказывается, Линейка приехал в санчасть и надавил на «патриотические чувства» Дубины, призвав его поехать мстить за Сулеймана. Наш «команданте» расстроено позвал его к себе: «Поехали, Дубина! Бери пулемёт: я только на тебя могу рассчитывать!»

Линейка вышел и пошёл в машину. Дубина же забрал свой пулемёт и коробка с пулемётными лентами и тоже направился к выходу вслед за ним.

- Дубина, ты в своём уме? Ты же там погибнешь! Какой нахуй мстить? Ты ведь собирался соскочить по психушке?

- Меня ждут в Вальхалле... – сквозь зубы процедил Дубина. Может он и правда был псих...

С этими словами Дубина ушёл «мстить хохлам». Коготь поглядел на выход ошалелым взглядом, и обратился к нам: «Мужики, налейте выпить. Пожалуйста.»

Дрожащими руками он схватил стакан и опрокинул его в себя, после чего последовал за Линейкой и Дубиной. Больше мы не бухали. Всё, хватит - подумали мы - в любой момент могло произойти что угодно.

Через пару дней Дубина вернулся, вместо приветствия проорав: «Я живой! Живо-о-ой, ёбанаврот!»

Чуть позже он нам рассказал, как же проходила «месть». Линейка собрал несколько добровольцев и отвёз их на машине в лес недалеко от нулей – точки выгрузки при штурме. Когда бойцы собрались в строй, Линейка, не покидая машины, высунулся в окно, и, вяло тряся кулаком, отдал приказ слабым, хриплым голосом: «Идите вытаскивайте наших «двухсотых» из леса! И наебашьте хохлам! Отомстите за товарищей!» После чего уехал вместе с Когтем.

Куда идти? Что делать? Где враг? Где наши «двухсотые»? Карта? Нет карты! Где укрытия? Где наши? Кругом лес и ничего не понятно. Эта

операция была бессмысленная. Пять человек стояли одни посреди леса и не понимали, что делать дальше.

Дубина вдруг вспомнил, почему он всё-таки решил соскочить по психушке! Вот поэтому!

Побродив по лесу, они нашли какой-то блиндаж, где жили разведчики. Они пустили Дубину и товарищей переночевать, а наутро потребовали от них следующее: копайте новый блиндаж, если хотите здесь остаться. Требование логичное, на самом деле. Конечно, Дубина отказался, и они впятером побрели искать дорогу домой. Естественно, ни о какой мести и эвакуации тел погибших при неудачном штурме, уже не могло быть и речи. Ведь их просто кинули в лесу. Кое-как бравый отряд нашёл цивилизацию и транспорт. Водители согласились подвезти их обратно на позиции. Это было позорище.

С первыми днями весны время, отпущенное нашему батальону на существование, подошло к концу.

Глава 17. Долгий путь домой. Линия фронта. Зима 23.

Стопор пришёл к нам в гости, чтобы объявить последний приказ: командование батальона не справлялось с ситуацией, а личный состав пребывал в упадническом настроении. Это переформирование. Ночью за нами приедет машина и отвезёт нас в Россию. Настроение у нас поднялось. Траур по Сулейману закончился, мы были возбуждены. Ведь мы едем домой!

Весь день мы провели в сборах и в ожидании. И вот поздним вечером за нами приехал «Урал». В машине уже сидела половина нашего взвода во главе со Стопором, места не хватало. Мы пытались загрузить наши вещи внутрь, а вещей было немало. Мы хорошо обжились за эти месяцы: тара для воды, генератор, бензин, бензопила, инструменты. Всё это не влезало в грузовик: он был один на весь взвод. Старшие решили снарядить нашу

машину под вещи – машину тоже хотелось взять с собой. Кое-как мы всё утрамбовали, а что не влезло – раздали соседям.

Наконец, мы выехали и попрощались с нашим уютным домом в посёлке П. Щеночек Кулич ехал вместе с нами. Мы взяли его на ручки, и он отправился в своё большое путешествие. «Урал» привёз нас в посёлок Ц., к штабу. Здесь мы долго-долго ждали остальные машины нашей роты. Половину ночи мы простояли около машины, без ночлега, без еды. Пока мы ждали, Стопор объявил, что нашу машину через границу перегнать не позволят (лишь потом мы узнали, что это неправда). Было принято решение оставить машину здесь, в посёлке Ц. Груша предложил отдать её в пользование местному мужику, который торговал водкой. Дикая мысль, но все её поддержали! Мужик был счастлив, а мы вытащили из машины что смогли и запихали под потолок в «Урал».

Посреди ночи все машины нашей роты наконец-то собрались в колонну, и мы выдвинулись в путь. Это было очень долго. Где-то в глубине души в нас всё ещё был страх, что мы едем не в Россию, а к городу М., на новый штурм, поэтому мы смотрели за борт и считали каждый поворот. Сейчас если повернём налево – то в М. Если направо – то в Россию.

И вот он, судьбоносный поворот. Мы с замиранием сердца ехали навстречу року. Машина повернула направо.

- Ура-а-а! Мы едем домой!

Потом граница, КПП, досмотр документов и вещей. Это продолжалось ещё несколько часов. Военная Полиция искала у нас боеприпасы и гранаты, медленно и печально мы выгружали весь багаж из «Урала», потом загружали его заново. Кулич переходил из рук в руки. Мы твёрдо решили доставить его семье погибшего хозяина. Наконец, граница была пройдена, и колонна отправилась дальше. Мы были в России.

Проезжая российские деревни и посёлки, мы наблюдали возвращение знакомых провинциальных пейзажей. Магазины! Настоящие магазины! Кафе! Гражданские машины! Люди ходят!

Кто-то спал, кто-то курил, передавая пепельницу из рук в руки. Я сидел у заднего борта и наблюдал за дорогой. Когда наступил день, колонна сделала остановку недалеко от супермаркета. Все начали просыпаться и зашевелились. Можно было выйти, сходить в туалет и в магазин, пообедать и-и-и... конечно же, все побежали за ликёроводочной продукцией. Наконец-то, настоящий алкоголь из магазина! Зелёные фигуры длинной колонной несли к машинам шелестящие пакеты, позванивающие с каждым шагом.

Когда колонна двинулась дальше в путь, в «Урале» началась пьянка. Это уже были не поминки – это был праздник! Включили музыку. Коньяк и виски ходили по рукам. Энергетики и сок я быстро превратил в коктейль. Настроение было хоть куда, каждый из нас смотрел в будущее с надеждой на то, что всё у нас будет хорошо!

*Somebody once told me the world is gonna roll me
I ain't the sharpest tool in the shed
She was looking kind of dumb with her finger and her thumb
In the shape of an "L" on her forehead*

*Well, the years start coming and they don't stop coming
Fed to the rules and I hit the ground running
Didn't make sense not to live for fun
Your brain gets smart but your head gets dumb*

*So much to do, so much to see
So what's wrong with taking the backstreets?
You'll never know if you don't go
You'll never shine if you don't glow*

Hey now, you're an all star

Get your game on, go play

Hey now, you're a rock star

Get the show on, get paid

And all that glitters is gold

Only shooting stars break the mold...

Второй заезд.

Глава 1. Приезд в полигон Г. Россия. Весна 23.

Целые сутки в общей сложности мы провели в «Урале». Это была самая долгая поездка на машине за всё время нашей службы. Задница болела, ноги затекли. Все очень устали, но были навеселе после смены обстановки. Наконец, после долгих блужданий по области, наша колонна прибыла на полигон Г.

Мы выгрузились на плацу перед огромным палаточным городком. Больше сотни большущих палаток стройными рядами стояли на полигоне. Мы сложили все наши вещи в огромную кучу и стали ждать размещения. Щеночек Кулич был со мной. Мы придумали ему поводок и выгуливали на плацу. Он сразу нашёл себе друга в лице местной собаки, стал с ней весело играть, подбирать какой-то мусор и осматривать местность. Вскоре нам выделили палатку для жилья, и мы начали лениво перетаскивать туда свой скарб.

Это была палатка на тридцать человек. В ней были двухэтажные нары, сколоченные из досок, парочка столов и пара печек. Было очень тесно, места для вещей не хватало. Мне пришлось закинуть свои рюкзаки в узкое пространство между нарами и стенкой палатки. Получилось очень неудобно, но зато в эту нору за вещами лазал я один – это была моя каморка. Сам я с трудом нашёл себе спальное место на втором этаже. Нары выглядели очень ненадёжно. Лестница держалась на гвоздях и очень быстро разболталась: в любой момент при подъёме на второй этаж я мог свалиться на раскалённую печку. Я вспомнил первые ночи на пасеке, когда мы все спали впритирку друг к другу. А ещё в палатке было электричество! Бесплатное электричество, проведённое по всему полигону.

Были в палаточном городке и приятные стороны: магазинчик-«чепок», столовая, умывальники и душевые. «Чепок» был один на несколько сотен человек, туда постоянно стояла огромная очередь. Но зато там можно было купить еду, которой нам так не хватало на СВО: сосиски в тесте, шаурма, чебуреки, газировка, сладости, шоколад... А ещё там продавали сим-карты, электронику, наушники и военную одежду. Я купил себе тёплые резиновые сапоги, о чём ни разу не пожалел – они спасли меня в последующие месяцы. Всё это, естественно, по огромным ценам. Хозяева «чепка» наживались на военных как могли: «чепок» был монополистом на этом полигоне – других магазинов не было, а выпускать нас отсюда никто никуда не собирался. Хозяева «чепка» знали, какая зарплата у участников СВО, поэтому они установили соответствующую наценку на все товары. Это был грабёж, но выбора у нас всё равно не было.

В столовой кормили нормально. Не слишком хорошо – не слишком плохо, не слишком мало – не слишком много. Нормально, как в любой другой столовой. Столовая располагалась в нескольких палатках. Сидячих мест не было, только длинные столы вдоль палатки, за которыми можно было есть стоя. Некоторые не ходили в столовую, предпочитая покупную еду из «чепка». Мне было нормально и в столовой – после питания на СВО я стал ещё более неприхотлив в питании, чем раньше.

Умывальники не представляли из себя ничего особенного, но там были зеркала! Для нас это была роскошь после Украины. А душевые... м-м-м... Впервые за несколько месяцев помыться под душем! Под горячим душем! Не под кружечкой и ведром воды, а под душем! Райское наслаждение... А рядом с душевой палаткой была палатка со стиральными машинами! Мы вернулись в цивилизацию...

Нас сформировали в так называемый резервный батальон. У нас был временный комбат: невысокий мужичок с крайне смуглой кожей, который постоянно носил шеврон с Богородицей на плече. За всё время он так нам и

не представился, поэтому между собой мы прозвали его «Негр». И этот самый Негр распределял нас по ротам и взводам. Нашему коллективу повезло: мы все остались вместе, составив большую часть нового взвода. Но, по сути, это был всё тот же Пятнашка. Кроме того, нам добавили людей, чтобы восполнить потери. Это были ребята из нашего батальона, но из другой роты.

В полигон Г. стекался весь наш старый батальон. Я постоянно видел знакомые лица: наш старшина Вишня, ротный Линейка, замполит роты Весло, замполит батальона Ишма, старший пациент Каша и другие ребята. Людей распределяли кого куда. Другим коллективам, возможно, повезло меньше, чем нам, и их разделили. Перетряски происходили почти каждый день на протяжении недели.

Все мы не видели родных по несколько месяцев, так что очень быстро поднялся вопрос о предоставлении увольнений для встреч с родственниками. Мотив солдат был понятен, но у командования были совсем другие планы.

Глава 2. Армейский идиотизм на полигоне Г. Россия. Весна 23.

На очередном построении Негр объявил, чем мы здесь будем заниматься. Каждый день у нас будет военная подготовка на полигоне. Наряды здесь тоже будут, но их не очень много. А в увольнение он обещал отпускать нас по очереди: по три человека в день со взвода. Мы обрадовались и составили список увольнений: каждый из нас смог бы встретиться с родными в течение ближайших десяти дней. Солдаты начали звонить семьям и приглашать приехать к ним. Первая тройка отдыхающих написала рапорта и вечером отправилась в сосенный город.

Но на следующий день ситуация начала ухудшаться. Кто-то не вернулся из увольнения. Кто-то пронёс водку. А у кого-то родился ребёнок, и молодого отца отпустили не на один день, а на десять. Командование

решило, что нам живётся слишком сладко, и начало сокращать квоты увольняемых и вводить новые правила. Теперь никто не мог уйти в увольнение до тех пор, пока не вернутся предыдущие отдыхающие – а они и не думали возвращаться вовремя. Первая встреча с родными за несколько месяцев! Естественно, люди уходили и не возвращались по нескольку дней, а то и недель... Наше расписание увольнений пошло псу под хвост.

А меж тем военная подготовка на полигоне началась. Каждое утро мы облачались в броню, вооружались и отправлялись пешком на место проведения занятий. Идти было долго: до одной точки надо было идти около двадцати минут, до другой – под сорок минут, а иногда мы шли целый час. На СВО мы не ходили столько, сколько ходили на этом чёртовом полигоне, в полной броне и при оружии. А занятия были... на самом деле почти такими же, как и в городе В. перед первым заездом. Медицина, инженерная подготовка, тактическая ходьба, изготовка к бою, учебные перестрелки на поле и в траншеях. Разве что стрельбы боевыми патронами было в несколько раз больше, чем в городе В. Правда, эта стрельба была такая же бестолковая: к мишеням мне подойти ни разу не удалось.

Естественно, все только и думали, как бы слинять с этих учений. Путей было несколько. И один из них – наряды. Наряд по столовой, дневальный на плацу и куча истопников. Наряд по столовой занимался уборкой и обслуживанием, собственно, столовой. Дневальный на плацу просто стоял на плацу под «грибом» – столбиком с крышей от дождя. А истопники топили печки в палатках. В каждую палатку требовалось по два истопника, сменяющих друг друга: в штаб батальона, в штаб полигона, в умывальники, а также в нашу жилую палатку. И вот здесь, в нашей жилой палатке, и была придумана гениальная схема.

Мало того, что мы могли легально пропустить учения, пойдя в наряд. Помимо этого, истопники в нашей палатке назначались нашим же коллективным решением – и это никто не проверял!

Итак, схема была составлена: мы хотели в город. Двое уходили в город в самоволку, а на построении за них говорили «на печке». То есть для командования они были истопниками. А настоящие истопники выходили на построение и отвечали сами за себя: «я!» – а потом тихонечко уходили в палатку топить печку. Таким образом мы прикрывали своих самовольщиков, и каждый мог пойти повидаться с родными.

Основная проблема была в том, как уйти с полигона и доехать до города, не попавшись военной полиции. Очень быстро кто-то из наших познакомился с местной бандой таксистов, которые предлагали эксклюзивное обслуживание.

Обычные службы такси почти никогда не ездили между городом и полигоном Г. Выручка здесь была небольшая, дорога ужасная, мобильный интернет плохой и навигатор не работает – заблудишься. А вот местная банда таксистов работала по-своему: они рекламировали себя через сарафанное радио и брали за извоз в два-три раза дороже, чем официальные службы такси, но зато они были готовы подать машину в любое время суток по звонку и подбирали солдат-самовольщиков в особых местах около леса, пряча их от военной полиции. Эта банда мастерски следила за проездом к полигону и всегда знала, где стоят военные полицейские, и как перед ними не спалиться.

Наши солдаты уходили с полигона, проскакивали через лес и примерно через полчаса выходили к условленному месту. Так и добирались до города – а на следующий день обратно, с гостинцами из города и с ликёроводочной продукцией. Когда отдыхающие возвращались, мы устраивали вечерние пьянки в нашей палатке. Так, незаконным образом, но чисто и тихо, мы реализовали наше расписание увольнений.

Мне же не хотелось прятаться по лесам и полям, поэтому я выходил с полигона другим путём. На полигоне была своя санчасть, где врачи рассматривали жалобы солдат. Туда я и обратился, пожаловавшись на боль в

ступнях из-за плоскостопия. На самом деле боли не было, но плоскостопие было явно заметно при осмотре – у меня вторая степень. Недостаточно, чтобы уволиться из армии, но достаточно, чтобы пойти на хитрость. Врач в санчасти осмотрел мои ноги и сказал сходить в ортопедический салон, чтобы купить ортопедические стельки для обуви – и выписал мне справку на поездку в город.

Формально, справка была одноразовая, но она действовала в течение десяти дней. И военные полицейские на КПП не проверяли и не записывали, кто выходит в город по этой справке: просто проверяли печать и выпускали. Таким образом, собравшись в самоволку, я просто нагло выходил через главный вход – а потом так же нагло проходил обратно, и никто меня ни разу не останавливал. Ведь у меня был документ, бумажка! Я даже нагло переписывал число выдачи справки, чтобы выходить в город даже по истечению положенных десяти дней.

Таким образом мне удалось сходить в самоволку в город пять или шесть раз. В основном, я ходил по магазинам и закупал необходимые вещи для дальнейшей службы. Я купил два комплекта новой формы, термобельё, две пары берцев, кучу бытовой мелочёвки, новый противоударный смартфон и много всякой всячины. Конечно, все самовольщики бухали в городе и ходили по проституткам.

Я относился к этому спорно: с одной стороны, после долгих месяцев на войне хотелось женского внимания, а с другой - во всём этом чувствовалась фальшь. Сомнительный опыт, но ведь в жизни надо попробовать всё, не так ли?

Один из наших новеньких - вечный тусовщик и транжира - привык много зарабатывать и много тратить. Он уходил в самоволку, чтобы снять шикарный пентхаус с бассейном, походить по дорогим клубам, снять десяток девчонок. Он нашёл себе девушку-украинку и через неделю сделал ей предложение, подарив шикарное кольцо с бриллиантом. За месяц нашего

пребывания на полигоне Г. он потратил на отдых около миллиона рублей, то есть более половины того, что он заработал на войне на тот момент.

Другие несколько товарищей ушли жить в баню. Именно жить: они провели там с проститутками несколько суток. Когда им звонили и спрашивали, что о них думать, они гордо отвечали пьянящими голосами: «Говорите, что мы в СОЧ!»

Когда же они вернулись, то мы стали свидетелями восхитительного разговора по телефону. Один из них спалился своей жене: ей приходили уведомления о расходах своего супруга. Жена позвонила ему и устроила разнос, а он ходил по нашей палатке пьяный в стельку и пытался оправдаться. Что ему отвечала жена мы не слышали, но могли догадываться, покатываясь со смеху:

- Дорогая, ну какие стоисят тыщ за два дня?
- Ну не мог я потратить стоисят тыщ за два дня, алё!
- Да это мошенники, наверное, меня взломали!
- Да не был я ни в какой бане! Я ведь только тебя люблю!
- Да какие ещё три проститутки? Откуда ты знаешь, сколько их было?!
- Ну, дорогая, я ведь только тебя одну люблю... Слушай, можешь скинуть мне на карту ещё двадцать тысяч, пожалуйста?

Другие ребята уезжали в самоволку в Москву. Это обходилось очень дорого: около тридцати тысяч рублей на такси – но они ни о чём не жалели, ведь побывали дома с семьями. Мне тоже удалось один раз встретиться в соседнем с полигоном городе с семьёй и друзьями.

В перерывах между с самоволками мы таки ходили на учения малым составом. Каждый день количество «ответственных» военнослужащих

сокращалось, а количество «больных» увеличивалось. Негр смотрел на эту «армию» желающих попасть к врачам и приговаривал: «Куда делось войско...»

Один раз на учениях мы занимались инженерной подготовкой, и нам принесли на пробу сигнальные ракеты. Я и ещё парочка солдат отстрелялись без происшествий: ракета взлетала в небо, зажигалась и медленно шла по дуге вниз, пока не сгорала полностью. А вот один бедолага сделал что-то не так, и ракета пошла не в небо, а в поле. Светило солнце, а дождя и снега не было уже неделю: трава была полностью сухая. Дул ветерок. Ракета загорелась и влетела в траву. Поле зажглось пожаром примерно в километре от нас.

Поняв, что происходит, мы кинулись затапывать горящую траву, но не тут-то было. Добежав до места пожара, мы обнаружили, что ветер раздул пожар уже на огромную площадь. Хоть огонь был и не сильный, но контур пожара уже распространился на добрый километр во все стороны. Мы топтали траву как могли, к нам присоединились ещё солдаты, мы шли по контуру пожара долго-долго, около часа. Но обогнать ветер мы не могли. Пока мы тушили в одном месте, ветер уже разносил линию огня ещё дальше. В конце концов мы плюнули и пустили всё на самотёк. Пожар так и продолжался далеко-далеко, когда мы стали возвращаться к палаткам. Пожар закончился уже без нас сам по себе.

В другой день нам была поставлена задача оборудовать... лес для учений. Оборудовать лес. Это была самая армейская задача, которую мы выполняли. В рощице около полигона было много поваленных ёлок. Приказ: ёлки должны стоять! Вооружившись бензопилой, молотками и гвоздями, мы принялись за работу. Верхушки ёлок получили новую жизнь: мы прибивали их гвоздями к пенькам. О да, это был новый лес: пеньки и верхушки, прибитые друг к другу гвоздями. Естественно, мы хотели как-то скрасить это невероятно полезное времяпровождение, поэтому был назначен отряд

разведчиков, который выдвинулся в ближайшую деревню в магазин за пивом. Разведчики вернулись в самый разгар работ, и это придало нам огромный энтузиазм в деле восстановления экологии планеты. Бензопила заработала веселее, молотки застучали чаще, и под весёлые смешки пьяных солдат лес заиграл новыми красками!

Хоть это всё и было весело, но абсолютно бесполезно. Каждый из нас понимал, что наш «отдых» на полигоне не продлится вечно. Мы наблюдали, как соседние роты одна за другой отправлялись обратно на СВО, и каждый из нас искал пути, как бы остаться в России навсегда. У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже.

В одной из палаток койки были сколочены из рук вон плохо, и это привело к плачевным последствиям. Как-то рано утром верхняя койка рухнула. Один из солдат перекатился через печку, получив ожоги. Другой же сломал себе позвоночник. Его притащили к медикам и эвакуировали. Что с ним было дальше – неизвестно. Может и отпустили домой.

В нашей палатке тоже были болезни. Пока мы были на Украине, на природе, болезней было мало, ибо концентрация людей на территории была небольшая. Здесь же, в цивилизации, где тысячи человек живут рядом друг с другом, болезни начали быстро распространяться. Около недели вся наша палатка кашляла, чихала и температурила. Впрочем, от службы нас это не освобождало.

Каждый искал более надёжные проблемы со здоровьем. Один из наших товарищей, например, получил ожог руки об печку. Чёрт его знает, было ли это случайно или специально. Загаситься надолго у него не удалось – травма несерьёзная. Дубина, наш бравый пулемётчик, снова пошёл по пути психушки. Он пожаловался психиатру и предоставил необходимые документы: это сработало. Дубину оставили на полигоне и сделали его инструктором для других пулемётчиков – так он и продолжал свою службу до дальнейшего увольнения из вооружённых сил. Один из наших медиков

тоже нашёл своё место в качестве инструктора по тактической медицине: не по болезни, а благодаря своему опыту и умениям. Груша лёг в госпиталь и стал лечить свою эндокринную систему: благо, у него были реальные основания. Другой толстяк нашёл путь в коррупционной системе: он заплатил миллион и семьсот тысяч за свой диагноз! Это в полтора раза больше, чем он заработал на тот момент на войне. Бедолага на радостях начал по-чёрному бухать в госпитале, и его быстренько оттуда выписали. Глупая ошибка – и огромная сумма денег улетела впустую. Он пошёл к другим врачам подтверждать свой диагноз, и его дальнейшую судьбу я уже не знаю.

Многие искали у себя диагнозы. Шайба и ещё один старшой пытались найти лазейку, и были готовы отдать триста тысяч рублей, но безрезультатно. Тушь и ещё один боец оформили себе какие-то болезни, но они были несерьёзными. В итоге их просто перекинули в другие подразделения, и они отправились на войну отдельно от нас, в более горячие и опасные места. Беспомощный мальчик Шестерня оказался более везучим: ему удалось оформить себе диагноз то ли у психиатра, то ли у невролога.

Кто-то пытался уволиться с воинской службы по случаю рождения третьего ребёнка, будучи умным мужиком: он всё продумал заранее, ещё прошлым летом он понимал, к чему всё идёт. Но удалось ли ему добиться успеха – мне уже не получится узнать, ибо наши дороги разошлись. Ещё один, лютый пьяница и самовольщик, тоже пошёл по пути психушки как и Дубина – и ему это удалось. После пережитого штурма у него и правда поехала крыша.

Все мы по-другому взглянули на «воинское товарищество» и «верность Родине» после первого заезда. Каждый из нас мечтал вернуться домой. Если есть хоть малюсенький шанс получить заветное право на увольнение из вооружённых сил – надо им пользоваться. Никому из нас не была нужна эта война, никому из нас не была нужна эта победа. Только домой. Но успеха

добивались лишь единицы. Держава закрыла почти все легальные пути получить свободу. А бежать прятаться в лесах – долго ли ты будешь прятаться? А как жить дальше, если ты в розыске? Как работать, как содержать семью?

Были и беглецы, но они по большей части возвращались. Бывает, сбежал кто-то в самоволку на пару недель – и вернулся. А вот пьяница Нефрит не вернулся. Впрочем, он и сейчас неплохо живёт: он таки нашёл у себя много болячек предпенсионного возраста, и сейчас бегаёт-бегаёт по врачам, и на войну его пока что не отправляют.

Так день за днём прошёл март.

Глава 3. Формирование нового батальона. Село Ю. Непризнанные республики. Весна 23.

В тот день я в очередной раз ушёл в самоволку в соседний город. Вышел в половину шестого утра через КПП, доехал до города и стал ждать открытия магазинов. У меня были планы закупиться парочкой вещей, отдохнуть в гостинице, может быть, сходить в кальянную... Но моим планам не суждено было сбыться. В восемь утра мне позвонил Офис, и объявил, что мы уезжаем из полигона Г. через час.

- А как я доеду то обратно за час?

- Слушай, это меня не ебёт, как ты доедешь. Давай, выбирай: или ты быстро возвращаешься и едешь с нами, или не едешь – и тебя объявляют в СОЧ (самовольно оставившим часть).

- Я понял тебя.

Всё, что я успел сделать в городе – это закупить сигареты и снять наличные. Я в спешке вызвал такси обратно до полигона и отправился навстречу новому заезду. Конечно, я опоздал. Но армия – самая

неорганизованная организация, поэтому моего опоздания никто не заметил. У меня было достаточно времени, чтобы собрать свои баулы с вещами, погрузить их в машину вместе с остальными и воссоединиться со своим подразделением.

Мы выехали лишь спустя пару часов, и провели в дороге весь день. Остановки у магазинов были, и мы закупались едой и алкоголем для долгого пути. У меня были наушники, и почти всю дорогу я сидел у борта «Урала», слушая музыку и любуясь пейзажами. Хоть мы и ехали снова на войну, настроение было бодрое. Вечером мы пересекли границу и въехали на территорию непризнанной республики. А глубокой ночью мы прибыли в сельскую школу в селе Ю. Здесь мы кое-как расселились и свалили свои вещи в одну огромную кучу.

В сельской школе было гораздо теснее, чем в палатке. Вещи некуда было положить, мы спали вплотную друг к другу в одной комнатке. На следующий день нас начали формировать в новый батальон. На крыльце школы стояли офицеры батальона и раскидывали людей по роте и по взводам. У нашего взвода появился новый командир – Катапульта, старенький мужичок предпенсионного возраста. Командование предлагало людям разные вакансии: в основном, требовались водители для грузовых машин.

Когда офицеры спросили, у кого есть водительские права категории С, вызвался наш товарищ Крюк. Это была ошибка – машину ему так и не дали, зато перекинули в другой взвод. К сожалению, у нас забрали нашего чокнутого Крюка. Хоть он и жил недалеко от нас, но мы пересекались нечасто, и бойцы нашего старого коллектива стали скучать по его крылатым фразочкам:

-Жир-р-рненький кабанчи-и-ик!

-Урсула Фондерляйн!

-Они будут отсасывать наш жирный фаллос!

-Ты обречён служить нашей родине до конца своих дней!

Эх, Крюк, Крюк. Зря ты тогда вызвался быть водителем. А, впрочем, я не лучше. В один прекрасный момент офицеры спросили, у кого есть высшее психологическое или педагогическое образование? Теперь уже я вызвался – у меня, говорю, есть высшее педагогическое. Меня записали и отвели в сторону для беседы.

- Так, Компас, значит у вас есть высшее педагогическое, так?

- Да, всё верно.

- Смотрите, мы вам можем предложить должность замполита роты.

- Замполита!? Так ведь это офицерская должность, а я - ефрейтор!

- Ничего страшного. Вы заключаете контракт, мы вам присваиваем звание лейтенанта, и вы принимаете должность замполита роты.

- Контракт? Простите, но я не готов заключать контракт. Я мобилизованный - я хочу вернуться домой, а не заключать контракт.

- А вы думаете, что если вы мобилизованный, то вы раньше вернётесь домой? СВО распланировано до тридцатого года. Раньше тридцатого года никто вас домой не отпустит в любом случае, будь вы контрактник или мобилизованный. А если вы заключите контракт, вам сразу же будет разовая выплата в двести тысяч рублей. Сделаем вас офицером.

- Простите, но я не готов заключать контракт. Если вы готовы поставить замполитом роты мобилизованного ефрейтора – я к вашим услугам. Если нет – я останусь обычным стрелком.

На этом и порешали. Контракт я заключать не стал. На следующем построении офицеры назвали мою фамилию и сказали: становись в управление роты, ты новый замполит! Я в шоке, но мне весело. Анекдот

какой-то. И вот я стою в управлении роты, выше меня в роте только командир роты – «Плита».

Выглядел я, конечно, глупее некуда. Из меня руководитель никудышный, а военный командир - тем более. Пять минут! Всего пять минут офицерам потребовалось, чтобы понять, что им такой замполит не нужен. Мою фамилию назвали вновь, и я вернулся обратно на должность стрелка – но уже в другой взвод!

В панике я стал пытаться вернуться обратно в свой коллектив. Все подшучивали надо мной.

- Замполит на пять минут!

Да я и не был против этих шуток. Конечно, ситуация была анекдотическая. Я обратился к своему взводному Катапульте и стал проситься обратно в наш взвод. В этот момент он беседовал с батальонным офицером – позже я узнал, что это был «Якорь», замполит батальона. Якорь и Катапульта выслушали мою просьбу: Катапульта отнёсся ко мне по-человечески и был только за то, чтобы я вернулся. А Якорь начал надо мной издеваться, и совсем не по-доброму: «Значит, когда тебе предложили должность повыше – ты сразу бросил своих товарищей и с радостью побежал в управление роты. А как только тебя выкинули обратно на должность стрелка – ой, у меня коллектив, ой, я хочу со своими служить, ой-ой-ой, верните меня обратно! Так? Чё молчишь, а?»

Якорь мне сразу не понравился. Из одного короткого разговора с ним я сразу понял, что ему абсолютно наплевать на людей и на их нужды. Тем не менее, Катапульте удалось добиться моего возвращения в наш взвод, и я воссоединился со своими ребятами. Впрочем, не все были рады моему возвращению.

У нас с Офисом были разногласия, и он выбрал хитрый путь, решив от меня избавиться. Офис стал убеждать меня в том, что контракт – это хорошая

идея: «Компас, тебе предложили звание офицера и должность замполита роты. Компас, ты бы подумал. Будешь сидеть себе в штабе. Никаких окопов, за тебя солдаты копают, командовать будешь. Ещё и двести тысяч заплатят. Если бы у меня было высшее педагогическое, я бы не раздумывая подписал контракт.»

Конечно же, я не поддался на его уговоры и никакой контракт подписывать не стал.

Прошло несколько дней, батальон был укомплектован, начался ещё один курс обучения на полигоне. Идти до полигона было около получаса по холмам. Обучение стандартное – всё та же стрельба, медицина, метание гранат... Но было и кое-что новенькое: я впервые сделал парочку выстрелов из РПГ (Ручной противотанковый гранатомёт). Это был интересный опыт. Стреляет РПГ очень громко, и мне пришлось надевать наушники с активным шумоподавлением, которые мне одолжил товарищ Вратарь.

Так прошло несколько недель, а в середине весны наш бравый батальон выехал на свои позиции. Вечером мы загрузились в машины и выдвинулись в путь. В дороге мы провели всю ночь, а утром стали замечать наши родные места, знакомую нам линию фронта. Проезжая мимо посёлка Ц., мы выглядывали за борт «Урала» и пытались найти взглядом нашу старую «буханку», которую оставили здесь полтора месяца назад местному жителю. Увы, её мы так и не обнаружили. Уже потом, спустя время, мы выяснили, что наша «буханка» была реквизирована для нужд армии.

Вечером, по темноте, мы прибыли на какие-то позиции.

**Глава 4. Скитания в поисках своих позиций. Линия фронта.
Апрель 23.**

Полная темнота, неизвестная лесополоса и кучка мобилизованных, потерянных и уставших. Моросит противный апрельский дождь. Где-то далеко стреляет артиллерия, но наша позиция была безопасной.

Мы выгрузились в какую-то лесополосу одним взводом. Без командования, без командира роты, без батальонных офицеров. В лесополосе, к счастью, уже были выкопаны блиндажи и траншеи. Мы забились кто куда и начали готовиться ко сну. Мне в блиндаже места не хватило.

Добрых полчаса я бродил по траншеям в поисках удобного местечка, и мои поиски увенчались успехом. Я нашёл бетонный ДОТ (Долговременная огневая точка), в который сложил весь свой скарб, укрыв его от дождя. Сам же устроился в бывшей генераторной: это была удобная яма в земле, накрытая брёвнами и занавешенная плащ-палаткой. На дне лежали паллеты: раньше на них стоял генератор, а теперь на них расположился я. Яма насквозь пропахла бензином, но мне было наплевать – слишком хотел спать. Позже ко мне присоединился Шмель, но он не выдержал запаха и получаса: у него сильно заболела голова и он ушёл искать место получше.

Проспав в генераторной до середины дня, я выбрался наружу и стал осматривать местность. В траншеях был выкопан удобный туалет ниже уровня земли – надо отдать должное тем, кто здесь окапывался. Лесополоса вся была перекопана на славу. Остальные товарищи сидели в блиндажах, искали свои вещи в лесополосе – и никто не знал, что делать дальше. Целый день мы прослонялись по этим траншеям, а вечером нам снова дали команду переезжать.

Теперь с нами в «Урале» ехали не только наши вещи, но и вещи роты: ящики с оружием и огромная полевая кухня. Проблема в том, что это была не полевая кухня на колёсах – это была неподвижная полевая кухня на металлических полозьях, которую приходилось грузить в грузовик восьмером. Так как места в «Урале» не хватало, мы ехали в два захода. Да и

ехать то пришлось недалеко: из-за постоянного дождя дорогу развезло, и на середине пути нам пришлось перегружаться в «мотолыги».

Тогда я впервые поехал на «мотолыге» (МТ-ЛБ) - это гусеничный тягач, легкобронированная техника для транспортировки и переброски личного состава.

С огромными усилиями мы грузили полевую кухню на крышу «мотолыги», а вещи внутрь десантного отсека. Кто-то из нас ехал снаружи, «на броне», мне же посчастливилось забраться внутрь десантного отсека. Комфортной эту поездку не назовёшь, но зато я был укрыт от дождя и грязи. А дождь и грязь стали нашими постоянными спутниками на ближайшие несколько месяцев.

Проехав ещё какое-то расстояние, глубокой ночью мы добрались до новых позиций. А дождь всё моросил и моросил. Тогда я понял, что мне срочно нужно укрытие для ночлега, и строить это укрытие должен я сам.

Решение пришло на удивление быстро. Мне на глаза попались ящики с вооружением роты, плащ-палатка и дождевик. Ящики я поставил так, чтобы получились две «стены», между которыми было достаточно пространства для меня и моих вещей. Я накрыл ящики сверху плащ-палаткой, придавив её края какими-то брёвнышками – получилась крыша. В изголовье своего убежища я поставил наш генератор и свои вещи, накрыв всё это дождевиком – крыша была завершена, и она закрывала мою голову от ветра. Оставался только один незакрытый «вход», куда я заполз, разложил спальный мешок и даже смог снять сапоги. Дождь был несильный, и моё укрытие спасло меня в эту ночь.

На следующий день мы снова стали осматривать местность. Это была ещё одна лесополоса, но на этот раз она была необорудованная. Крытых блиндажей не было, траншей и окопов тоже. Были лишь ямы в земле – будущие блиндажи, но без крыши. Моё укрытие было разобрано – ящики с

оружием роты забрали и увезли в другое место. Наш дружный коллектив бродил между деревьями, мы делили еду, выдавая её очень маленькими порциями, грели кофе на газовых горелках, болтались туда-сюда, пытались понять, что же делать дальше. Здесь тоже было безопасно.

Разбредаясь всё дальше и дальше, мы обнаружили соседей, которые наконец-то подсказали нам, где мы находимся. Оказывается, мы были совсем недалеко от старой доброй деревни З. – той самой, в которой жил барыга, державший свой магазинчик. Обрадовавшись, мы прикинули, как туда идти, и двинусь в путь. Сначала ходила одна группа, потом другая, и так далее. Дошло дело и до меня. Собрав группу, мы двинулись в сторону деревни за покупками.

А по дороге мы видели брошенные позиции. Раньше здесь кто-то жил. Здесь были целые блиндажи, окопы, недостроенные ямы в земле и кучи брошенных вещей. Мы взяли это на заметку и вошли в деревню. Мы узнали старого доброго Витька, продавца в магазине барыги.

- Хэ-хэй, Витёк, здорова! Сколько лет, сколько зим, рады тебя снова видеть!

- Здорова, мужики! Рад видеть вас живыми и здоровыми.

Он узнал нас. Или только сделал вид. Мы ходили к нему в магазин почти весь декабрь, и запомнили его хорошо. А у него каждый день были десятки посетителей из самых разных подразделений – конечно, он не запоминал всех. Мы закупились всякой всячиной для нужд взвода: газовые баллоны, влажные салфетки и, конечно же, газировка, лимонады, колбаса, сладкое и прочие вкусности. Один из наших товарищей с позывным «Метла», не успел снять наличные деньги, когда мы были на полигоне, и отдал барыге свою банковскую карточку с паролем, чтобы барыга съездил в Россию и снял наличные для него. Это, конечно, было рискованно, но Метла вынужден был довериться барыге.

Нагрузившись покупками, мы двинулись обратно. На обратном пути я примечал материалы, которые могли бы оказаться полезными, решив вернуться за ними позже. Когда мы прибыли к своим, все с удовольствием начали поедать и распивать всё купленное. А меж тем, дождь всё шёл и шёл. Мы начали понимать, что нужно совершенствовать наши укрытия. Бойцы с позывными «Утка», «Шляпа» и «Краб» стали копать и углублять ямы в земле, накрывая их кое-как плащ-палатками. Старшие «Шайба», «Лист» и «Офис» стали натягивать плащ-палатки между деревьями, пытаясь собрать один большой шатёр. Кто-то сделал себе спальное место для двоих из плащ-палаток и брезента. Я же отправился на мародёрский рейд.

К этому моменту я начал понимать, что «маленький волчонок должен позаботиться о себе сам». Здесь нет командиров, которые знают, что делать – наш взводный Катапульта сидел у костра в открытом блиндаже и был в таком же замешательстве, как и мы все. Здесь нет опытных людей, которые вежливо поселят нас в сухое помещение. И мои товарищи тоже не позаботятся обо мне, потому что они заняты заботой о себе самих.

Итак, я вернулся к брошенным позициям по дороге в деревню 3. Самые предприимчивые из нас уже успели занять готовые блиндажи в этой части лесополосы. Мне же достались материалы, которые я для себя присмотрел. Пройдясь по позициям, я собрал для себя жёсткие медицинские носилки, теплицу для грядки огурцов, немного брезента, парочку плащ-палаток и рваный дождевик. На самом деле, эта добыча спасла меня. Я вернулся к своим и стал строить новое убежище.

Носилки я разложил и поставил на землю между кустов. Сверху на них – спальный мешок. Сверху – теплица для огурцов. А поверх теплицы плащ-палатки, брезент и дождевик. Таким образом, я лежал не на мокрой земле, а как бы висел в воздухе немного над ней, благодаря носилкам. Каркасом для стен и крыши выступала теплица, укрытая сверху от дождя всеми материалами, которые я нашёл. Проблема была в том, что все материалы

были старыми и дырявыми. Стыки и дырки было нечем проклеить. Но это было хоть что-то. К наступлению темноты у меня было убежище. Остальные товарищи получали незабываемое удовольствие, наблюдая как я туда залезаю. Я, как гусеница, заползал в эту несчастную теплицу, пытался раздеться в крошечном пространстве и устраивался поудобнее в спальном мешке. В своей теплице я проспал добрых двенадцать часов. Посреди ночи дождь стал моросить всё сильнее и сильнее. Вода текла сквозь дырявую теплицу и стыки брезента, скапливаясь прямо у меня под ягодицами в холодную лужу. Но что-то менять в конструкции было уже поздно. Так что я просто смирился с тем, что моя жопа будет мокрая и холодная, и просто спал дальше.

Утром я вылез из спального мешка, продрогший и промокший. Ещё никогда я не спал в такой сырости. Меня трясло, зубы стучали, я быстро одевался и дрожащими руками пытался завязать шнурки на берцах. Я снова полз, как гусеница, выбираясь из своей теплицы. Оказавшись снаружи, я обнаружил свой взвод в ещё более плачевном состоянии, чем я сам. Оказалось, что моя теплица была самым надёжным укрытием из всех укрытий, что были построены за прошлый день. Все остальные были гораздо более мокрыми, замёрзшими и уставшими, чем я. И сегодня они уже не смеялись над моим убежищем, а хвалили его в восхищении.

В этот день мы решили, что долго так продолжаться не может. Надо опять занимать дома! Оставлять позиции мы не могли, хоть было и непонятно наше предназначение на этих позициях. Посоветовавшись, мы решили отправить малую группу в деревню З. для того, чтобы найти сухой свободный дом. Катапульта дал добро. Я вошёл в состав этого отряда, и мы двинулись в путь. Оказавшись снова в деревне, мы потратили какое-то время на расспросы местных жителей и других солдат, и вскоре обнаружили свободный домик.

Домик был тесный, и с трудом вмещал восемь человек. Но нам и этого было достаточно. Сухой дом! Мы развесили свои спальные мешки для просушки, сходили в магазин к барыге, нашли кое-какие дрова и расположились на отдых. Предполагалось, что мы останемся в домике на один день, после чего поменяемся с другой группой отдыхающих. Но, как и всегда, нашим планам не суждено было сбыться.

Ведь «Человек предполагает, а Господь располагает.»

Во второй половине дня Офис вышел на связь по рации и дал команду возвращаться. Мы снова переезжаем! Мы собрали наши спальные мешки и поплелись обратно. Естественно, никто из нас не успел просохнуть, мы были всё такими же промокшими и продрогшими. В ту минуту во мне начал разгораться дух мародёрства, и я без укоров совести стащил хозяйские лопаты и топор. Я начинал понимать: чтобы выжить здесь, мне нужно тащить всё, что плохо лежит.

К счастью, вся эта местность была безопасной, и мы ходили всё это время без брони. В броне ходить туда-сюда было бы очень тяжело. Мы вернулись к своему взводу и стали грузиться. Везти нас снова должны были на «мотолыге», в несколько заходов. Мы опять грузили полевую кухню на крышу, таскали мешки с продуктами роты, складывали баулы с нашими вещами в десантный отсек. И всё время дождь, дождь, дождь. Мы встали в цепь и передавали вещи из рук в руки. Рядом со мной в цепи стояли Краб, Утка и Шляпа. Мы уже были в истерике от этой погоды. Мы смеялись и снимали свои мучения на видео.

- Всё в чме...

- Всё в чме!

- Всё в чме!

- Всё...

- ...в чме-е-е-!!

Всё было действительно в чме. Липкая, густая грязь покрывала всё. Наши ноги были по голень в чме. Наши руки были по предплечье в чме. Мешки с продуктами были в чме. Оружие было в чме. Броня была в чме. Спальные мешки были в чме. Баулы с вещами были в чме. Мы целиком были в чме. Густая, липкая, холодная, мокрая грязь была везде, и не было от неё спасения.

-Я кайфую от жизни! Кайфую!

-Как же классно жить!

-Всю жизнь живу, и не тужу!

Эти слова произносились с истерическим, издевательским выражением. В моих глазах было весёлое безумие.

Пока ехали первые две партии, мы с Катапультой и несколькими товарищами сидели у костра в недостроенном блиндаже. Обсуждали погоду и ругали командование.

- Да это пиздец блять! Ни блиндажей, ни электричества! А когда рации сядут, как мы будем? Чем заряжать то блять? – причитал Катапульта.

Мы надеялись на обустроенные позиции и хорошее снабжение. Как мы были наивны, как неопытны. И наш командир взвода Катапульта был таким же, как и мы.

Наконец, последняя партия погрузилась на «мотолыги». В этот раз я ехал снаружи, на броне. Мы уселись поудобнее и упёрлись ногами в зацепы. Машины ехали по грязи, из-под гусениц летела густая вязкая жижа, мотор громко ревел, заглушая наши голоса. Когда я еду куда-то с видом на пейзаж, у меня слегка поднимается настроение, и я начал напевать вполголоса:

*Я хотел бы ветром быть и над землёй лететь
К солнцу в снегах
Я хотел бы в небе спать и сны о нём смотреть
Сны в облаках
Но ты сказала мне: Это мечты
И ничего в них нет
Вот и всё, что сказала мне ты*

*А я хочу, как ветер, петь
И над землёй лететь
Но так высока и так близка
Дорога в облака*

*Может быть, ты будешь ждать, а может быть и нет, дело твоё
Если вдруг меня позвать захочешь в тишине, крикни в окно
Эй, где ты, ветер мой, эй, где же ты?
И я вернусь домой, даже с самой большой высоты*

*А я хочу, как ветер, петь
И над землёй лететь
Но так высока и так близка
Дорога в облака*

*Но ты сказала мне: Это мечты
И ничего в них нет
Вот и всё, что сказала мне ты
А я хочу, как ветер, петь
И над землёй лететь
Но так высока и так близка
Дорога в облака*

Дорога в облака

Дорога в облака

Глубокой ночью мы приехали на новые позиции в очередную лесополосу, где нас встретил товарищ Колобок.

Глава 5. Первые дни в «Кабинете». Линия фронта. Апрель 23.

Колобок и несколько других ребят встретили нашу последнюю группу, высаживающуюся с «мотолыги». К счастью, в этой лесополосе жильё было уже выкопано до нас. Нам показали, где кто будет жить: по одному блиндажу на отделение. В кромешной темноте мы брели вдоль дороги к нашим блиндажам. Наше отделение заселилось в маленький, но уютный блиндаж на шесть человек. Но нас было девять. Двухъярусные койки располагались буквой П в глубине блиндажа: на них поместилось семеро, двое из которых спали на одной койке. Кто-то примостился на ящике из-под выстрелов для РПГ, а Утка скрутился на полке «шкафа». Он лежал на ней и шептал, повторяя одно и то же: «Крыша над головой... Наконец-то крыша над головой. Сухой блиндаж. Тепло...»

Похоже, что здесь было безопасно. Где-то далеко стреляла артиллерия, но рядом с нами ничего не взрывалось, боёв не было слышно. Те, кто приехали до нас, уже разожгли крохотную печку и прогревали помещение. Мы решили выставить наряд на ночь на входе в блиндаж, на всякий случай. Этот блиндаж стал нашим домом на ближайшие несколько месяцев. Со временем у него появилось название: «Кабинет».

На дороге у нашего блиндажа стояла «буханка», застрявшая в грязи, и к нам пришёл погреться один из водителей. Он жил здесь уже какое-то время, и стал пугать нас минными полями вокруг, чтобы мы не ходили куда не попадя. Он был пьян. Те из нас, кто не спал, слушали его без комментариев –

мы все очень устали. Ночью, в моё дежурство, нас пришёл проведать ротный старшина с позывным «Сапог». Убедившись, что всё в порядке, он поковылял к другим отделениям.

Наутро пошло обустройство нашего быта. В первую очередь, мне нужно было найти свои вещи. Лесополоса тянулась длинной прямой лентой на несколько километров, а вдоль неё шла полевая дорога, по которой ездили машины и «мотолыги». Вдоль лесополосы петляла тропинка между деревьев, и мне пришлось сделать несколько ходок до точки выгрузки и обратно, чтобы перетащить все свои баулы к нам в блиндаж. Пока я таскал вещи, у нас с Офисом произошёл очередной конфликт.

Сапог поставил нам задачу срочно расчистить место в лесополосе под стоянку для «мотолыги», которая теперь принадлежала нашей роте. Я как раз проходил мимо Сапога и Офиса, когда они выбирали подходящее место. Сапог, как старшина роты, ставил задачу Офису. А Офис, как замкомвзвода, поставил задачу мне: «Иди, бери топор и бегом сюда! Расчищать место для «мотолыги»!»

Я сразу прикинул, что эту задачу на самом деле выполнять не нужно... Уж точно не мне. И, к тому же, я был занят своими делами. Так что я стал разыгрывать дурачка.

- Я сейчас за вещами своими иду...
- Я сказал, ты идёшь не за вещами, а за топором.
- Да сейчас, я сгоняю за вещами, перетащу их и приду.
- Нет, я сказал что ты сейчас же идёшь за топором!
- А где топор то лежит, я ж не знаю ...
- Всё, Компас, долбоёб ёбанный – иди отсюда!

Меня такой расклад устраивал полностью. Так что я просто пошёл дальше заниматься своими делами. С тех пор между мной и Офисом всегда

царило напряжение, которое нередко выливалось в ссоры, из которых Офис всегда выходил победителем. Я старался прикидываться дурачком, работать спустя рукава и избегать его, чтобы не попасть на какую-то дурацкую задачу, которую на самом деле выполнять не нужно. С этой стоянкой так и вышло: уже спустя полчаса Сапог с Офисом пришли к выводу, что в этом конкретном месте эта стоянка вовсе не нужна.

Следующая проблема, которую надо было решить – продовольствие. У нас не было ни еды, ни воды. Парочка открытых бутылок, несколько банок консервов – и всё. К счастью, хотя бы была газовая горелка и немного газа. Когда я ходил за вещами, я заметил имущество роты – огромную кучу коробок с консервами, упаковки питьевой воды и большую бочку с технической водой. Для начала, я вооружился казённым вещмешком и пошёл на дело. Вокруг этого продовольствия была какая-то суета. Куча народу, все подходили и набирали себе что нужно, и всё это без присмотра Сапога. Я не понимал, берут ли это всё легально или нет. Поэтому решил действовать. Слившись с толпой, я придавал своему лицу уверенный вид, и внаглую стал напихивать продукты и воду в свой вещмешок. И никто ничего не заметил. Все были так заняты своими делами, что не задали мне ни одного вопроса, и я благополучно вернулся к себе в блиндаж с целым мешком продовольствия. Но этого мне было мало.

Носилки, на которых я спал под теплицей для огурцов, я взял с собой и привёз их сюда! Теперь они превратились в транспорт для продуктов. Я подошёл к товарищу по кличке «Вышка», и попросил его:

- Помоги, пожалуйста, пойдём, сходим за продуктами!

Вышка не понял, что мы идём на дело – я не сказал ему, что мы воры! И мы пошли. С ещё большей наглостью я стал грузить еду и воду в носилки, прямо на глазах у всех. Мы нагрузили, наверное, полцентнера, и накрыли сверху дождевиком. И потащили. И снова никто ничего не сказал против, все были слишком заняты. Прделав долгий путь обратно, мы встретили нашего

товарища с позывным «Куст», который удивлённо глядел на продукты в носилках.

- Так, что это мы пиздим?

- Да, продукты по мелочи...

- По мелочи? А там что, выдают?

- Да, выдают, выдают, – соврал я, и мы быстренько прошли мимо.

Народ в блиндаже в шоке. Целые носилки провианта. Я говорю, пошли ещё! На сей раз я взял с собой Утку. Невысокий щупленький бедолага пошёл со мной в следующую ходку, и я вымотал его по полной. Он еле-еле осилил эту дорогу с пятидесятью килограммами еды и воды в носилках. Да и я был не в лучшем состоянии. К тому моменту от ротного имущества уже почти ничего не осталось – всё растащили. Не мы одни были такими хитрыми и наглыми. Но я знал: если эти продукты разворуют так или иначе – так пусть уж лучше мы их разворуем. Иначе нам придётся туго. Так за один день воровства я обеспечил своё отделение едой на полторы-две недели.

С водой было хуже. Каждый день мы ходили к бочке и наполняли бутылки ржавой, мутной технической водой. Её нужно было кипятить. Но по дороге к бочке я каждый раз втихаря заглядывал к Сапогу и воровал с ротного склада по несколько бутылок чистой питьевой воды. Конечно, мне стыдно: но иначе не выжить.

Покончив с переноской вещей и продовольствия, я решил заняться следующей проблемой: спальные места. И, к счастью, у меня было решение для организации одного нового спального места. Мои любимые носилки кое-как залезли в наш блиндаж, и мы поставили их враскорячку между нарами второго яруса, прямо под потолком. Гордый своим изобретением, я решил, что сам же и буду спать в этих носилках! Они висели над головой у проходящих людей, и все мне говорили, что я с них свалюсь на кого-нибудь.

Но носилки стояли надёжно и ни разу меня не подвели. Ребята верили в приметы, и говорили мне:

- Будешь спать на носилках – станешь «трёхсотым»!

А я им не верил и посмеивался над этой приметой.

В последующие дни я совершал мародёрские рейды по окрестностям. Разведку я проводил в одиночку, мне так было спокойнее. Благо, позиции были безопасные, и все мы ходили без оружия и брони. Если честно, война как будто была далеко от нас. Отходя всё дальше и дальше от «Кабинета», я обнаруживал брошенные блиндажи, в которых стояли ящики с консервами и даже иногда с питьевой водой. Всё это я постепенно грузил в свой мародёрский вещмешок и перетаскивал в «Кабинет», делая запасы для моего отделения.

Все остальные тоже занимались хозяйством. Кто-то занимался заготовкой дров, кто-то топил печь, кто-то обустраивал блиндаж и распахивал запасы по углам и полкам. Другие отделения тоже занимались мародёрством, и они тоже преуспели. Они намародёрили себе печки и печные трубы – гораздо лучше, чем у нас в «Кабинете». Провизию они тоже нашли. Со временем Сапог и Плита наладили доставку еды и воды в роту и проблемы с продовольствием сошли на нет. Жизнь стала входить в стабильную колею, и в связи с этим начал появляться и армейский идиотизм.

Глава 6. Обустройство «Шлагбаума». Линия фронта. Лето 23.

Наш взвод расселился по четырём блиндажам. Несколько переездов из блиндажа в блиндаж и всё устаканилось. Нашему отделению повезло, мы смогли договориться так, чтобы никуда не переезжать. Наш «Кабинет» был с краю позиций нашего взвода, и ближайший к позициям соседних взводов и управлению роты. Затем шла «Венера», потом «Гудзон» (в честь нашего старого поста времён января) и «Бельгия».

На «Венере» жил Катапульта, парочка помощников и двое ребят, назначенных мотолыжниками: Краб и Груша. Они сменили предыдущих мотолыжников из-за их некомпетентности: «мотолыга» застряла прямо на дороге около «Кабинета» и разулась – с неё слетела гусеница. Она так и простояла на дороге около недели, заваленная сухими стеблями подсолнухов. На крыше у «мотолыги» стоял большой пулемёт. Эта стоящая «мотолыга» могла привлечь к себе ненужное внимание противника и лишь каким-то чудом её не обнаружили, а нас не обстреляли. Старые мотолыжники так и не смогли её обуть обратно в гусеницу, а Краб с Грушей смогли. Так что наши ребята были назначены обслуживать машину на постоянной основе.

На «Гудзоне» жило отделение Листа – это был почти весь наш старый коллектив. Они же установили у себя один из наших генераторов и провели электричество. В первое время мы заряжали рации и павербанки на «Гудзоне».

На «Бельгии» жила, в основном, молодёжь. Там был бардак, а старшим назначили бойца с позывным «Печка», который явно не справлялся с руководством людьми.

Ну а в нашем «Кабинете» жило наше отделение Шайбы. Из старого коллектива был Шайба, Шмель и я. Утка, Шляпа и Губка присоединились к нам на полигоне Г., а пулемётчик с позывным «Комп», Картон и Вышка подселились к нам только сейчас.

Командование имело на нас определённые планы. Планы были абсолютно бестолковые, как и мы сами. У перекрёстка лесополос нужно было выставить наряд для наблюдения за дорогой. Теоретически это должна была быть первая линия обороны в случае нападения с фланга. Но, так как мы были в тылу, то никакого нападения, конечно, не было (и слава богу). Мы были, вроде как, третьей линией обороны. Перед нами была ещё одна лесополоса и деревня И., а противник за нею: всего до ВСУ было несколько километров и активных штурмовых действий на этом участке не было. За

нами стояла артиллерия, регулярно стрелявшая из поля и лесополос, расположенных в низине за нами, а ещё дальше был посёлок Ш.

Итак, наш взвод должен был выставить круглосуточный наряд для наблюдения за дорогой на фланге. Так как прямой опасности не было, единственное назначение этого наряда – это следить за тем, кто проезжает по дороге в сторону наших позиций и докладывать об этом. Мы были «фишкой».

Вот приедет командир бригады – а у нас пьяный комбат голый в трусах стоит и ссыт у штаба! Чтобы такого не было, наш наряд и был выставлен – предупреждать о том, что кто-то к нам едет. Мы назвали этот пост «Шлагбаум». В начале это было просто бревно посреди лесополосы, на котором мы сидели и наблюдали за дорогой, докладывая по радию. Но со временем нам приказывали обустроить наш пост всё тщательнее и тщательнее.

За несколько месяцев на «Шлагбауме» появилась удобная лавочка; два полноценных огневых окопа в полный рост, накрытых крышей из брёвен, из которых могла простреливаться дорога; проводной телефон времён СССР, который нужно было крутить за ручку; и длиннющий шлагбаум (настоящий!). Всё это было построено, по большей части, силами «Кабинета». Вообще со временем «Кабинет» стал единственным блиндажом, который обслуживал «Шлагбаум» и ходил в наряд на КПП. Для остальных появились другие задачи.

Всё это строительство нам, конечно, было нахрен не нужно. Но командование имело свои рычаги давления. В один прекрасный день нам объявили, что готовы отпускать нас в отпуск по три человека со взвода одновременно. Мы провели жеребьёвку и разбили весь взвод на десять «очередей» по три человека. Шайба, наш командир отделения, должен был идти в отпуск в первой очереди. Но тут ему сказали: пока на «Шлагбауме» не будет выкопан и накрыт окоп – хуй тебе, а не отпуск! А отпуск у него

начинался завтра. И вот мы всем блиндажом, как проклятые, за один вечер доделывали этот несчастный окоп, чтобы помочь товарищу сходить в отпуск – и таки сделали.

Когда нам привезли шлагбаум - мы охренели. Шлагбаум, мать его! Его выгрузили с «Урала»: чудовищная конструкция из досок и плотницких скоб. Мы вкопали его в землю, утрамбовали её и попробовали его поднять. Не открывается, не поддаётся. Длинное плечо шлагбаума было слишком длинным и тяжёлым, а короткое плечо было слишком коротким и лёгким. Открыть шлагбаум в одиночку было невозможно. Так что мы нашли пустой мешок из-под макарон, насыпали туда земли и уложили его на короткое плечо как противовес. Попробовали – получилось! Оставалось протестировать это чудовище с реальной машиной.

Когда под шлагбаумом проехал «УАЗик», проблем не было. Но, как только появился «Урал», всё пошло по борode. Урал снёс наш шлагбаум своей крышей, длинное плечо развалилось, опору перекутило. И нам пришлось всё это чинить. Опору пришлось перекапывать подальше от дороги, а к длинному плечу пришлось прибавить длинную ветку дерева вместо доски. Баланс был нарушен, и мешок с землёй тоже пришлось перевешивать. Каждые несколько дней в этом шлагбауме что-то гнулось, что-то разбалансировывалось, и мы это выправляли.

Когда шёл дождь, мешок с землёй намокал и становился тяжелее. Когда был зной, мешок высыхал и становился легче. Когда к «мотолыге» приварили крышу из стальной арматуры, она снова снесла наш шлагбаум. Когда была грязь, «Уралы» скользили по ней и выворачивали нам опору. Когда приезжало начальство, оно заставляло нас переделывать шлагбаум: менять ветки на доски, а потом обратно доски на ветки, потом маскировать его масксетями и зелёными листиками. И каждый раз нам приходилось что-то в этом шлагбауме переделывать. Под конец я даже придумал прибить

огромный гвоздь и прицепить ремень от вещмешка, чтобы в случае тревоги можно было оставить шлагбаум открытым и уйти в укрытие.

Этот шлагбаум, это было хтоническое чудовище, слепленное из кусков древесины и металла. Уродливое, отвратительное и мерзкое. Но работающее и полностью жизнеспособное. Мы его сделали сами. И это хорошо.

Другой окоп нас заставил делать замкомбрига. Он пришёл проверять позиции и заскочил на «Шлагбаум». Там он обнаружил недокопанный окоп и лежащий в нём пулемёт, который там оставил один из наших товарищей. Никто так и не понял суть претензий, но замкомбрига всех обругал трёхэтажным матом, снял наряд, повёл их на доклад и забрал пулемёт. Меня с товарищем вызвали подменить наряд, и по дороге мы стали свидетелями крылатых фраз этого замкомбрига: «Солдат, блять! Может, тебе колени прострелить? А потом ебало набить? А потом спросить: как дела братан, как дела?!»

В общем, нам поставили задачу выкопать и второй окоп. Глупо, но именно эти два окопа в будущем спасали нам жизнь.

Связисты тем временем совершенствовали проводную связь в лесополосе. Они организовали коммутатор, протянули несколько километров проводов, сделали телефонную сеть, и один из телефонов поставили у нас на палке. Это был советский проводной телефон, который надо было крутить за ручку. Звонок принимали на коммутаторе, и теперь мы докладывали обо всех въезжающих и выезжающих. Мы должны были останавливать каждую машину, спрашивать позывной и цель поездки, докладывать, спрашивать разрешение, и лишь потом открывать шлагбаум. Стоящая машина посреди дороги – это очень опасно. Но командованию было плевать. КПП есть КПП.

Верхом армейского идиотизма стали... противотанковые ежи!

Это были конструкции из веток и брёвнышек, скреплённых скотчем и гвоздями. Они были обмотаны колючей проволокой, а потом замаскированы

масксетями. Эти противотанковые ежи не были способны остановить не то что танк – их даже «УАЗик» бы разломал и не заметил. Но приказ есть приказ, и все водители старательно их объезжали, делая вид, что это какое-то невероятное препятствие.

Глава 7. Обустройство позиций. Линия фронта. Лето 23.

Помимо «Шлагбаума», у других отделений нашего взвода были и другие задачи. Основное – это копать окопы. В этой лесополосе уже были выкопаны какие-то открытые окопы, но командование хотело большего. Каждую неделю приезжал какой-нибудь важный начальник, осматривал позиции и заставлял нас копать глубже и лучше. Мы относились к этому делу спустя рукава. Никто не любит копать – и я тоже терпеть не могу копать. Днём мы по несколько часов с разной степенью усердия ходили на раскопки, а вечером собирались на шашлык на «Гудзоне». Несколько ребят сходили в посёлок Ш. и принесли оттуда кучу мяса и самогона, так что шашлыки удавались на славу.

Мы с Шайбой и Шмелём ходили на «Гудзон» в наш старый коллектив, выпивали и вели пьяные беседы:

- Бля, когда уже вся эта война закончится?

- Мужики, мне жена сказала, что Путин подписал приказ о том, что первого июня всех мобилизованных отпустить домой!

- Да пиздёж всё это, никто нас не отпустит!

- Ты заебал нагнетать, точно тебе говорю, в июне дома будем.

- Ну, давайте, за то чтобы побыстрее домой!

В одну из пьянок угашенный в хлам Лист отвёл меня в сторону и начал втирать мне какую-то дичь:

- Компас, послушай. Вот ты тут везде бегаешь интересуешься всем. Давай ты вместо меня будешь командиром отделения.

- Чего-чего? Каким ещё командиром отделения?

- Я знаю, Компас, ты справишься. Ты умный! Любопытный! Ты быстро всех расставишь по местам!

- Лист, я не умею и не хочу командовать людьми. У меня авторитета нет и не будет.

- Да авторитет быстро нарабатывается, Компас! Тебя люди будут слушать!

- Лист, люди кого угодно будут слушать больше, чем меня. Тебя люди готовы слушать. Даже Грушу люди будут слушать. Меня – нет. Я обычный стрелок, это моё место.

Лист целый вечер уговаривал меня стать командиром отделения, но я всё отказывался и отказывался.

Шли дни, и у командования возникла новая идея: выдвинуть фланг дальше от основных позиций. Катапульта, Офис и Лист пошли вдоль лесополосы, за «Шлагбаум» примерно на километр. И там они обнаружили подходящее место для обустройства нового поста – «Арктики».

Предполагалось, что там будут жить под дюжину человек и выставят там круглосуточное дежурство. Офис смекнул, что к чему: чем дальше они будут жить от командования, тем меньше внимания они будут привлекать. Так что Офис подговорил почти весь наш старый коллектив переезжать на «Арктику».

Целую неделю они строили себе жильё: крышу блиндажа делали из брёвен с нуля, обшивали блиндаж изнутри утеплителем, вешали спальные мешки на входе, строили двухэтажные нары. «Арктика» стала для них настоящим любимым домом, который они построили сами. У них была своя

кухня и столовая на улице, туалет, генератор, душ и окопы с траншеями. А потом к ним и проводной телефон провели. Расчёт Офиса был верный. Весь «Гудзон» и ещё несколько человек переехали в «Арктику», скрыв себя от взора командиров и начальников. Нам же с «Гудзона» достался второй генератор.

Когда строительство «Арктики» было завершено, большую часть времени они отдыхали, валялись на нарах и смотрели сериалы. Ну и, конечно, у них были дежурства. Впрочем, это дежурство было просто для виду. После переезда людей с «Гудзона» в «Арктику» стоять на «Шлагбауме» остались мы («Кабинет») и «Бельгия». Но на этом планы командования не закончились...

Они хотели, чтобы мы выставили ещё один пост, на километр ближе в сторону противника, в конце поперечной лесополосы, отходившей перпендикулярно от нашей. Этот пост получил название «Тигр» – в честь сгоревшего бронированного внедорожника разведки, стоявшего на перекрёстке лесополос около этого поста. С большим скрипом те из нас, кто был свободен от наряда на «Шлагбауме», ходили за километр от «Кабинета», чтобы копать новый пост. Этот пост был такой же бестолковый, как и все остальные, но глубокий и уютный. Пару раз и я ходил в наряд на «Тигра». Там было очень спокойно и очень далеко от начальства.

Наконец, командиры потребовали от нас строительство четвёртого поста – «Кашалота», аж в самой деревне И., всего в километре от противника. Этим постом занялся лично Катапульта, и увёл с собой ещё несколько человек для «Кашалота». К этому посту я ходил всего пару раз, и там уже было гораздо опаснее, чем у нас.

Таким образом, наш взвод раскидали по четырём круглосуточным постам, которые находились далеко друг от друга. Мы, вроде как, были комендантским взводом. Если вначале мы все жили по соседству,

растянувшись на полкилометра друг от друга, то теперь мы растянулись на все пять. И между нашими группами были и люди из других подразделений.

Наш командир взвода, Катапульта, был очень далеко, наш замкомвзвода, Офис, тоже был далеко. А тут ещё и наш командир отделения, Шайба, затосковал по старому коллективу. Шайба так привязался к Листу, Офису и ребятам с «Арктики», что всё свободное время он проводил там. С каждым днём он оставался на «Арктике» всё дольше и дольше, и в какой-то момент он переехал туда насовсем. Так мы остались без комода (командира отделения), и мне пришлось брать дело в свои руки.

Глава 8. Мирная жизнь в «Кабинете». Линия фронта. Лето 23.

Бедолага Птица, который оставил свою банковскую карту барыге в Токаревке, так её больше никогда и не увидел. А в нескольких километрах от нас в сторону тыла находилась деревня посёлок Ш., и в ней были свои барыги. Одним из магазинов владела молодая семья, которая регулярно ездила в Россию за закупками. В прихожей большую часть времени торговала молодая хозяйка дома, а временами она оставляла торговать своего сына, двенадцатилетнего толстого, упитанного пацана. У парня в его юные годы был талант к торговле, он знал весь ассортимент и цены, работал с деньгами, прекрасно считал и совершал выгодные сделки. Один раз он мне хотел продать генератор на один киловатт за пятнадцать тысяч рублей. Пацана знали все окрестные солдаты, узнавали его и по-доброму смеялись над его деловой хваткой.

Другой барыга, армянин, торговал свежим мясом и самогоном. Мясо было отменное, только что с живой скотины. И самогон был мама не горюй, мы покупали его литров по десять за раз.

В магазин мы ходили каждые несколько дней, и в первое время мы ходили нелегально, пешком, без разрешения командиров. В один прекрасный

день нам это встало боком. Военная полиция и комендатура стала патрулировать посёлок Ш., отлавливая нелегальных покупателей. В тот день в посёлок Ш. пошёл я и ещё один боец по кличке «Маска». И в этот же день в посёлок. с проверкой приехал полковник Постников. Мы с Маской, как ни в чём ни бывало, шли по полюшку без оружия и бронежилетов и слушали музыку. Добравшись до посёлка, мы двинули к армянину за мясом и самогоном. И вот, когда мы уже почти дошли, нас затормозила машина с какими-то офицерами.

- Ваши документы!

И мы выложили наши военные билеты. К счастью, мы не успели ничего купить и изымать было нечего. Лишь позже мы узнали, что нас остановил сам полковник Постников - военной полиции начальник и комендатуры командир. Он забросил наши военные билеты в бардачок искомандовал нам: «Вон туда, на перекрёсток, бегом марш! Там я вас встречу и отдам военные билеты.»

И мы пошли на перекрёсток. Естественно, никакого полковника Постникова там не было, и наши военные билеты нам никто не отдал. Там же, на перекрестке, мы обнаружили Морта, Краба и Грушу, которые попались точно так же, как и мы. Нас встретил местный командир, капитан комендатуры, очень адекватный мужик. Нас решили «наказать», и привлекли к исправительным работам в виде раскопок блиндажа для комендатуры.

Капитан прекрасно понимал, что это - армейский идиотизм, ему и не нужна была наша помощь. Так что он отнёсся к нам по-человечески, накормил, напоил и не следил за ходом раскопок, пообещав отпустить нас вечером домой на свои позиции. Но наши военные билеты он не мог нам вернуть – их у него не было. Военные билеты пропали в бардачке машины полковника Постникова, и они оставались там несколько месяцев. Связи с Постниковым не было, никто не мог его найти и никто ему был не указ. Зато сам полковник всегда мог найти кого надо и когда надо, и его приказов

слушались все. Чтобы выпросить наши военные билеты обратно, ушло несколько месяцев. Это и есть армейский идиотизм.

Когда мы вернулись на позиции, нас ждал разнос. Пока мы отбывали наказание, полковник Постников нагрязнул в наш штаб и разьебал наш батальон целиком – предположительно, из-за нас. Мы привлекли его внимание. Наш ротный Плита понимал, что это - армейский идиотизм, но он должен был сделать вид, что мы наказаны. Так что, он назначил нас на раскопки в течение недели.

Так уж вышло, что после нашего наказания в посёлок Ш. мы таки успели зайти к барыгам и закупились большим количеством самогона. Нам не хотелось быть виноватыми без вина. Так что эта неделя раскопок прошла для нас просто великолепно. Мы копали посты для соседних подразделений, копали окопы и даже огромную яму-стоянку для «мотолыги».

Каждый раз на раскопки мы брали парочку фляг с самогоном – «мельдонием», как его называл Маска. Под действием самогона мы копали как заведённые. Музыка, закуска и «мельдоний». Мы «намельдонивались» в щи, и при этом выполняли задачи и отбывали наше наказание с большим комфортом и удовольствием!

Так как Шайба принимал всё меньшее и меньшее участие в командовании отделением, мне пришлось взять эту роль на себя. Я составлял расписание нарядов, доводил до людей задачи, отвечал по радию за весь «Кабинет». Иногда я поднимал людей на работы, когда соседям требовалась помощь. Мы обустроивали территорию вокруг «Кабинета», по соседству был туалет. У мотолыжников на «Венере» появился душ и большая бочка с технической водой. Каждые несколько недель нам приходили посылки из дома, и жизнь становилась всё более и более комфортной.

Я взял на себя обслуживание генератора и проводки. От генератора, оставшегося на «Гудзоне», мы провели «полёвку» (полевые провода), взятую

у связистов, к «Кабинету», «Венере» и «Бельгии». Мотолыжники привозили нам бензин, а я следил за его запасами, а кроме того ещё заправлял генератор, менял в нём масло и включал-выключал по расписанию. Вдобавок, приходилось постоянно следить за полёвкой: каждые несколько дней полёвку рвали проклятые коровы! Эти паразиты ходили везде и раз за разом лишали нас связи. И каждый раз мне приходилось скручивать провода и заматывать обрывы изолентой.

Когда пришла одна из первых посылок, у нас появилась тара для воды – пластиковые канистры по двадцать-сорок литров. Естественно, не вся эта тара была использована именно для хранения воды, и очень быстро у нас появилась наша любимая бражка! Её готовили почти в каждом блиндаже, а однажды Губка даже приготовил нечто, похожее на пиво. Пьянки стали регулярны в наших блиндажах. «Кабинет» пил под музыку: включали «Демобилизацию» и «Русское ЧВК». Шмелью засела в голову песня, которую он включал постоянно:

*Засыпай спокойно страна
Не прокрадётся враг в ночи-и-и
Солдату не страшна война
Пока не жмут кирзачи-и-и*

Нажравшись в хлам, мы шли на ночное дежурство на «Шлагбаум». В один из вечеров пост был полностью заблёван, а в другой раз пьяный в дымину Шмель устроил световое шоу с музыкой в два часа ночи прямо на КПП. За своё поведение он объяснялся заплетающимся языком: «Компас, у меня всё болит без адреналина, понимаешь. Я приключений хочу. Хочу стрельбы, хочу, чтобы движуха вокруг была. А у нас тут тоска зелёная...»

Другие блиндажи тоже бухали. На «Бельгии» Морт проводил дегустацию бражки. Мы с Шмельём ушли на ночное дежурство на «Шлагбаум» – Морт дегустировал. Мы возвращались с дежурства – Морт

всё ещё дегустировал! А посреди дежурства мы услышали какое-то пьяное мычание со стороны «Бельгии». Я пошёл проверить, в чём дело, и обнаружил Морта, пьяного в дымину, валяющегося посреди дороги в грязище. Морт сидел на попе и искал свой тапочек.

- Ёу, Морт, чё как братишка?

- Бля-я-я, ёбанный рот. Я короче вышел поссать и тапочек проебал нахуй.

- Морт, ты сейчас не найдёшь тапочек. Давай, я помогу тебе. Поссы и пойдём обратно в блиндаж.

В поисках тапочка и места для того, чтобы поссать, Морт успел отойти на полсотни метров от «Бельгии», прежде чем шлёпнуться в грязищу. Я взял его под руку и повёл обратно. На Морте действительно был лишь один тапочек, левый. Правая нога была босая.

- Компас, блять, спасибо тебе огромное, братишка! Ёбанный рот, я тапочек проебал!

- Да не за что, Морт. Завтра найдёшь свой тапочек.

- Понимаешь, Компас, я пошёл на войну не просто так! Я готов служить! Я готов убивать! Но они не дают мне нужное оборудование... дайте мне оборудование!

За разговорами про «оборудование» я довёл его обратно до «Бельгии» и стал укладывать спать. Морт снял китель и штаны, полностью грязные, в липкой и густой грязи. Китель полетел на пол. Штаны полетели на лицо Крабу, спящему в этот вечер на poste. Вдруг Морт сел на нарах и замер: «Блять... я поссать забыл!»

Он стал поспешно надевать тапочки Краба, чтобы выйти на улицу и довести дело до конца. Мы снова поднялись наружу, и Морт наконец-то облегчился, повернулся ко мне, и шлёпнулся лицом в грязь ещё раз. Теперь

всё бельё Морта тоже было в чме. Спускаясь по лестнице в блиндаж, он ещё раз поскользнулся и снова упал, с нижней ступеньки раздался расстроенный голос: «Блять, я опять тапочек проебал!»

На Мorte действительно снова был только один тапочек. И снова левый. Теперь у него был комплект из двух левых тапочек разных размеров. Мы всё-таки с грехом пополам доползли до нар. Морт завалился спать, полностью грязный и липкий с ног до головы. Но это были проблемы завтрашнего Морта.

«Арктика» тоже бухала. Мы ходили туда редко, но каждый раз они нас угощали кружечкой. В один прекрасный поздний вечер, сидя в «Кабинете», мы слышали со стороны «Арктики» оглушительный взрыв. Тут же выйдя на них по взводной частоте, которую не слушали офицеры, мы запросили обстановку. Офис ответил, что всё нормально. Назавтра мы узнали, что их пост напился почти всем составом, и они пошли стрелять в поле из РПГ. К счастью, никто не пострадал и ничего не заметил.

В другой раз Морт с Грушей напились и пошли на поиски курева. У них был какой-то знакомый, у которого была травка, и их потянуло прогуляться к нему. А жил тот товарищ далеко, аж дальше штаба батальона в нескольких километрах нас. Морту и Груше, конечно, было лень идти так далеко. И тут на дороге показалась машина.

- Стой! Сто-о-ой! Мужики, подвезите, пожалуйста, до штаба батальона. Бля, пиздец как срочно надо!

Мужики в машине молча переглянулись и разрешили Морту с Грушей сесть. Наши пьяные в дымину бойцы обрадовались и стали общаться и знакомиться с хозяевами машины.

- Мужики, а вы откуда? С нашего батальона или откуда ваще?

- Бля, пиздец как домой хочу. Сегодня тёлке звонил, она обещала мне отсосать когда я приеду!

- А чё такие хмурые, мужики? Чё, служба заебала?

- Бля, у меня порнуха есть! Хотите, скину?

Хозяева машины просто смотрели на Морта и Грушу и ничего не отвечали. До наших пьяниц дошло, что они уже почти приехали, и им надо сойти раньше штаба батальона, иначе комбат их спалит.

- Уоу, мужики, тормозните здесь, пожалуйста, мы здесь сойдём! От души бля! Красавчики ващ-щ-ще!

Морт с Грушей сошли с машины и пошли к своему знакомому за травкой. Проходя мимо штаба батальона, они заметили ту самую машину и нашего комбата, который докладывает приехавшим о состоянии дел. Оказалось, что это была очередная проверка. Пьянящих в дымину Морта и Грушу подвозили за травкой проверяющие из штаба бригады. И Морту с Грушей это сошло с рук.

Всё это время я был временно исполняющим обязанностей командира отделения в «Кабинете» и по факту был начальником КПП на «Шлагбауме».

Где-то в начале мая мы завели себе кошечку. Вообще, в этой лесополосе было много кошек. Взрослая кошка Сапога родила помёт котят, и он начал их раздавать. Наш ротный взял себе чёрного котёнка и назвал его Азарт. Мы тоже взяли себе одного. Вечером Шляпа принёс крохотную кошечку, которую назвал Афиной. Она была просто ангелочком, ласковая и игривая. Когда она подросла, Шляпа долго приучал её гадить на улице. Вначале она всего боялась, но с каждым днём выходила из своего уголка всё дальше и дальше. Потом стала сама выходить из блиндажа наружу. Афина любила сидеть у нас на коленях и мурчать, а ещё она прямо тащилась от моих подмышек. Как залезет ко мне на колени и начинает облизывать мне подмышки, так и лижет часами, пока мои подмышки не станут абсолютно мокрыми от слюней. Частенько Афина спала в моих носилках под потолком, пока меня не было в блиндаже.

Хоть её звали Афина, каждый называл её по-своему. Губка звал её Пантерой, а я звал её Ладьёй. Мы кормили Афины паштетом и тушёнкой из консервов. А со временем она стала охотиться на мышей в блиндаже и на улице, больше играя с ними, чем ради пропитания.

Каждый вечер она притаскивала какую-нибудь несчастную полёвку на центр блиндажа и начинала над ней издеваться. Афина тыкала мышью лапой и заставляла её убежать. Мышка смотрела на кошку полными ужаса и отчаяния глазами, и то притворялась мёртвой, то пыталась спрятаться. Некоторым удавалось убежать – но большинству Афина в конце игры отгрызала голову, бросая обезглавленную тушку валяться в центре блиндажа. Со временем она выросла в отличную охотницу, и мыши у нас в блиндаже перевелись, уступая место жукам и тараканам.

Афина часто ходила с нами на ночное дежурство на «Шлагбаум». Увязывалась за очередным нарядом и приходила на пост: бегала вокруг, лазала по траве, охотилась на полёвок. Когда она уставала, ложилась к нам на колени или спала в перевёрнутой каске, иногда всю ночь. Афина была постовая кошка.

Глава 9. Дроны и обстрелы в «Кабинете». Линия фронта. Лето 23.

Все эти недели мы лазали по лесополосе туда-сюда. Несколько сотен солдат, машины, «мотолыги» – всё это привлекало к себе внимание ВСУ. А за нами стояла артиллерия.

В один прекрасный день украинский беспилотник, пролетая над нами в поисках артиллеристов, обнаружил наш батальон. С тех пор «птицы» стали летать над нами регулярно. Каждый день мы начали слышать знакомое жужжание, предвещавшее возможный артиллерийский обстрел, которые не заставили себя ждать.

То тут, то там начались прилёты. К счастью, чаще всего они были в нескольких сотнях метров от нас. Вражеская артиллерия кошмарила всю нашу лесополосу, и однажды противник даже прислал дрон-камикадзе на охоту за нашей «мотолыгой».

Краб и Груша возились где-то недалеко от своего «Ламборджини», когда услышали комариный писк пропеллеров, а затем взрыв: камикадзе влетел прямо в «мотолыгу» прямой наводкой, и она загорелась. Всё снаружи бронемшины горело: маскировка, солярка, мешки с продуктами. Все мы разбежались подальше оттуда и ждали, когда она догорит.

Позже кто-то в батальоне, у кого был доступ в интернет, нашёл на ютубе видео, которое выложили бойцы ВСУ. Там с нескольких ракурсов с разных дронов было показано, как они взрывают нашу «мотолыгу». Часть видео была снята с камеры дрона-камикадзе, который влетел прямо в бронемашину. В конце видео всплывала гордая красная надпись: «Знищено» (уничтожена по укр.). Наша «мотолыга» стала звездой ютуба.

Когда «мотолыга» догорела, Краб с Грушей пошли её осматривать. Оказалось, что машина вовсе не уничтожена. Да, всё снаружи неё сторело. Да, броня была поцарапана осколками и покрылась сажей. Но «мотолыга» была живее всех живых, она была на ходу и полностью работоспособна.

В те времена мы с Шмелем любили слушать на посту аудиокниги. Один офицер, который недолго гостил у нас в «Кабинете», был фанатом русскоязычной фантастики и скинул нам несколько аудиокниг Андрея Круза. Каждую ночь на дежурстве мы садились на лавочку и включали очередную главу. Ночью машин почти не было, и мы просто сидели на «Шлагбауме» и ничего не делали. Сказка, а не дежурство. Где-то вдалеке работает артиллерия, где-то слышны взрывы. Иногда взрывы недалеко.

Бывало, мы с Шмелем ходили в деревню И. на мародёрские рейды вместе с Катапультной. Естественно, без спроса. Просто взяли да пошли.

Мы брели несколько километров по полю вдоль лесополос, проходили старую ферму и добирались до деревни. Для нас это было скорее развлечением, чем необходимостью. Вместе с Катапультой мы лазали по заброшенным и разрушенным домам и деревенским учреждениям. Мы находили много любопытного хлама: бидоны для воды, материалы и инструменты для строительства, старые аптечки с медикаментами. Один раз мы нашли тачку на двух колёсиках. Бывало, мы находили старые личные вещи, оставшиеся в домах и квартирах от уехавших жильцов: фотографии детей и молодожёнов, женская косметика, бытовая утварь. В одном заброшенном домишке я обнаружил коллекцию чешских порно-журналов из девяностых. В один из таких рейдов мы чуть не поплатились за наше любопытство.

Мы шли по тенистой улице в сторону многоквартирного дома, обыскали его и пошли обратно. По дороге нас увидел дрон противника и начался обстрел. Мы спрятались в каком-то подвале и переждали около получаса, а когда вылезли оттуда, нас ждал сюрприз: на всём пути в сторону наших позиций валялись «лепестки».

«Лепестки» – это маленькие зелёные пластиковые мины, которые взрываются при нажатии и калечат стопу человека. Они не смертельны, но пострадавший больше не может двигаться сам, и это очень больно. Лепестки запускают артиллеристы противника по большой области и в больших количествах. И вот эти самые лепестки и лежали перед нами. Мы осторожно двигались обратно, предупреждая друг друга о каждой мине. Каким-то чудом нам удалось безопасно пройти этот участок и вернуться домой.

В другой раз мы обнаружили в деревне И. аж целый дворец местного олигарха. Вилла была частично разрушена, крыша обвалилась, но первый этаж был в порядке. На вилле был огромный бассейн, гараж и баня. А ещё мы обнаружили вскрытый сейф. Он валялся около ниши в полу, его дверца была выворочена, а в кабинете рядом лежали признаки потерян

богатства. Большие пачки купюр скрепляют специальными ленточками, на которых написана сумма. И вот в этом кабинете валялись ленточки, на каждой из которых было написано: десять тысяч евро. И таких ленточек там было штук сто. Учитывая развороченный сейф, вероятно, хозяева не успели забрать эту наличку с собой, и она досталась первым мародёрам, пришедшим на эту виллу задолго до нас.

Когда мы вернулись на свои позиции, я с жаром изливал свою досаду другим товарищам: «Миллион евро! Миллион! Евро! Он мог бы быть моим, но не-е-ет: кто-то обязательно должен был забрать его до меня!»

Другие посмеивались над моей алчностью:

- Жизнь висит на нитке, а думает о прибыли.

У нас с Шмелём помимо дежурства была и другая работа. В один прекрасный день от нашего взвода потребовали двух добровольцев, которые будут внештатными сапёрами. Так как добровольцев не было, то вызвались мы с Шмелём: так мы стали сапёрами – «одноразовыми», как мы сами себя называли. Обучение сапёрному делу было очень ёмким: полчаса занятия – и мы уже сапёры. Но, по сути, наши задачи были весьма простыми.

В километре от наших позиций, на перекрёстках лесополос, настоящие, профессиональные сапёры заложили взрывчатку. К взрывчатке был присоединён электродетонатор, из которого торчали оголённые провода. Наша задача – взять у связистов полевые провода и протянуть их от взрывчатки до наших позиций, где будет кнопка-взрыватель. У Шмеля была одна линия – у меня вторая.

Ну что ж, мы пошли к связистам за проводами. Естественно, связисты дали нам не аккуратную катушку с двумя километрами проводов. Это были четыре клубка по полкилометра. Провода все были перепутаны и перекручены друг с другом. Разматывать их было сущим мучением. Делать нечего, схватив один клубок, мы пошли к взрывчатке разматывать провода.

Процесс был крайне долгим. Чтобы проложить одну линию в километр длиной, у нас уходила неделя работы: провода нужно было размотать, проложить по полю, проверить на обрывы, а в некоторых местах закопать в землю.

Наконец, первая линия была готова. Мы прикрутили один конец к электродетонатору, а другой конец к кнопке-взрывателю. Кнопка позволяла проверить ток в безопасном режиме, не подрывая заряд. Всё работало как надо.

Покончив с первой линией, сразу же занялись второй. Мы беззаботно ходили вдоль лесополос и по полю без оружия и брони, слушая музыку. Протянув очередной участок провода, мы стали потихоньку собираться на обед, и тут мимо нас проехал танк. Он выехал на позицию неподалёку от нас и начал работать. Это было плохо, ведь скоро по нему точно прилетит ответный удар.

Мы кинулись врассыпную: Шмель пошёл назад в тыл, в сторону наших позиций. А я пошёл вперёд, в сторону противника и залёг в лесополосе. Наш танк отработал и в спешке поехал обратно в тыл. Его уже сопровождал дрон-разведчик противника. Ответка не заставила себя ждать.

Артиллерия противника начала работать по нашему танку – как раз в ту сторону, куда побежал Шмель, ведь он отступал туда же, куда отступал и танк. Я в ужасе лежал на земле лицом вверх и слушал снаряды, пролетающие и свистевшие прямо у меня над головой. Тем не менее, я был в полной безопасности, потому что я побежал в направлении, противоположном движению танка. А вот Шмелю приходилось куда хуже: снаряды взрывались в нескольких десятках метрах от него. Он лежал посреди поля, и ему некуда было спрятаться. Его спасало только то, что охотились не за ним, а за танком. И когда танк отъехал дальше, то разрывы стали отдаляться от Шмеля.

Мы встретились после обстрела только уже около наших позиций.

- Ставим новые рекорды! Двадцать метров от меня прилёт! – гордо заявлял Шмель.

- В пизду такие рекорды, нахуй!

- Вот мне интересно, когда так. Чтобы была какая-то движуха!

Нам сильно повезло в этот раз. Но везение не может быть вечным.

Ясным июньским днём Шмель пошёл в гости на «Арктику», а мы бездельничали в «Кабинете». Губка стоял на «Шлагбауме», и к КПП неспешно подъезжала «буханка» батальонных медиков. Они ещё не знали, что их давно засекли дроны-разведчики ВСУ.

Когда медики проезжали недалеко от «Арктики», к их машине стремительно спикировал дрон-камикадзе. Взрыв и пламя. Машина остановилась и загорелась. Губка вовремя доложил об этом и побежал вытаскивать пострадавших. Ребята с «Арктики» тоже побежали к горящей буханке, мы в «Кабинете» похватили аптечки и пошли к ним. Сам комбат тоже выдвинулся на помощь.

И вот, когда рядом с «буханкой» собрались ребята с «Арктики» - «птички» противника нанесли новый удар. Они начали скидывать гранаты на собравшуюся вокруг подбитой машины толпу. К двоим раненым медикам прибавилось ещё четверо наших раненых. В спешке «трёхсотых» оттаскивали в кусты, пряча их от глаз дронов. Губка заклеивал дырку в лёгком одного из медиков. Всё в крови, руки в крови. Повязка сползает, раненый хрипит.

Шмель получил осколок в руку, Колобок получил осколок в пах – к счастью, не пострадали ни гениталии, ни подвздошные артерии. Маска получил осколок в ягодицы. Одному бойцу не повезло: ему осколки залетели в ногу и под колено, повредив артерию.

Когда я прибыл на место с медицинской сумкой, всё уже закончилось. За тяжёлыми ранеными приехала другая машина и их сразу увезли в тыл. Лёгкие раненые ковыляли подальше оттуда, на «Бельгию». Спустившись в блиндаж, мы начали оказывать им первую помощь. Все трое лёгких раненых отделались мелкими повреждениями. Спустя полчаса их тоже увезли в тыл. Так мы потеряли четверых человек ранеными.

В связи с нехваткой людей к нам прислали группу бывших отказников. Это были люди с нашего батальона, которые в своё время отказались ехать в опасное место. По законам военного времени, их отправили не в российскую тюрьму, а в легендарное «Гестапо» – военную комендатуру. Там ломают людей. Морят голодом, бьют, не дают сходить в туалет, не дают спать. В «Гестапо» ты целый день стоишь, упёршись лбом в стену – и нельзя ни лечь, ни сесть, ни сделать шаг влево-вправо. Большинство людей после «Гестапо» отправляются на штурм. Но этим ребятам повезло – их вернули и прикрепили к нам.

В «Кабинете» появился мужичок, вечно куривший гашиш. Откуда берёт? Непонятно. Но на протяжении целого месяца он каждый вечер затягивал косячок, и по-братски предлагал и мне. Я пробовал гашиш несколько раз, и каждый раз мне не заходило: лютый кашель, а кайфу - чуть.

Но в итоге и я нашёл свою дозировку. Наш мастер гашиша спал прямо подо мной, и курил гашиш на своей койке. Дым гашиша поднимался прямо ко мне, к моим висевшим в воздухе носилкам. Такое пассивное курение как раз меня устраивало, засыпать было по кайфу. Тот мужик нередко курил гашиш и в ночное дежурство на «Шлагбауме», благо никто его ни разу не спалил.

Днём мы чаще всего стояли в наряде на «Шлагбауме» поодиночке, а ночью по двое. Если в апреле нас было девять человек, то к июлю нас уже стабильно осталось только шестеро. Людей забирали на другие задачи: Утка стал штабным писарем, Шляпу на время забрали учиться на зенитчика,

Картона и Вышку перевели в другое подразделение. Кто-то уходил в отпуска. Но я с самого начала понял, что ни в какой отпуск не попаду.

Нам обещали, что каждые полмесяца в отпуск будут уходить по три человека со взвода. А в итоге это было не так: отпуска задерживали по дисциплинарным причинам – до любого солдата мог доебаться любой командир. А значит – хуй тебе, а не отпуск.

В армии ответственность всегда коллективная, а значит в отпуск не уходил никто. Так могло продолжаться несколько дней, неделю, две недели. Отпустить могли не троих, а двоих, а то и вовсе одного человека. По расчётам в апреле, когда мы тянули жребий, я был в девятой очереди на отпуск (из десяти очередей). Если бы всё было строго по расписанию, я должен был уйти в отпуск в августе. Но по факту, учитывая реальный темп отпусков, я должен был уйти в отпуск в январе следующего года. Так что я окончательно смирился с тем, что отпуск – это миф.

Мне удалось составить расписание нарядов так, чтобы у каждого из нас в среднем было по пять-шесть часов дежурства в сутки. У каждого было время поспать ночью и позаниматься своими делами днём. Я был средненьким командиром отделения: не таким уж хорошим, но не таким уж и плохим. Другие солдаты слушали меня, но не из-за авторитета, а скорее из-за того, что не хотели сами нести за это ответственность.

Где-то в июле у нас в крыше завелись жуки. Так как Афина переловила всех мышей в блиндаже, жуков стало некому жрать, и они расплодились в огромном количестве. Они жили между брёвнами крыши и откладывали там яйца. Днём, когда в блиндаже было движение и голоса, жуки вели себя тихо. А вечером и ночью, когда все валялись на койках или спали, жуки начинали возню. Они бегали по брёвнам и падали вниз в наш блиндаж. От них негде было укрыться. Я сижу за столом – жуки падают мне за шиворот. Жуки падают мне в кружку, жуки падают на стол. Когда я пытался заснуть, жуки падали на меня сверху: на ноги, на грудь, на лицо. Этот звук жука,

шлёпающегося с потолка, преследовал меня постоянно. Я не мог заснуть из-за этих жуков.

- Жуки сыпятся с небес, тебе нравится! Помоги мне прямо щас от них избавиться!

- Компас, блять, у тебя крыша поехала. Гуси улетели, уточка закричала. – посмеивался надо мной Шляпа. Его, похоже, жуки не беспокоили.

И муравьи. Орды муравьёв постоянно ползли в наш сахар. Каждый раз, когда мы заваривали чай или кофе, то сахар в кружке был с муравьями. Чай превращался в чуть-чуть суп. Муравьиная кислота заменяла нам лимон в чае.

Когда начался путч Пригожина, мы все дружно болели за «Вагнеров». Ещё недавно оркестранты войны были легендой, героями России. О «Вагнерах» слагали песни, на них надеялись. Их ЧВК считалось самыми профессиональными бойцами в российской армии. Они брали города для России – а тут российские войска обстреляли своих же собственных героев.

Мы ни на секунду не усомнились в том, что правда на стороне «Вагнеров». Слушая по радио все эти высокопарные слова: «предатели», «изменники», «мятежники», мы только смеялись над российской пропагандой и надеялись, что завтра мы проснёмся с новым президентом, который закончит войну. Но в глубине души мы также понимали, что на самом деле это дорога в никуда.

Пригожин не победит. Путина не сдвинуть. Чуда не произойдёт.

Был у меня и момент бессмысленной кровожадной жестокости. Как я говорил - по нашим позициям постоянно бродили стада проклятых коров. Недалеко от нас раньше была огромная ферма, где было несколько сотен голов коров. Когда началась война, администрация фермы уехала, а коровы остались. Без присмотра коровы разбрелись по окрестным полям, питались травой и регулярно проходили через нашу лесополосу. Они были паразитами. Коровы залезали в наши наземные постройки, ели еду, которая

лежала в мешках на поверхности. Они ломали всё, через что проходило их стадо. И везде срали. Тропинки были сплошь обложены коровьими лепёхами. Провода были растоптаны и разорваны. Каждую неделю по несколько раз мне приходилось искать обрывы и скручивать провода, идущие от генератора. А один раз я решил постирать одежду...

Я снял с себя всё: трусы, носки, футболку, термобельё и военную форму. Всё это я замочил в ведре со стиральным порошком и оставил на улице отмокать. Потом у меня появились какие-то срочные дела, и я забыл об этом ведре до следующего дня. Вернувшись к ведру с одеждой на следующий день, я обнаружил в ведре постороннюю массу. Корова отложила в мою одежду огромную, липкую лепёху – и моя одежда целые сутки замачивалась в коровьем говне...

- Ёбаные, блядь, коровы!

Это стало локальным мемом. Я повторял эту фразу снова и снова. Скоро и остальные начали приветствовать меня именно этой фразой.

- Ёбаные, блядь, коровы!

На следующий день я был на дневном дежурстве на «Шлагбауме», в одиночку. И тут мимо меня начало движение огромное стадо коров. Я был зол на них, очень зол. Это была хладнокровная, бессмысленная, но всепоглощающая ненависть. Я зарядил автомат и начал стрелять.

Я не целился, просто стрелял по огромной туше. Первой же корове я попал в лёгкое. Она пошатнулась и из её рта потекла широкая струя крови. Она долго стояла, пыталась передвигать ногами, потом легла, медленно умирая. Остальные коровы не понимали, что произошло. Я выстрелил ещё. Вторая корова, третья. Я отстрелял шесть коров, пока мне не надоело. Две из них выжили: им я попал в бедро. Они поковыляли дальше, не понимая, что опасность исходит от меня. Четыре коровы умерли. Одна из них сильно дёргалась: ей я попал в позвоночник.

У диких животных в такие моменты появляется страх, работает инстинкт самосохранения. Дикие животные бы убежали. Но коровам это было чуждо. Страх нет! Коровы были домашними, и не понимали, что от меня исходит смерть. Они просто стояли. Несколько телят окружили умирающую корову и смотрели на меня своими большими глупыми глазами, как бы вопрошая: «Зачем ты убил нашу маму?»

Потом я осознал, какую глупость я сделал. Нет, мне не было жалко коров. Эти сельскохозяйственные животные существуют ради того, чтобы превратиться в говядину на наших столах. А для нас они по-прежнему были паразитами, которые портили наши позиции. Но, убив их, я понял, что они скоро начнут вонять. Тонна или даже две тонны гниющего мяса на жаре, на солнышке прямо рядом с нашим постом! Надо было что-то делать. К концу моего дежурства все уже знали, что я натворил.

Я пытался закопать коров, но быстро понял, насколько это бесполезное занятие. К счастью, на помощь мне пришёл Груша со своей «мотолыгой». Уже стемнело, Груша достал толстый автомобильный трос и прицепил его к корме своей «Ламборджини». Мы подъехали к трупам коров и начали их вязать. Коровы уже раздулись от разложения, их шкуры были натянуты как барабан. Петля троса обхватила ноги одной из коров, и мы потащили её подальше от позиций. Мы отвезли её где-то за пару километров от «Шлагбаума» и бросили в поле. Таким же образом были спрятаны и остальные коровы. На обратном пути Груша шутики ради сажал меня за рычаги и давал порулить «мотолыгой». Водить я не умею, но было весело. Хотя бы по прямой дороге я вёл это чудовище более-менее ровно.

Когда мы вернулись обратно, меня, конечно, все обругали и осудили за то, что натворил. Но по-доброму. Для всех это был скорее анекдот, чем чудовищное убийство. Впрочем, судьба меня наказала очередным обстрелом.

Я снова стоял на «Шлагбауме» в дневном одиночном дежурстве, сверху летали птички противника, не обращая на меня внимание. Вдруг надо

мною пролетел миномётный снаряд. Скорее всего, они искали нашу «мотолыгу», и так пытались её подбить. Прилёты были совсем недалеко от меня. К счастью, у нас был выкопан окоп, и я сразу спрятался туда. Внутри окопа была маленькая табуреточка, я уселся на неё так, чтобы моя голова была ниже уровня земли и стал играть в телефончик. А что ещё делать под обстрелом? Сидеть и трястись?

Прилёты были всё ближе и ближе. Один из них, разорвавшись вблизи, слегка оглушил меня, в ушах зазвенело. Земля сыпалась на крышу моего окопа. Всего за час выстрелили где-то двадцать-тридцать мин.

- Компас, как ты там? – спросил меня по рации Комп.

- Шестнадцать! – ответил я, что означало, что всё нормально.

Мы пользовались цифровыми командами по рации. Тренировка работать с цифровыми командами сильно помогла нам в будущем.

На следующий день товарищи спросили у меня: «А ты знаешь, что осколок вырвал кусок бревна внутри окопа на «Шлагбауме»?» Оказывается, крупный осколок пролетел прямо у меня над головой, между уровнем земли и крышей окопа – а я даже и не заметил.

Глава 10. Начало конца. Линия фронта. Лето 23.

К концу лета началась нездоровая движуха. Какое-то недолгое время в нашей лесополосе жил командир бригады и его штаб: они планировали наступление от деревни И. в сторону посёлка Л.

И они были очень недовольны тем, что наш батальон сидел себе тихонечко в лесополосе и ничего не делал – вскоре началась подготовка к наступлению. Сменились позывные у нескольких командиров. Наш комбат «Феникс» стал «Ударом», ротный «Плита» стал «Краном», взводный

«Катапульта» стал «Призраком» (но мы всё равно продолжали его называть Катапультой), даже замкомвзвод «Офис» стал «Ржевом».

К нам в батальон привезли пополнение – целый взвод свежих контрактников. Эти бедолаги заключили контракт совсем недавно - в начале лета – две недели подготовки, и вот они уже здесь. Выглядели они печально, прямо как мы осенью прошлого года. Они не знали, как себя вести и что делать, как выживать на природе. Многие из них никогда не держали в руках автомат. Многие из них были бывшими заключёнными, только что вышедшими на волю, и пытавшимися заработать себе на жизнь. Один мужик больше тридцати лет провёл в неволе. Выйдя на свободу, он не нашёл для себя работы лучше, чем контракт на войне. А зарплатам на войне может позавидовать любой среднестатистический работяга.

Один из свежих контрактников звонил своим родным домой и рассказывал им всё, вообще всё: численность войск, техника, вооружение, какие командиры здесь ездят, названия и номера подразделений. Он это делал не по злему умыслу, а по глупости. И вот этот разговор был перехвачен разведкой противника и одновременно нашей контрразведкой. Комбату был дан приказ отобрать у личного состава все телефоны.

В тот вечер я и сам вышел позвонить. У «Кабинета» стояла бревенчатая вышка, на которую я забирался по лесенке и звонил домой. И в тот вечер, в это само время начала работать наша артиллерия. Беспилотник противника полетел высматривать артиллерию, и как раз пролетал надо мной. И он увидел мой фонарик. Он подумал, что артиллерия – это я. Миномёт не заставил себя ждать. Меньше, чем через минуту рядом со мной прогремел первый прилёт. Я кубарем скатился с вышки. Бум! Второй прилёт. Я пополз обратно в блиндаж, по дороге потерял телефон, заскочил внутрь и стал ждать.

- Бля, я телефон проебал!

- Скажи спасибо, что жив остался, долбоёб!

Прошло полчаса, обстрел затих, и я решил выйти и поискать свой телефон. Без фонарика это сделать было невозможно. Но я вышел слишком рано. Я только-только успел разглядеть свой телефон в траве, и снова бум-бум. Ещё два прилёта по мне. Я снова забежал в блиндаж, но уже с телефоном. Но для всех остальных я свой телефон «проебал».

На следующий день мы должны были сдать телефоны. Я закопал свой телефон под бревном около «Кабинета» на случай обыска. Большинство из наших солдат имели по два телефона: кто-то намутил себе запасной телефон за вчерашний день. В итоге большой пакет с подписанными телефонами отправился к Крану, а затем к Удару в штаб батальона. Я и ещё несколько товарищей не сдали телефоны. Нас ждал разнос. Кран вызвал всех нас на беседу.

- Ну что, Компас, ты отказался сдать телефон, да?

- Да, всё верно, Кран, я его проебал вчера под обстрелом.

- Да, про обстрел я слышал. Но телефон всё ещё у тебя.

- Нет, я его проебал.

- Ты эти сказки будешь ФСБшникам рассказывать. У меня трое детей, я насквозь враньё вижу.

- Ну, не хочешь – не верь.

- Слушай, Компас... Если из-за тебя во время наступления нас разъебут, если я хоть раз увижу у тебя телефон – я тебя лично расстреляю. Моя задача – сохранить жизни личному составу. Если ради этого мне придётся обнулить одного пидараса – я сделаю это, не задумываясь ни секунды. Понял меня?

- Принял.

- Пошли к Удару.

Кран собрал всех отказавшихся сдать телефоны и повёл нас в штаб батальона. Там нас уже ждал Удар и Якорь.

- Так, значит это те, кто отказался сдать телефоны, да? – сказал Удар.

- Так точно. – отвечал Кран.

- Значит, послушайте сюда, мужчины. Все мы с вами взрослые люди. Мне поебать, почему вы не сдали телефоны, мне вообще похуй. Все вы подписывали документ о том, что телефоны использовать запрещено. Все вы знаете о том, что телефоны вычисляют, и потом по нам идут прилёты. Если вам похуй на жизни своих товарищей – это на вашей совести. Просто знайте, если я у кого-нибудь хоть раз увижу телефон – сразу в штурма. Все меня слышали?

- Так точно!

- Свободны.

Все мы старались не палиться с телефонами с того дня. Я даже домой не звонил и фильмы не смотрел. Книжку начал читать. Но не все были так аккуратны. Через недельку после этого случая всех внештатных сапёров вызвали на ещё одно занятие. Нам добавили ещё людей, так что внештатных сапёров стало вдвое больше. Занятие было таким же коротким, как и предыдущее, но на этот раз его вёл сам Удар, командир батальона. И вот, в середине рассказа о мине-лягушке в строю зазвонил телефон.

Хозяин телефона не только додумался взять телефон на занятие с Ударом, он его даже на беззвучный режим не поставил.

- Это что, телефон?

- Там сим-карты нету, товарищ полковник...

- Удар отобрал телефон у солдата и включил экран.

- Ага, сим-карты нету. Да у тебя мобильная сеть включена! Даже на авиарежим не поставил! Последняя смс двадцать минут назад пришла. Ой пизде-е-ец. Какой долбоёб...

Удар ходил туда-сюда по поляне, пытаюсь скрыть свою ярость. Он изо всех сил пытался придумать, как бы демонстративно наказать солдата.

- Дай сюда автомат.

Удар бросил телефон на землю, дослал патрон в патронник и начал стрелять по телефону. Он высадил в него весь магазин перед строем.

- Так, слушай сюда. Сейчас идёшь к Крану. Докладываешь ему обо всём. Сегодня вечером в штурма. Бегом марш!

Солдат убежал, и занятие продолжилось. Больше я его не видел никогда.

Штабные офицеры и связисты, конечно же, не сдавали телефоны. У них стояла спутниковая тарелка, и они преспокойно сидели в интернете и пользовались «Телеграммом». В один прекрасный день жена Удара сообщила ему, что родит сына в конце августа. Удар очень хотел попасть в отпуск на рождение сына, а в отпуск его мог отпустить только командир бригады. Так что Удар исполнял все приказания комбрига беспрекословно, чтобы не попасть в немилость. И последним приказом комбрига было следующее:

«Батальон должен выдвинуться со своих позиций, чтобы закрепиться за штурмовиками, продвигающимися от деревни И. к посёлку Л.»

За несколько дней до выдвижения Кран пришёлся по позициям, поговорил с каждым солдатом нашей роты и рассказал, что отсидеться в тылу у нас не получится. Наша райская жизнь подходила к концу. Наш взвод начал готовиться к выдвижению. Мы чистили оружие, собирали вещи. Решали: что оставить здесь – а что тащить на себе. Я тогда нагрузил себе

тяжеленный рюкзак, о чём потом горько пожалел. В середине дня Катапульта собрал совещание, и вызвал на него меня, как командира «Кабинета». Нужно было укомплектовать взвод по отделениям.

По документам мы занимали одни должности – а по факту другие. Отделения давно перемешались, часть людей ушли в другие взвода или в управление, часть людей пришли из других взводов. Все расселились по блиндажам исходя из личных предпочтений. С этим надо было разобраться и укомплектовать взвод заново. Катапульта распределил личный состав по отделениям исходя из вооружений, которыми они владеют. У нас были пулемётчики, снайперы, гранатомётчики и стрелки.

Так как я успешно руководил «Кабинетом» и «Шлагбаумом» - Катапульта назначил меня командиром отделения. И в моём отделении не было почти никого из «Кабинета», потому что ему до этого не было дела. На совещание пришли Ржев и Шайба, и мы начали меняться бойцами. Одного туда, другого сюда – и мне тихонечко удалось «выторговать» обратно почти всех моих людей. Плюс ко мне добавили несколько новеньких - бывших отказников. Так под моим началом собралось целое отделение в десять человек.

Я вообще не был рад этому назначению. Но я понимал, что теперь уж мне не отвертеться – больше некому. Так что я согласился принять командование.

Все ненужные вещи были убраны на склад. Нужные вещи были собраны в рюкзаки. Я выкопал свой телефон из-под бревна и спрятал в бронежилете. Мы были готовы начать движение в заданные сроки.

Глава 11. Выдвижение на боевые позиции. Линия фронта. Лето 23.

Всё, что мы пережили до этого – это детский сад...

Мы начали двигаться на машине. Ротный водитель с позывным «Зеркало» подобрал нас у «Кабинета» и отвёз нас до въезда в деревню И.

Нам не суждено было больше увидеть наш родной «Кабинет». Кошечка Афина тоже осталась там: мы не стали брать её в зону активных боёвых действий.

Прибыв на место, мы немного передохнули, и как дураки прошли мимо еды и воды, которая валялась рядом и ждала нас: нам уже некуда было класть эту еду и воду – мы были нагружены по полной. Наш взвод должен был начать движение первым, и нам обещали дать проводников. Проблема была в том, что никто из нас не знал, куда именно мы идём. Ни у одного из нас не было карты, ведь официально мы «сдали» все телефоны. Мы не знали ни квадратов, ни секторов. Мы шли как слепые котята.

Итак, мы выдвинулись, и очень долго шли по деревне И., пересекли ручей и зашли в какие-то домики, где нас ждали проводники. Здесь неделей ранее был штурм. Командование подгоняло нас, ведь уже темнело, и нас нужно было заводить по сумеркам как можно быстрее. Катапульта же проявил благоразумие, и отказался заводить нас толпой по открытой местности, решив довериться проводникам.

Проводники заводили нас малыми группами, передвигаясь перебежками по тропинкам между деревьями. К этому моменту я уже полностью выдохся, тяжело дышал и хрипел. Я не мог бежать, и мои подчинённые ругали меня на чём свет стоит.

- Компас, блять, долбоёб ебанный! Шевелись блять! Из-за тебя нас всех убьют нахуй! Тоже мне, командир отделения, долбоёб блять!

Мы двигались через деревенское кладбище, а потом вдоль лесополосы. Тогда я впервые увидел трупы. Слева, справа от тропинки валялись трупы. Свои, чужие – не разберёшь. Броня, оружие: всё в засохшей крови. Один из трупов был «сухариком». Я думал, что такое бывает только в кино. Я

ошибался. Полностью обгоревший с головы до ног труп застыл в неестественной позе. Кожа чёрно-красно-бурая, как копчёное мясо, руки скрючены перед грудью, спина и шея выгнулась от страданий умирающего. Всё это произвело впечатление не только на меня.

Двигаясь по лесополосе, мы наконец дошли до бывшего опорного пункта противника. Несколько маленьких блиндажей, несколько огневых окопов и пулемётных гнёзд, соединённых неглубокими траншеями. Сейчас этот опорный пункт был занят нашими штурмовиками. Некоторым из нас хватило места в блиндажах, некоторым нет. Я примостился в траншее, а рядом со мной валялся труп. Это было единственное свободное место для меня. Здесь мы решили остановиться на ночлег. Уже было слишком темно. Проводники не стали вести нас дальше, а сами мы не знали, куда идти. Я лёг спать в обнимку с трупом.

Вокруг нас шёл неспешный обстрел. Изредка прилетали миномётные и танковые снаряды. И дроны, дроны, дроны. Когда надо мной пролетал дрон, я накрывался спальным мешком с головой, чтобы не было видно моего тепла в тепловизор, ведь крыши надо мной не было. Просто лежал и надеялся, что «птичка» меня не заметит: больше я ничего не мог сделать. Стрелять бесполезно – никогда не попаду. Во всём батальоне был всего один снайпер, который хоть раз успешно сбивал «птичку» противника. Мне было не до трупа, лежащего рядом со мной.

По траншеям бегали и орали штурмовики. Они орали в ночи, переговариваясь между собой, таскали своих раненых. Группы штурмовиков одна за другой проходили мимо нас, чтобы присоединиться к штурму впереди. Товарищ Груша впечатлился гораздо больше меня.

Груша сглупил. Он был мотолыжником, и ему следовало остаться на старых позициях, чтобы в дальнейшем подвозить припасы нам на «мотолыге». Но он храбрился:

Да как я тут останусь? Я с вами, пацаны! Я вас не брошу, я с вами пойду, мне похуй! Нахуй эту «мотолыгу», я пойду с вами в бой, поебать!

Теперь же, увидев все эти трупы по дороге, он уже заговорил по-другому:

- Бля, нахуй я сюда пошёл? Это же пиздец. Нас здесь всех разьебут. Сидел бы себе спокойно на «мотолыге». Все эти трупы, ебать это пиздец...

Мы переночевали в этом богом забытом месте. К этому моменту большая часть всей воды была выпита.

Глава 12. Первая кровь. Линия фронта. Лето 23.

Утром к нам подтянулся командир роты Кран со своими помощниками – «свитой». Мы с Катапультой пошли к нему за новыми указаниями. Кран обругал нас на чём свет стоит за нашу медлительность и за то, что мы пришли не туда, куда было нужно. Кран был в плохом расположении духа из-за всего, что на него свалилось. Наконец, он показал нам карту в своём телефоне и объяснил, куда нужно идти.

Между деревней И. и посёлком Л. есть обширный участок, за который и шёл штурм. Несколько длинных лесополос («полки»), соединённые между собой поперечными лесополосами («копьями») - а между ними поля. Нам предстояло занять позиции в первой полке, уже захваченной штурмовиками. К этому моменту бой шёл за вторую полку. Мы были «закрепами», то есть мы не штурмовали – мы закреплялись на освобождённой территории и должны были встать в оборону. Итак, нам нужно было пройти три километра до своих квадратов вдоль первой лесополосы.

Всё бы ничего, но тропы в лесополосе не было. То есть совсем не было. Была тропа по полю, вдоль лесополосы. Но над нами постоянно кружили «птички». Тропа через поле просматривалась очень хорошо. Катапульта

решил поступить осторожно и повёл нас без тропы по лесополосе. Полностью вымотанные, гружёные по несколько десятков килограмм каждый, голодные и без воды, мы продирались через густой кустарник. Мои ноги отказывались двигаться. Каждая капля воды стоила дороже всех денег мира. Каждый раз, как мы слышали жужжание пропеллеров, мы все замирали на несколько минут.

Спустя несколько сотен метров мы всё же плюнули и пошли по тропе через поле вдоль лесополосы, прячась от каждой «птички» в кустах и делая частые остановки. Дроны не давали двигаться. То спереди, то сзади разрывались миномётные снаряды. За этот переход я выкинул почти всё, что я нёс: лопаты, топоры, патроны, бронепластины из бронежилета, запасные магазины, крюк-кошку, запасной комплект одежды. Я не мог пройти даже ста метров без передышки. Весь переход на три километра занял у нас треть дня. Никто из нас был совершенно не готов к такому. Ничто не может подготовить к такому – это надо пережить.

Мы мечтали о том, что, добравшись до места, мы обнаружим там старые блиндажи и окопы противника, которые мы сможем занять и спрятаться, передохнуть. Но мы ошибались. Там было только несколько открытых ямок глубиной около полуметра. В этом переходе мы поняли, что противник воюет по-другому. Украинцы воюют с помощью технологий, а Россия воюет с помощью «мяса».

Россия посылает на войну сотни тысяч солдат, которые укомплектованы лопатами и автоматами. Эти сотни тысяч солдат занимают территорию и окапываются, превращая местность в сеть окопов, блиндажей и траншей. Но все эти сотни тысяч людей укомплектованы оружием и техникой Советского Союза, которое старше многих из нас. Это вооружение, безусловно, великолепное для своего времени и для войн прошлого века. Но у нас не хватает современных технологий. Не хватает дронов, не хватает приборов ночного видения и тепловизоров, не хватает антидроновых ружей,

не хватает систем наведения, и, самое страшное, не хватает артиллерийских снарядов. Артиллерия противника работает – наша артиллерия работает гораздо реже. Вражеские дроны кружат над нами – а где же наши «птички»?

Украина воюет по-другому. Благодаря поддержке всего мира, они обладают современным вооружением и умеют им пользоваться. Имея в распоряжении гораздо меньше людей, чем у России, они делают ставку не на количество живой силы, а на качество. Их артиллерия работает по нам круглые сутки, снарядов хватает. Наводятся они хорошо благодаря дронам. Дроны, дроны, везде дроны. Украинцам не нужно много окопов, блиндажей и траншей – они обходятся пятью-десятью опорными пунктами на всю лесополосу. Когда мы прибыли на место, то обнаружили, что нам придётся окапываться самим почти с нуля.

Я был вымотан и обезвожен. Я повалился на землю, разделся до трусов и лёг на дно маленького оврага под ветками деревьев. Я не мог пошевелиться, не то что копать. В этом овраге я пролежал часа два-три, съев лишь одну баночку паштета и выпив несколько глотков воды за весь день. И тут начался обстрел.

По нам работали кассеты со шрапнелью. Кассета взрывается высоко в воздухе, разбрасывая вокруг себя десятки небольших взрывных устройств, накрывая большую площадь. И все эти десятки взрывных устройств взрываются над землёй, разлетаясь шрапнелью. Я почувствовал поцелуй в правое плечо. Как камень, брошенный в воду, вызывает круги на воде – так мелкая шрапнель вошла в мою плоть. На самом деле, ранение было пустяковое, но «трёхсотый» – есть «трёхсотый». Из моего плеча потекла кровь, и я объявил по рации: «Это Компас! Я «трёхсотый»!»

Товарищи кричали мне, интересовались, как себя чувствую? Я переполз из оврага в маленькую ямку, где мы набились битком, пытаюсь оказаться хоть чуточку ниже уровня земли. Обстрел продолжался ещё какое-то время, но, к счастью, больше никто не пострадал. Я оделся обратно,

напялил свою броню без бронепластин. В бронежилете остался только кевлар, защищавший от мелких осколков. Я скинул все свои вещи здесь, вообще все – я-то думал, что я поеду в госпиталь в Россию и домой. Я даже телефон бросил здесь, боясь обыска.

Я радовался этому ранению как ребёнок. Всё, что угодно, лишь бы этот мучительный поход закончился.

- Мужики, я еду домой! Ура!

- Да, Компас, ты навоевался. Сбылась мечта идиота...

- Я получу три миллиона! Наконец-то блять!

Когда обстрел закончился, меня повели к командирам. Катапульта и Шинель сопроводили меня к яме, где сидели Кран, Ударь и Якорь. Они обругали нас за то, что рану не перевязали и решили сопровождать меня к медикам в деревню И.

Кран остался на позициях в первой полке, здесь отныне должен быть штаб роты. А Удар и Якорь повели меня к медикам. Это было издевательство над раненым: по пути Удар встретил соседнего комбата, и они заходили в каждый блиндаж, в каждый окоп, в каждую яму и проверяли, кто как устроился. А мне приходилось стоять и ждать. Удар осмотрел меня и сказал:

- Ну, тут ранение хуйня. Сейчас отведём к медику «Бинту», он тебя зелёнкой помажет – и завтра обратно в строй.

Худо-бедно к ночи мы добрались до деревни И. Медики во главе с Бинтом расположились в деревенской школе. Рядом с ней в блиндаже Удар устроил свой штаб батальона. Бинт и двое помощников приняли меня на простеньком операционном столе и стали обрабатывать. Бинт тоже сказал, что «ранение-хуйня». В этот момент он вытащил из меня три крохотных шарика шрапнели и отдал на память.

- А форму для трёх миллионов-то выпишете?

- Нет. Не канает твоё ранение на три миллиона. Форму не выпишем, в Россию эвакуировать не будем. Отдохнёшь здесь пару дней – и обратно в строй.

Это было фиаско, братан. Ни трёх миллионов, ни эвакуации, ни-че-го. Мне указали на матрац, где я мог поспать и дали бутылку воды. Ещё никогда я не пил с таким наслаждением. Я всосал полтора литра воды разом и попросил ещё. Ну, хотя бы, у меня есть пару дней на отдых...

Эти дни тянулись долго и скучно. Заняться было нечем, и я со скуки стал читать книгу про устройство тракторов – других книг не было. В санчасти я познакомился с парочкой связистов, которые дежурили рядом, в штабе батальона. Начальник связи с позывным «Шкура», тоже был здесь – организовывал жильё для взвода связи и настраивал новый коммутатор. Я очень не хотел возвращаться в чёртову лесополосу, поэтому решил закинуть удочку к нему, и предложить свои услуги. «Шкура» был хороший мужик, и с радостью согласился принять меня во взвод связи. Но как только об этом услышал Бинт, он тут же пресёк это на корню: «Удар приказал вернуть этого калича в лесополосу. Нехуй тут гаситься, симулянт!»

Тогда я решил обратиться со своей проблемой к самому Удару. Но на входе в штаб батальона меня встретил Якорь и на мои просьбы отвечал следующее: «Ты чо, не понял, что тебе сказали, блять? Завтра обратно в строй! Съебись!»

Я ещё раз убедился в том, насколько Якорю наплевать на людей. Ловить здесь было нечего. В последний день лечения к нам в санчасть привели товарища по кличке «Табак». Это был бывший приближённый Крана, но его послали вместе с первым взводом на позиции, сразу аж во вторую лесополосу. Им там пришлось несладко, их обстреляли, и у Табака было большое и глубокое рассечение в области лопатки. Такое ранение уже тянуло и на три миллиона, и на эвакуацию в Россию. Я помог ему снять

лишнюю одежду, дал попить и перекусить, поболтал с ним немного, и тут начался обстрел.

Стреляли, в общем, не по нам, а по нашим артиллеристам. Но наша санчасть была рядом и попала в зону поражения. Осколки снарядов влетали в стены здания. Мы с Табаком нацепили броню и залегли подальше от окон. Прятаться было негде, подвала здесь не было. Рядом с нами с грохотом упала и разбилась люстра. К счастью, глаза остались целы. Когда обстрел закончился, Табака повезли на эвакуацию. А мне нужно было собираться в путь.

Глава 13. Переход на «Шпик» и первые отказники. Линия фронта. Лето 23.

К этому моменту уже ходили караваны. Рота Крана (наша рота) и рота «Пряника» ушла в закреп, а рота «Стекла» занималась караванами и эвакуацией. Я присоединился к каравану, который должен был доставить еду и воду для нашего взвода. Мы нагрузились мешками с продуктами и двинулись в путь. Этот переход дался мне уже легче, чем первый. За час-полтора мы добрались от деревни И. до «Лавры» – перекрёстка лесополос, где стоял наш взвод.

Когда я вернулся к своим, все очень удивились, что мне не дали три миллиона и не отвезли в Россию. Товарищи обещали мне, что помогут в суде как свидетели, если я буду судиться с Министерством Обороны. Мы всё ещё надеялись, что скоро вернёмся домой. Я нашёл далеко не все свои вещи. Кучу всего уже растащили ребята – ведь я сам выкидывал всё из карманов и кричал им: «Забирайте всё! Пользуйтесь! Я «трёхсотый», я домой!». Грубо говоря, «из меня выпал лут». И вот теперь этот «лут» мне пришлось собирать обратно. Часть вещей мне вернули, часть я нашёл в кустах, я даже телефон нашёл! Но была у меня и кошмарная потеря: я проебал спальный мешок.

Днём то тепло – а вот ночью спать холодно. Хоть и лето, а ночью температура опускалась до десяти, пятнадцати градусов. К моему счастью, Губка поделился со мной запасным бушлатом, хоть какое-то спасение.

Прошла пара часов, и в тот же день нам дали команду двигаться вперёд. Штурмовики продвигались, и мы должны были продвигаться вслед за ними. Нашей новой позицией должен был стать «Шпик» – это была изогнутая кривая лесополоса, петляющая по холмам на фланге, между первой и второй полкой.

Тогда у нас появились первые отказники – «пятистотые». Шинель, Вратарь, Печка и Шляпа возмутились:

- Они нас всех положить хотят!
- Там вокруг везде хохлы, мы будем в полном окружении!
- Ну его нахуй, мы не пойдём! Пускай меня сажают, в пизду блять.

И они не пошли. Они нарушили приказ. И их требовалось отвести к Крану на доклад. Я не присутствовал при их разговоре, но скоро убедился в том, что Крану не наплевать на людей. Вместо того, чтобы предать их суду и посадить в тюрьму или отправить в штурмовики, Кран решил оставить их при себе. Он не стал докладывать комбату о произошедшем. Вместо этого он выдал АГС Крику со Штыком и ДШК Шляпе с Печкой. Это тяжёлое вооружение: АГС – это дальнобойный гранатомёт, а ДШК – это крупнокалиберный пулемёт. Кран приказал нашим «пятистотым» принять вооружение и готовить для него огневые позиции. Таким образом, он спас ребят от тюрьмы, дал им ответственное задание и получил в своё распоряжение два боевых расчёта для тяжёлого оружия.

Мы же, все остальные, двинулись вперёд. Малыми группами мы прошли через опорный пункт на «Лавре», пересекли лощину и добрались до другого опорного пункта, где сидели разведчики. Дерьмовые разведчики в

этой войне ходят пешком, ползают по полям и проводят разведку боем. Хорошие разведчики в этой войне водят дроны.

Эти разведчики были хорошими: у них был один дрон. Так что они могли себе позволить сидеть в блиндаже вдалеке от штурма – и при этом успешно выполняли задачи разведки.

Отдохнув у разведчиков, мы снова двинулись вперёд по «Шпику». Место было очень живописное: тропа была похожа на роскошную аллею, кроны деревьев нависали над нами, мы шли по вершине холма, а справа виднелась лощина и соседний холм, освещённые вечерним солнцем. Мы всё так же прятались от «птичек», замирая на десять минут от каждого жужжания. В конце концов мы куда-то добрались и остановились. Катапульта назначил место для каждого отделения, я объяснил всё своим людям, и мы начали копать.

На «Шпике» не было выкопано вообще ничего. И, если честно, мы не понимали, в какую сторону должны быть направлены наши окопы. Так что мы просто копали для себя замаскированные укрытия. Я выбрал себе место прямо в густых кустах между двух деревьев. Один товарищ одолжил мне запасную лопату, и я стал копать себе ямку. Теперь уже было не до нытья о том, как я не хочу копать. Что выкопаешь – в том и спишь. А не выкопаешь – погибнешь. Прикинув свой рост, я копал так, чтобы лёжа мог вытянуть ноги. Всё глубже и глубже. Из моего окопа даже можно было бы вести огонь, но недалеко – метров на пятьдесят. При этом над ним и со всех сторон от него была естественная маскировка, которую даже не нужно было совершенствовать – кусты, деревья, ветки прятали меня отлично. Со временем окоп был вырыт почти в полный рост, а ступеньки были с обеих сторон.

В первую же ночь, как и во все последующие, я замёрз до костей. Спального мешка не было. Я спал на земле, на дне могилы, которую сам же себе и выкопал. Спасал бушлат от товарища и термобельё. Каким-то чудом за

всё это время я не получил воспаления лёгких. Утром зубы стучали, меня трясло. А к полудню уже снова стояла жара и зной.

На второй день поднялся вопрос с едой и водой. В условиях жёсткого дефицита всё приходилось делить между людьми, и ещё это как-то нужно доставить. Караваны «Стекла» отказались доставлять продукты нам на текущие позиции – они будут носить только до «Лавры». Это значит, что нам пришлось бы возвращаться к разведчикам, карабкаться через лощину и возвращаться на «Лавру», чтобы забрать еду и воду. Посоветовавшись, мы решили назначить одного курьера: вызвался Куст.

Куст вскоре переезжает обратно к разведчикам и целый день таскает продукты от «Лавры» до разведчиков, делит эти продукты между отделениями по количеству человек и выдаёт каждому свою долю. Мы же копаем позиции и приходим к Кусту эти продукты получать. А уж потом каждый комод делит всё между людьми своего отделения.

Мы решили работать в таком режиме, и уже в этот день я делил продукты между своими людьми. Стекло отправлял четверых бойцов в караван для нас. Куст таскал это в одиночку через лощину. Нас же было около тридцати человек. Много ли достанется каждому человеку при таком раскладе? Полтора литра воды на человека в сутки, одна банка паштета или тушёнки в сутки, один кусочек хлеба. Были ещё заварные супы и каши – но не было воды, чтобы их заварить. Был один доширак на человека – мы грызли их всухомятку, как печенье. Больше всего не хватало воды...

В один из дней я подумал: «Божечки, как же нам повезло с погодой». За всё время этого наступления не было ни одного дождя. Я сглазил. В тот же день сгустились тучи и пошёл дождь. Проклятый дождь. Он шёл и шёл, не переставая шесть часов подряд. Я пробовал натянуть мусорный мешок над своим окопом – другого материала у меня не было, ни плёнки, ни плащ-палатки. Мусорный мешок был слишком маленький и защищал от дождя слишком плохо. Очень скоро я был полностью насквозь мокрый: от трусов

до бушлата. Сменной одежды у меня не было, так что мне пришлось сушить одежду на себе. Естественно, за полдня она не высохла, так что я провёл ночное дежурство полностью мокрым. И такой же мокрым лёг спать. Деваться было некуда.

Пока мы стояли на «Шпике», я узнал печальные новости: Шляпу серьёзно ранило. Пока Шляпа с Печкой копали позицию под ДШК, их «срисовал» дрон противника и навёл на них миномёт. Польская мина, которую почти не слышно, приземлилась рядом с Шляпой, и он не успел упасть на землю. Иронично, что он больше всех переживал и боялся смерти, всегда ходил в качественной броне с напашником и наплечниками. И вот именно его и ранило одним из первых. Осколки были крупными: Шляпе пробило бедро, распорол брюхо так, что кишки вываливались наружу. А ещё ему повредило мозг. К счастью, он не сразу потерял сознание и успел позвать на помощь. Рядом были бойцы, они быстро оказали ему помощь и эвакуировали к Бинту. Оттуда Шляпу повезли в Россию.

Несколько месяцев спустя мне удалось пообщаться с Шляпой. Он рассказывал мне, как потерял зрение на несколько суток, как вышел из комы в России и как его приветствовали раненые преступники-штурмовики:

- Нихуя себе! Живой! Красавчик!

Шляпа много времени провёл на лечении, но в итоге к нему вернулось зрение. Пережив всё это, он признал, что теперь согласен с моими либеральными взглядами: происходит геноцид российского народа, и устраивает этот геноцид Россия. Россия хочет смерти своих граждан.

«Птички» кружили над нами постоянно, но у нас была славная маскировка. Иногда прилёты были близко, но никто из нас не пострадал. Вскоре пришла команда построить три поста и выставить на них круглосуточный наряд. Каждому отделению по одному посту. Моему отделению достался пост, который должен был находиться у дороги между

первой и второй полкой. Мы с Нефритом пошли на разведку. Он был очень толковым мужиком, прекрасно ориентировался в местности и мог завести группу людей даже туда, где сам ни разу не был. Мы с ним спустились по погорелому склону, пересекли лощину и нашли подходящее место для поста в кустах под деревом.

Я подогнал расписание нарядов: теперь наряд был суточным, то есть два человека заступали на пост на целые сутки. Они брали с собой еду и воду для себя, и должны были и наблюдать, и копать, и спать по очереди. Сам же я, как комод, оставался на основных позициях и дежурил ночью в своём окопе, пока личный состав спал. Я дежурил всю ночь вместе с двумя другими модами, докладывая по радиации каждый час и ложась спать лишь с рассветом. Меня такое расписание, в общем, устраивало. Я бодрствовал в холодное время и не так уж сильно мёрз, и спал в жаркое время, и не так уж сильно хотел пить. Прошло несколько дней, посты были почти выкопаны. И тут по радиации к нам обратился сам Удар:

- Мужики, вот вы посты выкопайте, сделайте чтобы всё было заебись – и докладывайте мне. А я вам организую ротацию, пришлю на ваше место «месье контрабасье».

Таким хи-и-итреньким голосом он это сказал. Мы каждый день спали и видели эту ротацию. Мы мечтали о ротации. Замена мобилизованных на контрактников – для нас это была сказка, в которую мы верили, как в Деда Мороза. Уже целый месяц ходил слух, что мобилизованных в августе должны отправить в Россию и заменить контрактниками, что нас вот-вот отпустят домой, чтобы не платить нам легендарную премию в один миллион рублей за год службы. После слов Удара слово «месье» вошло в наш лексикон, и отныне всегда в переговорах по радиации мы обозначали контрактников словом «месье». Посты стали копаться усерднее, но нашёлся среди нас один мудрец – Ржев, который сказал:

- Зря вы верите Удару. Не будет ротации, когда мы докопаем посты. Он нас наёбывает. Сейчас мы доложим ему, что всё готово – и он нас отправит ещё новые посты копать. Давайте не будем ему докладывать пока что? Сидим себе и сидим.

Ржев, конечно же, оказался прав. Мы пробыли на «Шпике» около пяти дней, и затем получили команду двигаться вперёд.

Глава 14. Закрепление во второй лесополосе. Линия фронта. Лето 23.

Итак, новый переход. В этот день к нам вернулись очередные отпускники и даже Шмель. Он вылечил своё ранение, побывал дома в реабилитационном отпуске, был с родными целый месяц. И вот, вернулся к нам. Мы все встречали их с распростёртыми объятиями и посмеивались над тем, в какую же жопу они возвращаются.

Посты были сняты, и мы малыми группами перебирались через лощину в сторону поста моего отделения. Над нами постоянно кружили «птички» и несколько раз миномёты посылали снаряды поблизости. К счастью, наша группа благополучно прошла по дороге и нашла тропу. Нефрит заблаговременно всё разведаль и оставил пустой цинк из-под патронов в том месте, где нужно было поворачивать в поле.

Это был опасный участок: около трёхста метров тропа шла через поле без единого укрытия, без единого деревца или кустика. Наша группа перешла поле без обстрелов, а вот последующая группа набралась страху. Шайба с Ржевом и Листом попали под плотный обстрел танка, а вокруг совсем некуда спрятаться. Этот обстрел сильно ударил по их моральному состоянию: Шайба потерял всякую надежду на выживание и поник, ушёл в себя. Лишь гораздо позже я его понял.

Всё-таки добравшись до второй лесополосы без потерь, мы побрели по тропинке в сторону нужных квадратов. Нам рассказывали, что у хохлов во второй полке сеть траншей и бетонных бункеров – иначе почему же вторую полку так долго брали?

Ага, конечно, траншеи и бетон, ага.

Во второй полке мы увидели всё ту же картину, что и в первой – несколько опорных пунктов и несколько неглубоких ямок. Вся остальная местность была не окопана. Мы шли около часа, продираясь сквозь ветки: к счастью, ветки скрывали нас от птичек. Около опорных пунктов лес был сожжён и выкошен артиллерией: ветки срублены осколками, деревья повалены, кусты сгорели. В неглубоких траншеях и пулемётных гнёздах валялись трупы, гниющие на солнце.

Наконец, мы добрались до наших будущих позиций. Лишь со временем я осознал, насколько же нам повезло. Мы были ровно посередине второй лесополосы. Перед нами было заминированное поле, напротив нас за полем, в километре от нас, в третьей лесополосе стоял противник. Через поле они не пойдут: поле заминировано и там ни одного укрытия. С одной стороны от нас стояла рота Пряника, с другой стороны было малое копьё – поперечная лесополоса, идущая между второй и третьей полкой.

Перекрёсток на малое копьё держал «Лингвист» и «Токарь». Пути снабжения и эвакуации шли далеко слева и справа от нас: один из них вёл от «Лавры» к Прянику (там, где мы заходили), а другой шёл по большому копыю до второй полки, а затем через Лингвиста на малое копьё к сражающимся штурмовикам. Мы стояли на маленьком островке тишины и покоя, ровно по центру. Слева и справа от нас движуха, привлекающая внимание артиллерии – а у нас тишина. И нам не угрожало прямое боевое столкновение. Нас окружали небольшие деревья и кустарники, пусть не самые густые, но они были.

У нас было время выкопать себе укрытия прежде, чем нас обнаружат и обстреляют. Я нашёл себе ямку, которая уже была кем-то выкопана сантиметров на двадцать, и стал её углублять. Ямка была под деревом, вокруг были кусты. За несколько часов я углубил и удлинил её под свой рост, и теперь мог безопасно спать в ней, вытянув ноги. Мне приходилось рубить лопатой крупные корни дерева, это было утомительно, но необходимо. Я растянул своё отделение на сто метров, они тоже копали себе укрытия. Вдалеке, в полукилометре от нас на малом копые шёл стрелковый бой. Иногда пули свистели над моей головой, врезаясь в стволы деревьев – стреляли не в меня, это были просто шальные пули, выпущенные наугад. Иногда прилетали миномётные снаряды.

Еды и воды было очень мало. Чем дальше мы отходили от деревни И., тем тяжелее было караванам Стекла доставлять нам припасы. Уже на второй день мы столкнулись с тем, что караван до нас не дошёл. Я спрашивал по радиации у Крана и Сапога: куда же караван выгрузил наши продукты? Они лишь отвечали мне, что где-то на перекрёстке большого копыя и второй лесополосы. Я собрал четверых товарищей с сумками, и мы пошли искать нашу еду и воду.

Тогда у меня в голове снова звучала одна и та же мысль: «маленький волчонок должен позаботиться о себе сам».

Мы проходили через облысевшие участки лесополосы, где ранее шли бои. Один опорный пункт за другим, и вот мы встретили раненых штурмовиков, потом людей Лингвиста и Токаря, а потом обнаружили только что зашедших контрактников. Это были наши знакомые: те самые, кто приехал к нам ещё на старых мирных позициях. Я с радостью приветствовал «Ахиллу» и Зеркало. К сожалению, они тоже не знали, где наши продукты. Мы двинулись дальше.

Еду выгрузили на могильнике. Не скотомогильнике, нет - это был боевой могильник. Здесь был перекрёсток большого копыя и второй

лесополосы, и отсюда же отходила тропинка на третью лесополосу. Тут находился большой опорный пункт противника: пара блиндажей, неглубокие траншеи и пулемётные гнёзда. Это был очень важный пункт, его долго защищали и долго штурмовали.

Вокруг валялись трупы, трупы и ещё трупы. Свои и чужие. Обгоревшие. Раздувшиеся, как барабан. Съеденные червями. И ни одного целого дерева – всё лысое, уничтоженное обстрелами. Таково было место, где выгружали наши продукты. Я прекрасно мог понять караванщиков, которые боялись идти дальше. Они сбросили свой груз и убежали, доложив, что всё доставлено.

Мы искали четверть часа, прячась от птичек, но так и не нашли наши продукты. Но зато мы нашли что намародёрить. Кажется, это был старый схрон противника. Здесь лежали остатки каких-то сухпайков и питьевая вода с надписями на украинском языке. Бутылки были пробиты мелкими осколками, протекали, но в них ещё оставалось около половины воды. Мы погрузили добычу в рюкзаки и доложили о том, что караван найти не удалось. Однако, наша добыча позволила нашему взводу продержаться ещё один день...

Мы вернулись на свои позиции и начали делить добычу. Каждому по полбутылки воды, по сто грамм еды из сухпайков. И это на сутки. Я лично разносил еду и воду своим людям. Делился водой из дырявых украинских бутылок. Нам даже удалось заварить на газовой горелке одну чашечку кофе на троих.

Не жизнь, а сказка... Чем дальше, тем страшнее...

Этот случай с провиантом определил мою дальнейшую судьбу. Катапульта оценил мои старания. И в то же время он видел, как Ржев в эти два дня лишь копал укрытие для себя, пытаясь спасти свою жизнь, как спорил и высказывал своё раздражение. Катапульта видел, как Шайба ушёл в

себя и спрятался в норе. Видел, как Лист, вернувшись из отпуска, полностью дезориентирован. Я же проявлял инициативу, лазал туда-сюда под «птичками», не спорил с командирами. Я был удобен. И - как всегда бывает в армии - инициатива ебёт инициатора.

Катапульте скоро нужно было в отпуск.

Глава 15. Куча новых обязанностей. Линия фронта. Лето 2023.

Старшина нашей роты, Сапог, передал по рации: если караваны не могут донести провиант до нас, то кто-то из нас должен встретить караван на могильнике ночью, и принять груз. Караван должен откликаться на позывной «Билет-один». Катапульта поручил мне заняться этим, как самому ответственному. И я решил пойти один.

Уже тогда я ясно чувствовал: одному мне безопаснее. Дроны противника отслеживают группы людей: группу легче обнаружить и легче поразить. Одиночная же цель менее приоритетна. В одиночку мне легче спрятаться. Так что я пошёл один.

Пройдя эти два километра, я встретился со взводом Зеркала, и они показали мне свободное бунгало: это было хорошее укрытие. Яма в земле почти в мой рост длиной, накрытая сверху плёнкой и ветками. При желании, там даже можно было поместиться вдвоём. Я забрался в своё бунгало и лёг спать до ночи. Надо мной в сумерках пролетали «птички», но я знал: пока я невидим – я неуязвим. А в ночь началось моё дежурство: я вглядывался в темноту из своей ямы и ждал Билет-один. Мимо меня пробежали какие-то люди, и я тихо звал их: «Билет-один?» Они не отвечали и пробежали мимо. Это скорее всего были караванщики штурмовиков, идущие на малое копьё.

Когда уже начало светать, я всё-таки дождался наших караванщиков. Билет-один прибыл во главе с самим Сапогом. Целое отделение в спешке вываливали свой груз на землю около моего укрытия. Сапог был очень зол,

что его лично заставили тащиться сюда и удостовериться, что груз дошёл до получателей.

- Сапог, здорова! Это провиант для Катапульты, всё верно?

- Здорова, Компас. Нихуя, это не только для Катапульты. Это для Катапульты, для Лингвиста и для Зеркала. Дели на три взвода всё это.

- Нихуя себе? На три взвода? Это же блять под сто человек.

- Бля, Компас, разберёшься сам, как это делить. Знаю, что мало – а как иначе? Больше принести не можем.

- Принял.

- Завтра новый караван будет, в то же время. Значит так, Компас. Теперь ты встречаешь караваны каждый день. И всё должно быть поделено между взводами. Ты отвечаешь за то, чтобы каждый получил еду и воду. Понял?

- Охуеть. Принял.

- Если меня заставят снова сюда тащиться, я буду охуеть как зол.

Я понимал, что он прав. Кто-то должен встречать караваны и делить провиант – иначе всё опять проебётся. Караванщики оставили меня с кучей провианта и убежали. Я же в сумерках поделил всё на три части, разложил по кучкам и вызвал всех по рации, чтобы приходили получать свою долю. Люди приходили ко мне и разбирали положенные припасы, я теперь был интендантом этой лесополосы. Каким-то чудом «птички» нас не спалили и не обстреляли.

Последняя партия припасов была выдана, и я поковылял обратно на свои позиции, чтобы поговорить с Катапультой.

- Катапульта, теперь я буду каждый день встречать караваны и делить провиант на три взвода.

- Компас, тебе там одному быть слишком опасно. Возьми с собой второго человека.

- Мне безопаснее быть одному.

- А если тебя ранят? Обязательно нужен второй человек. Лист с тобой пойдёт сегодня вечером. Будете там ночевать и встречать караваны.

- Принял.

- И ещё, Компас, у меня для тебя другое ответственное задание. Я сегодня был у Крана, и мы обсуждали мой отпуск. У взвода должен быть командир. Я порекомендовал тебя.

- И как же я разорвусь? Ты что, шутишь? Ну какой из меня командир? Есть ведь Ржев, он замкомвзвода, пусть он рулит взводом.

- Нет, Ржев не подойдёт, он слишком много выёбывается, и Кран его не одобрит. Я назначаю тебя командиром взвода, Компас. Ночью будешь встречать караваны, а днём будешь рулить взводом. Если ты отсутствуешь – тут уж подстрахует Ржев. А твоим отделением будет командовать Нефрит.

- Пиздец. Принял.

Я вообще не чувствовал себя командиром и не хотел им быть. Но деваться было некуда. Я поговорил с Нефритом и передал ему должность комода. Мы поговорили с Ржевом и сошлись на том, что будем командовать взводом вместе: Ржеву лучше удастся руководить людьми, а мне лучше удастся говорить с командованием. В это время пришли новые хорошие новости: вместе с Катапультной в отпуск уходят ещё четверо от нашего взвода в порядке очереди.

Оказывается, эти отпуска для нас выбил Кран. У них с Ударом вышел неприятный разговор. Кран предъявлял комбату, что он наебал своих солдат: обещал ротацию, а отправил вперёд. На что Удар отвечал: «Ну вот такой у тебя хуёвый комбат. Вопросы?». Кран потребовал, чтобы Удар одобрил

отпуска для четырёх солдат в качестве альтернативы ротации. Удар внезапно дал добро.

Настроение у отпускников было превосходное, а остальные завидовали белой завистью. Мне же до отпуска по-прежнему было, как до Китая пешком. Вечером мы с Листом собрали вещи и стали на точку встречи с караванами. Прибыв к месту, мы обнаружили, что вчерашнее бунгало уже занято одним из контрактников. Нужно было искать новое укрытие, а копать было уже поздно. К счастью, рядом был старый опорный пункт противника, и там был пустой блиндаж. Мы решили занять его. Местность там полностью лысая, но зато у нас будет блиндаж – это всё-таки брёвна над головой.

Кругом трупы, трупы, трупы. И осы, осы, осы. Осы обожали запах трупов, они здесь были везде. Блиндаж завален мусором, патронами, медикаментами, дырявыми консервами. Мы немного разгребли мусор и устроились на ночлег. Воняет смертью и разложением. Но деваться некуда. Мы спали рядом с трупами, к счастью, хотя бы внутри блиндажа их не было. Вместо зелени и деревьев теперь нашу позицию маскировал мусор и трупы. Наутро я поднялся и принялся ждать Билет-один.

В блиндаже оказалось гораздо удобнее и безопаснее встречать караванщиков и делить провиант. Караванщики были под крышей и могли передохнуть, у нас было достаточно места, чтобы разложить всё по кучкам. Люди, которые приходили получать припасы, тоже могли на минутку задержаться у нас и перевести дух. Мы с Листом стали откладывать чуть-чуть еды и воды для себя. Позже, днём мы повыкидывали из блиндажа всё лишнее, и наше убежище превратилось в какой-никакой приличный склад. Нам было просторно тут вдвоём. Но это продолжалось недолго.

Днём пришли обстрелы. Обстреливали соседний взвод контрактников Зеркала, которые слишком уж нагло разгуливали по лесополосе без брони и касок, собирались большими группами и пили чай. Их за это наказали обстрелами. У них на глазах погиб один из товарищей. Остальные

испугались и разбежались. Трое контрактников, включая самого Зеркала, прибежали к нам в блиндаж в поисках укрытия. Они боялись выходить наружу и поселились у нас насовсем. Зеркало, исполняющий обязанности командира их взвода, впал в депрессию и ушёл в себя. Я их прекрасно понимал. Я помнил, что было с нами, когда Сулейман погиб. Сейчас то же самое переживали они. Первая смерть. Так мы стали жить в могильнике впятером.

Обстрелы продолжались, и наш блиндаж часто сотрясался от взрывов. Один раз миномётный снаряд приземлился метрах в пяти от нашего входа. Мы уж думали, что нам конец – но нет, обошлось. Только нам пришлось убирать поваленные стволы деревьев со ступенек на входе. Мы старались придать блиндажу необитаемый вид, поэтому маскировали его снаружи горами мусора.

Тем временем, Катапульта и четверо солдат из нашего взвода ушли в отпуск. Я решил, что должен явиться на доклад к Крану и поговорить. На меня свалилось столько всего... Где-то в телефоне у меня была фотография бумажной карты в плохом качестве. Я вызвал Крана и уточнил, в каком квадрате он находится. Прикинув примерный маршрут, я двинулся в путь. Караванчики уже протоптали добротную тропинку через большое копьё, и мне не составило труда добраться до первой лесополосы. Пройдя ещё парочку километров, я нашёл место жительства Крана.

Кран со своей свитой выбрали себе отличное местечко. Это был бывший опорный пункт противника: у них был блиндаж. Неглубокие траншеи вокруг этого блиндажа они всё это время маскировали и углубляли, и теперь укрытия были глубже человеческого роста. Кран встречал меня с улыбкой на лице: он был впечатлён тем, что я всегда был на связи и заботился о делах взвода и даже остальных взводов.

- День добрый, Кран!

- Здорова, Компас! Ну наконец-то ты до меня дошёл. Катапульта тебе рассказал о твоём ответственном задании?

- То, что я теперь встречаю караваны и делю это на сотню человек? Да, я уже этим занимаюсь. Люди получают еду и воду, всё налажено.

- Отлично, но я про другое. Я так понимаю, пока ты сидишь в могильнике, твоим взводом рулит Ржев?

- Ну да.

- Хорошо, пусть так и будет. Ты, Компас, будешь у меня старшим по всей лесополосе.

- Как так? Я даже не офицер.

- Похуй, что ты не офицер. Все остальные сидят по норам и нос боятся высунуть. А ты хотя бы всегда на связи, шевелишься, бегаешь туда-сюда. Ты будешь докладывать мне о состоянии дел по лесополосе и доводить приказы до всех взводов.

- Принял.

- Так, в твоём взводе рулит Ржев – пусть так и будет. В другом взводе рулят Лингвист и Токарь. А что со взводом Зеркала? Они на связь не выходят. У них там Зеркало старший?

- Да, Зеркало. Но Зеркало не вывозит. Он ушёл в себя.

- Я тебе отправляю в подчинение двух свободных капитанов: «Шрама» и «Робота». Пусть они рулят контрабасами. Они опытные, но старенькие, ветераны чеченской войны. Твоя задача – наладить связь со взводом Зеркала, чтобы Шрам и Робот были на связи! Понял?

- Принял.

- На, вот тебе влажную салфетку, морду лица вытереть. А то ты небось неделю себя в зеркало не видел. Кстати, Компас, а у тебя карты с квадратами есть?

Это не было уловкой, я не ослышался. Кран, который грозился расстрелять меня, если увидит у меня телефон, теперь напрямую спрашивал у меня про карты. Командование внезапно наконец осознало, что, оказывается, бойцам нужны телефоны, чтобы ориентироваться в квадратах и секторах! Я дал Крану свой телефон, и мы установили туда карты и квадраты. Он даже показал мне, как устанавливать карты другим солдатам.

Вот так, из грязи в князи. Из простого солдата я превратился в доверенное лицо командира роты.

Глава 16. Компас, легенда второй лесополосы. Линия фронта. Лето 23.

Жизнь в лесополосе начала устаканиваться. Каждое утро к нам приходил караван с припасами. Их не хватало: одно отделение таскало припасы для трёх взводов. Скоро караваны начали приходить и вечером в сумерках. Приносили не только припасы, но и патроны, и инструменты с материалами. Также со всех трёх взводов солдаты приносили мне разряженные батарейки для раций и павербанки. Батарейки передавались караванщикам, которые относили их в деревню И. на зарядку. Потом, через пару дней, они возвращали их обратно. Это работало, но работало очень плохо. В деревне И. не хватало зарядных станций, батарейки заряжались долго и не всегда они вообще возвращались к хозяевам. Тем не менее, кое-какая связь была налажена. Даже Шрам и Робот появлялись в эфире с докладами.

Все мы были живой мишенью. Путь мы и не участвовали в стрелковых боях, но нас каждый день кошмарили дроны и артиллерия. «Птички» носили

на себе гранаты и скидывали их на нас. Взвод Шрама с Роботом потерял убитыми четверых за несколько дней. Остальные перепугались и ушли в себя. Они расселись по норам и боялись оттуда вылезти. Большую часть времени эти контрактники просто лежали в своих укрытиях и молились. Только раз в сутки они выползали из норы, чтобы сходить в туалет. И лишь самые храбрые ходили ко мне за едой и водой.

Один из месье как-то раз распахнулся и пнул ногой невзорвавшуюся гранату («колокольчик»), лежавшую на земле. Фатальная ошибка. Эта граната взорвалась от удара и оторвала ему стопу. Он выжил, но остался без ноги.

А может... это и был его план?

Контрактники боялись даже смотреть на своих убитых. Трупы товарищей так и валялись в ямах на своих местах, пока за ними не приходили Эва (эвакуаторщики). Трупы запаковывали в чёрные мешки и уносили в деревню И., чтобы отвезти их в Россию родственникам.

В какой-то момент капитан Шрам тоже поймал осколок – прямо в задницу. Этот старый капитан начал храбриться и сам вытащил этот осколок из ягодицы штык-ножом. Кран поручил мне осмотреть Шрама.

- Да это вообще не ранение, а так, царапина! – бравировал Шрам. – Я не могу оставить личный состав здесь, чтобы пойти к медикам с дыркой в жопе.

- Шрам, у тебя там инфекция. Хоть ранение и небольшое, но его надо обрабатывать.

- Да ничо мне не надо обрабатывать! Само заживёт!

Конечно, оно не зажило само. Рана была инфицирована, потому что любое огнестрельное ранение (как пулевое, так и осколочное) – всегда заносит внутрь инфекцию!

К тому же, Шрам занёс туда ещё больше заразы, когда ковырялся там своим ножом. На второй день после ранения Шрам уже с трудом передвигал ногой. Товарищи осмотрели его рану, и обнаружили, что там уже завелись опарыши. Я снова стал его уговаривать.

- Шрам, тебе срочно нужно к медикам. Ты не в боевой готовности. Ты не БГ, алё!

- Да, я понимаю, да. – тяжело дышал Шрам.

- Ты подставляешь своих же людей, оставаясь здесь. Если ты сегодня не выйдешь – завтра тебя уже придётся тащить.

- Ты прав, Компас... Ты прав...

- Ахилл! Сопроводи Шрама в Деревню И. к медикам. Он должен остаться на полноценное лечение! Потом возвращайся по сумеркам обратно. Принял?

Я всё-таки разрулил эту ситуацию, и всё закончилось благополучно. Шрам добрался до медиков на своих ногах и его эвакуировали в Россию. Ахилл живым и здоровым вернулся обратно. Командовать взводом остался Робот.

Если бы Шрам пошёл к медикам сразу, может он бы пролечился три-четыре дня и вернулся бы. А так рана воспалилась, и он застрял в госпитале на несколько недель, ещё и три миллиона получил.

Может... это и был его план?

Взводу Лингвиста и Токаря тоже крепко прилетело. Им достался участок на перекрёстке второй лесополосы и малого копыя. Там всё было полностью лысое, и ни одного толкового укрытия. Лингвист дал своим людям команду откатиться немного назад - на старый опорный пункт противника, где уже жили разведчики.

Все вместе они ютились в одном тесном блиндаже и парочке замаскированных пулемётных гнёзд. Каждый день они пытались вылезти из норы, чтобы выкопать хоть какие-то позиции – и каждый день безуспешно. Эти квадраты находились как раз на пути снабжения и эвакуации штурмовиков, здесь была постоянная движуха. Штурмовики бегали туда-сюда, прятались у Лингвиста, раненые просили пить. Из-за этой беготни местность постоянно мониторили дроны, постоянно скидывали гранаты, постоянно наводили артиллерию. За десять дней взвод потерял ранеными половину всего личного состава.

В итоге Лингвист, Токарь и все их люди тоже впали в депрессию, ушли в себя и перестали вылезать из норы. Они даже за едой и водой приходили не каждый день – страх был сильнее голода и жажды.

Только наш взвод схоронился в стороне от этих бед и сохранил почти всех своих людей целыми.

Со временем встал вопрос о помывке и стирке. Было много споров о том, как это лучше организовать. Кран предлагал отдыхать повзводно: первый взвод, стоявший сейчас в резерве, должен был сменить один из наших взводов на неделю, потом другой взвод на неделю и так далее. Эту схему быстро отвергли. Сошлись на том, чтобы отдыхать подушно: каждый день по паре-тройке бойцов отправлялись в деревню И. помыться, постираться, сделать свои дела и отдохнуть.

Я, как доверенное лицо Крана, мог сходить в деревню И. по собственной инициативе самоходом. На второй или третий день с начала этой программы я собрался и отправился в свой долгожданный выходной. Идти было долго: около семи километров. Из второй лесополосы, через большое копьё, через могильник я дошёл до огромных ангаров, где располагался склад и собирались отдыхающие. Этот день напомнил мне старые мирные позиции. Добрая сотня отдыхающих и резервистов тусовалась большой толпой в здании ангара. Из каждого угла играла музыка,

телефоны раздали обратно. Здесь спальные места, там стол с кучей еды, чай, кофе. Тут был генератор и куча розеток, где заряжались рации. Сапог постарался на славу.

К этому моменту Сапог вывез со старых позиций все наши баулы с вещами, которые удалось спасти. Часть баулов была украдена, часть пропала, часть выпотрошена. У бедолаги Токаря украли все вещи. Мне же повезло, у меня почти всё было на месте. Здесь, около ангаров, организовали баньку, и ответственные люди готовили дрова, таскали воду из колодца и топили печь. Колодец был недалеко, и можно было набрать воды и постираться.

За этот день я успел вообще всё, что хотел. Я постригся, попил кофейку и вкусно покушал до отвала. Банька была восхитительная, мне повезло, и я помылся один, без спешки, даже не пытаюсь экономить воду, помылся впервые за две недели. Форму я даже не пытался стирать – она насквозь провоняла запахом трупов. Я просто выкинул всё, что было на мне надето, и оделся во всё чистое.

Здесь я мог спокойно поболтать с товарищами за чашкой кофе и сигареткой. Мы встретились с Шинелью, и он рассказал мне об их работе на АГС. Он и Шинель окопались недалеко от Крана и подготовили позицию для станка. Ещё один из наших бойцов в это время жил у разведчиков и пользовался их дроном для корректировки огня. Время от времени я слышал переговоры Крана, разведчиков и АГСников по рации. Они работали, обстреливали позиции противника с нескольких километров и даже куда-то попадали, поражали цели. Они молодцы.

Остаться на ночь в деревне И. я не стал. Уже тогда у меня закрадывалось предчувствие, что такое скопление людей – не к добру. По крайней мере, у меня был один нормальный выходной. Сапог нагрузил меня припасами и батареями к рациям, и я двинулся обратно.

В последующие пару недель я бегал по лесополосе, как заведённый. Я общался со всеми командирами вокруг. Конечно, я не был настоящим командиром лесополосы. Я не мог отдавать приказы. Но я каждые пару дней ходил к Крану на разговор, я был в курсе ситуации. Меня ждали в каждом взводе, чтобы я рассказал новости и довёл указания, которые не могли быть доведены по рации. Я собирал пожелания со взводов, выслушивал их нужды и доводил это до командиров.

- Сапог, это Компас! Отправь окопные свечи с караваном! Приём.

- Кран, Робот просит винтовку, чтобы работать по «птичкам».

- Сапог, это Компас! Нам нужны две лопаты и плащ-палатки. Приём.

- Кран, это Компас. У Робота «трёхсотый», лёгкий. Выйдет сам, приём.

- Сапог, это Компас. Пришли накрывочный материал, приём.

- Кран, я Компас. Робот шестнадцать, Лингвист шестнадцать, Ржев шестнадцать. Компас шестнадцать. Приём.

- Сапог, я Компас. Нужны батарейки, больше батареек для балалаек, сегодня! Приём.

- Кран, в могильнике куча трупов. Можешь прислать Эву, чтобы они их вытащили?

- Сапог, я Компас. Ты знаешь, что по второй полке прямо сейчас ходит боец без штанов? Срочно пришли штаны пятидесятого размера! Приём.

Я доводил до всех расписание смены частот на рации (а это доводится только лично), налаживал связь с теми, у кого не было рации, организовал снабжение по лесополосе, устанавливал карты и квадраты на телефон каждому, кто об этом просил, объяснял где что находится и как по этой карте ориентироваться. Все командиры обращались ко мне за советом и вываливали на меня свои проблемы. Я был проводником: выводил и заводил

людей, не знавших дороги – и не было ни одного раненого среди тех, кто шёл со мной.

Всё это время, каждый день, надо мной кружили дроны. Мне приходилось постоянно прятаться. Пройду пятьдесят метров – остановился, послушал. Слышу, висит. Замер, сижу. пять минут, десять минут, пятнадцать минут сижу и жду. А она всё висит и висит надо мной. Слышу, вторая летит. «Ну всё, пиздец». Первая смотрит – а вторая гружёная. Сейчас снаряд скинет. Я как сигану куда подальше: бегу со всех ног до ближайшего окопа или блиндажа. И сижу там ещё полчаса, пока не улетят.

Один раз рядом со мной скинули Ф-1 (осколочная граната). Иду себе, тут слышу – «птица». А рядом, как назло, ни одного укрытия. Ложусь, притворился мёртвым. И вот он, щелчок отлетающей скобы. «Ну всё, добегался. Счастлив, да?»

Бах! Десять метров от меня, я цел. Второй гранаты быть не должно, они одну носят. Если сейчас не прилетит ещё одна «птица», и, если они не успеют навести артиллерию – я спасён. Встал, побежал как можно дальше. Выбрался.

И так каждый день, проклятые кошки-мышки с дронами. Всё это время я ходил без бронепластин в бронежилете – один кевлар. И оружие с патронами я тоже давно перестал носить – всё равно я никуда не попаду, в дрон тем более. Сбросив лишний вес с плеч, я чувствовал себя более подвижным. Поэтому я всё это время выигрывал в эту игру со смертью, в эти прятки и догонялки.

Самая мерзкая проблема в этой ситуации – это спокойно поспать. Во всей второй лесополосе не было ни единого места, где можно было спокойно поспать. Первую неделю я вообще не спал, но это не могло продолжаться вечно. Как-то раз я отошёл поспать немного подальше, на большое копьё, и сел под кустик. И вот, сижу я в позе летящего орла с голой жопой – и тут на

тебе, дрон прилетел! Я, естественно, сру без брони. И теперь я не могу пошевелиться – дрон меня увидит, если пошевелюсь. Это не значит, что на дроне установлен датчик движения, нет. Датчик движения не на дроне – датчик движения в голове у оператора. Оператор обращает внимание именно на движение.

И вот, сижу я, значит, с голой жопой, замерев от страха. Я-то своё грязное дело уже сделал – а вытереть жопу не могу, заметят. А дрон кружит надо мной и кружит. Ноги затекли. Как обидно будет умереть так. С голой и грязной жопой. А как потом меня будут выносить, у-у-у... Вот он, конец Компаса. Погиб, обоссавшись и обосравшись. И домой меня доставят с грязной жопой.

Но ничего, обошлось. Улетел дрон. Я всё-таки вытер жопу и побежал обратно в блиндаж. С тех пор я ходил срать к Крану в первую лесополосу. Хоть идти несколько километров, зато можно посидеть спокойно под густой листвой.

Через наш блиндаж в могильнике постоянно проходили гости из других подразделений, чаще всего штурмовики. Они прятались у нас от обстрелов, иногда на целую ночь, просили попить воды и перекусить. Мы откладывали немного припасов с караванов для гостей. Один раз к нам заскочил уставший штурмовик и попросил помочь дотащить носилки с раненым до следующего укрытия. Мы все опустили головы в землю. Никто из нас не хотел лезть под обстрел.

Немного подумав, я согласился помочь ему. Раненый бедолага уже полчаса лежал в носилках на солнышке. ВСУшники таких не добивали – ждали группу эвакуации. На войне группа эвакуации — это самая лакомая цель. Обычно это четверо человека. Противник старается ранить одного бойца, чтобы он лежал на открытой местности и орал. За этим раненым ведётся наблюдение, оператор дрона ждёт Эву. И когда Эва приходит, то

начинает работать артиллерия, или дрон сбрасывает гранату. Так один «трёхсотый» превращается в пятерых «трёхсотых» или «двухсотых».

По тем же причинам, кстати, некоторые виды вооружений становятся менее летальными и более гуманными. Если раньше была цель убить человека на месте – то теперь цель ранить человека так, чтобы он орал. Пехотные мины, например, полвека назад отрывали ногу от стопы до таза – это верная смерть на месте. А сейчас что? «Лепестки» да «колокольчики» отрывают лишь стопу. Раненый лежит и орёт, ждёт эвакуацию. Эва приходит – бам! – уже пятеро солдат выведены из боя. Так работают обе стороны конфликта.

Итак, мы со штурмовиком послушали небо, удостоверились, что «птичка» не висит, и понесли носилки. Раненый притворился мёртвым: может, поэтому нам и повезло. Нести носилки со стокилограммовым мужиком вдвоём очень тяжело. Кое-как мы пронесли его двести метров до ближайшего укрытия, где нас скрывала густая листва, и выдохлись. Здесь уж наши пути разошлись, и я вернулся в свой блиндаж.

Гостившие штурмовики рассказывали о своей тяжёлой жизни. Они были из «Шторм-Зет»: зеками – преступниками, заключившими контракт ради амнистии. Контракт длился полгода, и их кидали в самые опасные штурмы. Если выживешь полгода на войне – ты свободен. Про Зеток я сочинил издевательскую песенку на мотив «На недельку до второго»:

*Уголовник, баламут,
Я поеду на Бахмут!
Штурмовать укрепрайоны
Под дождём свинцовых мин.
Я сражаюсь за Россию.
Я герой, как на картине.
Мне амнистию подпишут,
Если я вернусь живым.*

*Уголовник!
Баламут!
Я поеду!
На Бахмут!
Мне амнистию подпишут!
Если я вернусь живым!*

*Уголовник, баламут,
Я поеду на Бахмут!
В цинке я везу патроны,
В цинке уезжает друг.
Вчера было наступление,
У него был день рожденья.
Не хочу уехать в цинке -
Меня дома шлюхи ждут.*

*Уголовник!
Баламут!
Я поеду!
На Бахмут!
Не хочу уехать в цинке!
Меня дома шлюхи ждут!*

*Уголовник, баламут,
Я поеду на Бахмут.
Мой штык-нож и автомат
Хохлам покажут, кто тут прав.
Уголовником был дома,
Но, спасибо, дядя Вова,*

*На Бахмуте нет российских
И международных прав.*

*Уголовник!
Баламут!
Я поеду!
На Бахмут!
На Бахмуте нет российских!
И международных прав!*

*Уголовник, баламут,
Я поеду на Бахмут
Штурмовать укрепрайоны
Под дождём свинцовых мин.
Я сражаюсь за Россию.
Я герой, как на картине.
Мне амнистию подпишут,
Если я вернусь живым.*

*Уголовник!
Наркоман!
Я поеду!
На Бахмут!
Мне амнистию подпишут!
Если я вернусь живым!*

Жизнь у «Зетов» была тяжёлая. Из штурма в штурм, из штурма в штурм. Без отдыха, без выходных, без ротации. Никаких безопасных позиций, только штурма. Лёгкие раненые у зетов работали караванщиками - их не лечили и не увозили в Россию.

В каждом подразделении был специально обученный офицер, который расстреливал отступающих и отказников – «обнулял» на месте. В начале августа на штурм отправили полтысячи человек – к концу августа их осталось полсотни человек. И это всё лишь ради того, чтобы взять три лесополосы – и третья лесополоса до сих пор была за ВСУ. Сейчас бои велись на концах малого и большого копий, на перекрёстках с третьей лесополосой.

А гораздо позже я узнал, что и халява с амнистией тоже закончилась. Заключённые, которые подписали контракт весной и в начале лета двадцать третьего – их отпускали домой по истечению контракта. А в середине лета двадцать третьего эту лавочку прикрыли. Теперь заключённые оставались на службе до конца войны, контракт продлевается автоматически. Никто не отпустит их домой. Как и обычных контрактников. Как и мобилизованных. До конца войны.

Глава 17. Расширение сферы влияния. Линия фронта. Лето 23.

Бывали и idiotские просьбы от личного состава: например, Ржев стал требовать предоставить Боевое Распоряжение о том, что мы вообще здесь находимся. Люди просили, чтобы им доплачивали боевые восемь тысяч рублей в сутки за нахождение в зоне активных боевых действий. Кран был крайне огорчён и разочарован от этой просьбы.

- Жизнь висит на нитке, а думают о прибыли...

Он объяснил, что боевые восемь уже входят в зарплату мобилизованных. И даже показал Боевое Распоряжение. Оно действительно есть.

Бывали и idiotские приказы от командования. Как-то раз от наших взводов потребовали, чтобы мы все разом открыли огонь по третьей лесополосе. Это ставило нас под удар и привлекало к нам внимание. Мы

могли все погибнуть в результате этой акции – и так бы не попали ни в одного солдата противника. Но это и была цель – мы были приманкой. Мы должны были спровоцировать противника и заставить его раскрыть свои огневые позиции, чтобы по ним дальше работала наша артиллерия. Кран не был бесчеловечным ублюдком, поэтому он дал команду отстрелять один магазин и сразу спрятаться по норам.

Эта акция не принесла результата. Противник был не дурак, и не повёлся на провокацию. Их стволы и орудия молчали. Что ж, тем безопаснее для нас. Нам ещё повезло: соседней роте принесли приставные лестницы и приказали залезть на деревья и вести огонь с высоты.

Тем временем наш комбат Удар тоже дождался своего отпуска. Он ехал домой на рождение сына, оставив нас в этой жопе. На общей частоте по рации я услышал последнее сообщение от него: «Кран, я Удар. Не знаю, как тебе эта новость, но я покидаю чат! Вместо меня - Якорь.»

И всё это задорным издевательским тоном. Теперь врио комбата был Якорь, а это было ничуть не лучше. Наш комбат нас бросил в самые тяжёлые времена.

*What if I don't wanna walk in your grace anymore
My faith is a fire, but the flame hasn't faded before
Should your cup runneth over, spare me your sympathy
My lord, you left us broken, so shed no grace on me*

С очередным караваном к нам начали приходиться КПОМы и КПТМы: это установки, которые разбрасывают несколько осколочных или противотанковых мин на небольшую дистанцию перед собой – от пятидесяти до семидесяти метров. Эти установки можно носить вручную и запускать от батарейки для рации.

- Кран, а что с ними делать? Профессиональные сапёры придут их запускать? Где Дергачи?

- Компас, ты мой Дергач. Вы с Шмелём обучались на внештатных сапёров, вы и запускайте. Отстреляйте их в поле слева и справа от малого копыя, чтобы противник через поле не пошёл.

И мы с Шмелём сами пошли их отстреливать. Каждый из нас взял по одной установке: «копыто» (подставка, которая устанавливается в землю и, собственно, производит отстрел), провода, батарейка и сам КПОМ. КПОМ выглядит как огромная блестящая гильза и виден с воздуха очень хорошо. А на перекрёстке у малого копыя всё лысое и ни одного укрытия.

Это было очень страшно и опасно. Над нами кружат дроны, мы в спешке устанавливаем копыта, закрепляем их колышками, прикручиваем провода, ставим КПОМы в копыта и производим отстрел. И всё это время мы как на ладони на открытой местности!

Хлопок!

Второй хлопок!

Мы не собирались здесь задерживаться и оставили копыта с проводами на этих же местах (это была ошибка). Отстрелянные КПОМы мы вытащили и выбросили метрах в пятидесяти от места, а затем разбежались в разные стороны по домам. В этот день по тому перекрёстку работала артиллерия.

Вернувшись на следующий день со свежими КПОМами, мы обнаружили, что потерпели фиаско. Копыта и провода были разворочены миномётным обстрелом и были более не пригодны. Нам продолжали присылать КПОМы с караванами, но мы не могли их отстрелять, потому что не было новых копыт.

Со временем мои маршруты становились всё длиннее и дальше. Уже не только наши три взвода охватывал мой взор. Бывало, я ходил поболтать в соседнюю роту к Прянику. Они тоже стояли во второй лесополосе, на другом фланге, около полевой тропинки по которой мы заходили в самом начале. Пряник, их командир роты, жил вместе с ротой, и у него вечно были проблемы со связью. Батареек не хватало, а рация плохо добивала от деревни И. до Пряника.

У Крана в плане связи было лучше – он хоть и жил в километре от нас, в относительно безопасном месте, зато он был ровно посередине между деревней И. и нашими позициями. Если связь где-то не проходила, то Кран выступал в качестве ретранслятора. Бывало, Кран просил меня проверить, как там дела у Пряника, когда тот не выходил на связь. Последний пытался решить эту проблему проводным телефоном («лапшой»). Бедный ответственный солдатик целыми днями ползал по полю в одиночку и тянул провода аж от самой деревни И., но обстрелы миномётов каждый день рвали эти провода, и солдатике приходилось снова и снова ползать и скручивать обрывы. Это было очень опасно, ведь в поле не было ни одного укрытия. Но солдатик был бесстрашный и очень везучий.

Однажды Пряник попросил меня проверить своего подчинённого с позывным «Команч». Его взвод стоял аж на малом копые, гораздо ближе к противнику, чем мы. Связи с ним не было уже несколько суток, а отношения были натянутые. Собрав яйца в кулак, я двинулся на малое копыё. Ещё никогда я не подбирался так близко к зоне боёв – до противника было метров пятьсот. С горем пополам я обнаружил Команча в одном из укрытий, это оказался адекватный человек. Его взвод постоянно был под огнём АГС противника. Мы с ним поболтали, он доложил мне обстановку и рассказал мне о «изгоях».

Изгой стояли ещё ближе к противнику. И дела у них шли ещё хуже. Их закинули сюда отцы-командиры сразу после прибытия и не объяснили им ни-

че-го. Изгойи не знали частот, у них не было раций, у них не было карт и квадратов, у них не было ни еды, ни воды. Они не знали где они находятся и где должны находиться. Они даже не знали кто у них командир и в каком они батальоне. И их осталось только четверо – все остальные или ранены, или убиты. И никто им не мог помочь и подсказать, что делать.

Я в очередной раз убедился в том, как Россия относится к своим гражданам. Команч делился с изгоями едой и водой, но не мог их спасти от горе-командиров.

Я собрал все данные и стал возвращаться на доклад. Как раз на обратном пути на меня скинули гранату Ф-1, и я побежал со всех ног. Когда я вернулся к Прянику, телефон работал, и я доложил в деревню И. о изгоях. С тех пор мы оказывали им помощь как могли.

Я ходил всё дальше и дальше, на моих ногах были мозоли, берцы разваливались. А новые берцы мне никто не мог выдать, потому что у меня сорок шестой размер ноги, и обувь моего размера всегда отсутствует. Я ходил и по полевой тропинке тоже, и один раз меня там чуть не накрыл АГС. «Птицы» висели целый день, и АГС противника пристрелялся по людям Пряника. Я проходил мимо них, и они предупредили меня, что сегодня потеряли троих около тропинки. Но я понадеялся на свою удачу и двинул вперёд.

И вот, когда я подходил к тропе, я услышал далеко-далеко несколько выстрелов. Стреляли, наверное, с трёх километров. На такой дистанции выстрел АГС слышится, как выстрел автомата. А гранаты летят навесом долго, секунд пять. И лишь когда они начали приземляться, я понял, что попал под обстрел. В спешке я развернулся и начал искать, куда спрятаться. На моё счастье, рядом была глубокая яма под сенью листвы, и я спрятался туда. АГС работал долго, наверное, полчаса. И всё это время надо мной висела чёртова «птичка». Я лежал и думал: «Ну вот, неужели здесь придёт

мой конец?». Выждав ещё какое-то время после окончания обстрела, я вылез из ямы и двинул обратно, плюнув на полевою тропинку.

Жизнь шла своим чередом. Отдыхающие ходили в деревню И. каждый день, и каждый, кто возвращался с отдыха, приносил с собой груз еды и воды. Это были маленькие дополнительные караваны: они заряжали батарейки для радики, доставали что-то из баулов с вещами и приносили с собой маленькие радости вроде сгущёнки, кофе или газовых баллонов. Я тоже ходил в деревню И. регулярно, и в один прекрасный день это закончилось плохо.

Я шёл себе преспокойно по полевой тропинке, небо было чистое. Прошёл по дороге, через «Лавру» и холмы прямо в деревню И. И когда я подходил к ангарам, грянул гром.

Кассета со шрапнелью. Прямо надо мной.

Сотни металлических шариков врезались в землю, поднимая облако пыли передо мной в десятке метров. А на мне ни царапины. Я ломанулся в ангар, ибо больше некуда было прятаться. Там сотня отдыхающих и резервистов уже легли на пол, приготовившись к обстрелу.

Да, огромная толпа людей, проживающих в ангаре, рано или поздно должна была привлечь к себе внимание. Следом за шрапнелью пришли миномёты. Сапог орал: «Всем лечь! Всем лечь! Кран, я Сапог. Семнадцать! Семнадцать!»

Кран слышал. Кран жил между деревней И. и противником. И он слышал выход миномёта раньше, чем снаряд долетит до нас.

«Выход!» – объявлял Кран по радики каждый раз за одну секунду до прилёта.

Мы лежали на полу ангара, прятаться было больше нигде. Очередной снаряд попал нам в крышу. Свист и взрыв. Бам! Крыша обвалилась, снаряд разорвался об неё и не попал внутрь здания. Это и спасло нас всех от смерти.

-«Трёхсотый!» – закричал один.

«Здесь ещё раненый!» – закричал другой.

К счастью, оба «трёхсотых» были лёгкие. У одного руки, у другого нога. Опасности для жизни не было.

«Не встаём! Ждём пятнадцать минут после крайнего прилёта!» – орал Сапог.

Когда всё стихло, раненых отвели к Бинту и повезли на эвакуацию. А с этим ангаром надо было что-то делать, из него надо было валить. Я пошёл искать своих отдыхающих и обнаружил их в соседнем гараже, которые оживлённо обсуждали произошедшее: «Это пиздец, блять. Ходят долбоёбы, как у себя дома. «Птичка» увидела, всё – пизда. Надо валить отсюда подальше».

Конечно, мы сами были точно такими же долбоёбами, которые ходили как у себя дома. Пока мы болтали, начался новый обстрел. Гараж был не лучшей защитой, чем ангар. Вскоре в металлической двери гаража появилась большая дырка от осколка. Мы лежали на бетоне и надеялись, что это скоро закончится.

В этот день было организовано поспешное расселение всех, кто проживал в ангаре, по окраинам деревни И. Потянулись вереницы резервистов и отдыхающих, которые искали себе подвалы подальше от пристрелянного места. Теперь каждая группа отдыхала сама по себе. Обстрелы повторялись и дальше, когда я приходил в деревню И. за очередной партией припасов. Теперь здесь тоже было небезопасно.

Глава 18. Машина. Линия фронта. Лето 23.

Во время очередного визита к Крану мне сообщили, что к нам едет машина. Я должен был встретить её у Ржева вечером в сумерках.

- Встречайте «Чебурашку»!

Такую кличку дали «буханке», которую Кран купил на свои деньги специально для нужд роты.

Ржев к этому времени уже сориентировался в лесополосе и нашёл бесхозный блиндаж недалеко от наших позиций, прямо по центру лесополосы. Он переселил в этот блиндаж половину нашего взвода. Лучше жить в блиндаже, чем в яме в земле. И вот как раз туда и должна была прийти машина.

От деревни И. до Ржева прямо по центру поля шла полевая дорога. На ней не было ни одного укрытия и ни одного кустика на протяжении пары километров. Это был риск, но командование приказало водителям ехать. И они поехали. Вечером, по темноте, к нам приехала «буханка» и мы начали выгружать оттуда припасы: еду, воду и вооружение. Каким-то чудом «птички» нас не заметили, и мы всё замаскировали масксетями.

Это был праздник живота: наконец-то еды было выше крыши! Сухпайки, индейка, кукуруза, тушёнка! Всё это было поделено между взводами, но мы, конечно, взяли себе чуточку больше.

Поняв, что схема с машиной рабочая, Якорь решил запускать к нам машину регулярно. Теперь Чебурашка ездила к нам каждый вечер, пешие караваны в могильник потеряли свою актуальность. Через несколько дней я переселился из могильника к Ржеву в блиндаж, оставив делёжку пеших караванов на Зеркало.

- Ржев, я Компас. У тебя в гостинице есть свободный номер? Приём.

- Да, Компас, найдём. Заселяйся.

Уже к нам с Ржевом стали ходить люди за продуктами. Начали оставаться излишки. Пряник быстро прознал про машину и стал просить Якоря о снабжении через нашего Чебурашку. Якорь дал добро, и мне поступила новая команда:

«Компас, я Кран. Дели пополам: на нас и на Пряника.»

Мне пришлось собирать больше данных. Я снова обошёл всю лесополосу и записал количество личного состава в каждом взводе, следил за изменениями. Теперь у меня на довольствии стояло порядка полутраста человек. Робот, Лингвист, Ржев, Пряник, Команч, изгой... На каждого нужно было отложить отдельную кучку по количеству бойцов. В блиндаже места не было. Нужно было всё посчитать, всё поделить, всё разложить, всё замаскировать, всё выдать. И всё это под открытым небом, рискуя быть обнаруженными с воздуха, в страхе перед обстрелами.

Помимо припасов нам присылали тонну оружия и боеприпасов, которые уже некуда было девать. Куча КПОМов, которые невозможно было отстрелять без копыт. Патроны к АК-74 и к ПКМ в огромных количествах, которые мы не отстреливали, потому что стрелять не в кого – война то артиллерийская. А в дроны мы всё равно не попадём. Да и боялись мы стрелять – не хотели выдавать свои позиции. Потом нам прислали два ДШК, крупнокалиберных пулемёта. Я вспоминал анекдот от Дубины:

- Товарищ инструктор, а что будет если пуля двенадцать миллиметров в человека попадёт?

- Дальше полетит.

Под ДШК нужно было копать позиции. Мы ласково называли ДШК «Дашка» или «Дарья Константиновна». Одну Дашку отдали Лингвисту. Они пытались выкопать позицию под неё. Честно пытались. Но как только они вылезли из норы на раскопки, их сразу же обнаружили и обстреляли зажигательными боеприпасами. Вся их маскировка сгорела, пулемётные

гнёзда больше не были пригодны для жилья, чуть не сгорел блиндаж. Ещё трое раненых за один день. Эта «Дашка» так и не была установлена.

Ко второй «Дашке» нам прислали двоих новеньких пулемётчиков – «месяе контрабасье». Их заводил я. Мы встретились у Крана, я объяснил им что к чему и повёл через полевую тропинку. Всё прошло быстро и тихо, я внимательно слушал небо и довёл их до позиций без происшествий. Теперь они знали дорогу и могли двигаться сами. Пулемётчики начали копать себе укрытие и огневую позицию для пулемёта, но это не продлилось долго. Уже на следующий день один из них был «трёхсотым» и вышел на эвакуацию.

С появлением регулярно курсирующей машины у нас появилось ещё кое-что очень важное: нам привезли генератор и бензин к нему. Наконец-то! Теперь мы могли заряжать рации и павербанки прямо у себя в блиндаже. Стоит ли говорить, что наш блиндаж стал центром подзарядки для всех бойцов в лесополосе. Знай себе, только бензин таскай – этим обычно тоже занимался я.

Во время своих хождений я наконец-то намутил себе спальный мешок. Впервые после того, как потерял свой. Я гордо тащил его на позиции, но у мешка был один минус – он был синий. Его было хорошо видно с воздуха. Когда я подошёл к полевой тропинке, я остановился, послушал небо и подумал: «птицы» не прямо надо мной, но где-то недалеко. Если сейчас это большое синее пятно пойдёт через поле – меня сразу спялят и накроют.

Так что я решил сесть под дерево и подождать пару часиков до сумерек, так безопаснее. Пока я сидел и ждал, недалеко от меня приземлилась граната Ф-1 с дрона. Но это невозможно, дрон не мог меня увидеть здесь, под густой листвой. Видимо, дрон искал цель для атаки, но так и не нашёл. Нести гранату обратно уже нельзя - её не обезвредить – так что дрон просто скинул её наугад. Мне повезло, что она не упала прямо к моим ногам. По темноте я всё-таки принёс спальник в блиндаж и наконец-то

поспал в тепле и комфорте. Но это тепло и комфорт продолжались ровно одну ночь.

Около нашего с Ржевом блиндажа организовался целый склад на открытом воздухе. Куча ящиков, мешков и коробок валялись на земле, замаскированные масксетями и плащ-палатками в ожидании прихода получателей. Я бегал и собирал данные по количеству личного состава каждый день. Каждый день к нам приходило около пяти-шести групп бойцов, чтобы получить припасы. Вокруг нас организовалась движуха.

Обнаружение – это лишь вопрос времени.

В тот вечер противник подгадал примерное время приезда нашей машины и выставил «слухача». В сумерках мы услышали звук мотора, а значит и «слухач» услышал звук мотора. Им нужно было минут пять-десять, чтобы артиллеристы навелись на нас.

Мы вышли встречать машину, и, о ужас! Это была вовсе не наша машина, это была машина эвакуации наших соседей из другого батальона! И она ехала с включёнными фарами!

Немного ранее я слышал по радиации, что в таком-то таком-то квадрате лежит тяжёлый «трёхсотый». Похоже, они ехали за ним. Они пронеслись мимо нас, не останавливаясь, и выехали перед лесополосой со стороны противника! И они катались всю дорогу с включёнными фарами!

Я выбежал к ним и стал объяснять дорогу до раненого – всё, что угодно, лишь бы они побыстрее съездили подальше от нас. Они, кажется, поняли и уехали. Тут приехал наш Чебурашка, и мы начали в спешке выгружать провиант: хоть бы успеть, хоть бы нас не спалили! Но тут снова вернулась соседская машина и завернула к нам. Я услышал жужжание дрона...

- «Все в блиндаж», – прошипел я от злости.

Беспокоиться о машине было уже поздно. Когда я заходил в блиндаж, у машин уже разрывались гранаты от АГС противника. В наш блиндаж забежали раненые водители. Их накрыло гранатами, они были в крови. Следом за АГСом начали работать миномёты. Машинам уже была хана, припасам уже была хана. Наш водитель, к счастью, не пострадал, наш штабной офицер тоже был в порядке. А вот соседи были в кровище.

Они просили помощи, просили бинтов и воды. В их группе эвакуации не было медика, а их медикаменты остались в машине. Среди нас тоже не было медика. Все были в панике и не знали, что делать. Но здесь был я – внештатный санинструктор, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Я тоже паниковал, но люди нуждались в помощи. И помочь им мог только я.

Их водитель получил несколько осколков в ногу. Он был в тапочках...

В тапочках, блядь!

На боевое задание он приехал в тапочках! Я разрезал ему штанину и осмотрел ногу: везде кровища, но ничего критичного, артерии целы. Я забинтовал его и уложил спать в свой спальный мешок. Мужик держался хорошо. Другой раненый, их старший, получил рассечение руки. Я разрезал рукав и увидел открытое мясо.

- Ух ебать, – выпалил я от неожиданности, но тут же опомнился и стал успокаивать раненого, – ну, в целом, ничего критичного, не вытечешь. Сейчас забинтуем и всё будет нормально, браток!

Они оба были забинтованы, но теперь их надо было эвакуировать. Тяжёлый «трёхсотый», за которым они приехали, к тому времени уже превратился в «двухсотого». Мы вышли посмотреть на наши машины. Они горели, миномёты разворотили их напрочь. Уехать уже было не на чем. Мы решили ждать до утра. Сейчас к нам привлечено слишком много внимания, мы должны выходить по утренним сумеркам.

Самое главное, что рядом с ранеными были мы, свои. Мы их успокоим, накормим и напоим, мы им поможем. Они точно знали, что с ними всё будет в порядке.

Наутро я повёл старшего в деревню И. Раненый в ногу водитель сам не дойдёт. А старший шёл бодро, попевал за мной. За час-полтора мы благополучно добрались до деревни И., и доложили о произошедшем.

Меня попросили, чтобы я завёл пешую группу эвакуации и показал, где забирать неходячего раненого. Так я и сделал, мне не сложно. Не просто же так Кран ласково называл меня «легенда второй лесополосы». В этот же день всех раненых забрали и вынесли на эвакуацию. Я горжусь этой историей, я действительно смог кому-то помочь. Мой спальный мешок был весь в кровище раненого, но я не собирался его выкидывать - это был мой спальник!

Штабного офицера, который должен был совершить обход позиций, посчитать и осмотреть всё вооружение и доложиться в штаб - по лесополосе тоже водил я. Уже офицеры доверяли мне свою жизнь, как проводнику. Товарищи из роты Пряника жаловались мне на свои болячки и психологические проблемы, один из них жалобно просил меня сходить в деревню И. и принести успокоительное от Бинта.

В один из моих визитов в деревню И., я действительно зашёл к Бинту и стал просить медикаменты по списку. Он начал ворчать и негодовать: «Я вам что, аптека что ли? Тому дай, этому дай – а мне что останется? Это санчасть, а не аптека! У нас тут война! Ко мне приносят трёхсотых с оторванными руками и ногами – а вы там в лесополосе просите лекарство от простуды и успокоительное? Вы что там, охуели все?»

Хоть Бинт и был тот ещё ворчун и козёл, но, пока он всё это говорил, он шарился в своих запасах и в итоге выдал мне все необходимые лекарства.

- Ещё раз придёшь с такой просьбой, я тебя нахуй пошлю! И ты тоже их нахуй посылай, если спрей от насморка попросят!

Переделав все дела в Деревне И., я принялся болтать с отдыхающими товарищами, как тут ко мне подошёл Сапог и сказал, что меня вызывают в штаб батальона.

- Компас, тебя Якорь к себе вызывает!

- Хорошо, а зачем?

- Я хуй знает, ебать тебя, наверное, будет за то, что ты без спроса каждые пару дней в Деревню И. ходишь. Ты ведь должен быть на позициях.

- А, понятно. А вазелин есть? Ух, бедная моя жопа.

Приготовившись к худшему, я пошёл в штаб. Якоря я невзлюбил с первой нашей встречи, и ничего хорошего я от него не ждал. Однако, я ошибся.

- Здравия желаю, Якорь.

- О, значит это ты Компас? Мне про тебя Кран и штабной много хорошего рассказывали. Говорят, ты в курсе ситуации. Ну давай, докладывай о состоянии дел в лесополосе.

Вот это поворот! Ну, я и начал рассказывать обо всём: о позициях, о вооружении, о количестве личного состава, о машине и караванах, о том, как нас обстреливают.

- Так, Компас, ну про то, что у вас машина сгорела, я знаю. У нас есть ещё одна машина – мы её пустим сегодня днём.

- Тоже ведь спалят.

- А как по-другому? Пешими караванами не вариант! У нас людей не хватает! Пустим машину через часик.

- Через часик точно не вариант, светло ещё.

- Ну так ты мне посоветуй, какое время безопасное! Ты ведь в курсе ситуации, поэтому я у тебя совета и спрашиваю, Компас.

- Самое безопасное время – сумерки. Дневные «птички» в сумерках видят плохо, а ночные птички ещё не вылетели. Есть окно примерно с девятнадцати до двадцати часов – вот в это время и пускайте машину.

- Хорошо, сделаем как ты говоришь, Компас.

Невероятно. Совсем недавно этот человек говорил мне: «Отъебись!». А сейчас он, врио командира батальона, советовался со мной и прислушивался к моему мнению!

- Кстати, Компас, а ты домой давно звонил?

- Ну, недели три назад. У нас же режим тишины.

- Да забей ты на режим тишины. Звони давай, а то тут в чате про тебя спрашивают. Давай сфоткаю тебя и в чат отправлю. Улыбнись в камеру давай! Фига ты кадр!

Обратно в лесополосу в этот вечер я не шёл пешком, я ехал на машине. Ебать важный, как хуй бумажный. Правда, мы чуть не перевернулись на бок на этой чёртовой полевой дороге. Может, стоило всё-таки пойти пешком?

Как-то раз у нас с Краном состоялся короткий разговор по душам.

- Компас, зачем ты пошёл на войну?

Я наконец-то смог сформулировать честный ответ:

- Я здесь, потому что я - трус.

- И чего же ты боишься, Компас?

- Когда мне пришла повестка, я испугался уголовной ответственности. Я испугался бежать за границу. Ведь за границей меня никто не ждёт, я там буду один. И вот я здесь.

- То есть для тебя бегство было страшнее войны? Не-е-ет, Компас, здесь есть что-то ещё, ты не трус.

- А ты зачем пошёл на войну, Кран?

- Я здесь, потому что мы, русские, должны держаться вместе. Мы должны всей страной навалиться на общего врага и победить. Если не мы, то кто? Мы должны защищать память нашего рода и наших предков.

Все мы, мобилизованные, всё ещё питали надежду на то, что нас заменят контрактники и мы откатимся на безопасные позиции, а потом в Россию. По рядам пополз новый слух: придёт целая рота, состоящая целиком из контрактников, и поменяет нас. Все последние дни лета мы ждали эту роту, мол, они сейчас на полигоне тренируются и вот-вот подойдут. И они действительно пришли, во главе с бывшим вагнером с позывным «Катана».

Вот только новая рота нас не заменила. Им дали приказ занять позиции на большом копье перед могильником и растянуться в сторону противника. А нас никто снимать не собирался и все наши надежды рухнули, как и все надежды до этого.

Однако, кое-какие подвижки всё-таки начались.

Нам прислали пополнение в виде месье. Свежее отделение зашло на наши позиции, а отделение наших мобилизованных откатилось в деревню И. Об этом позаботился лично Кран: ему было не наплевать на людей. Кран сам был мобилизованным, он понимал наше настроение.

Естественно, откатились те люди, кто больше всех сидел в норе и меньше всех принимал участие в жизни лесополосы. Мы с Ржевом, конечно, остались на своих местах – без нас бы всё посыпалось. Кран сказал так: «Новые контрактники скоро будут. Если вы хотите откатиться в деревню И., то подготовьте себе достойную замену.»

Это стало нашей новой целью. Ржев выбрал себе помощника, который начал заниматься сортировкой, делёжкой и выдачей провианта. Я же выбрал себе двух помощников, которых начал водить по моим маршрутам. Выбрав день, я провёл их по всей лесополосе, показал им дорогу в деревню И., познакомил с Сапогом, а затем повёл знакомиться с Краном.

Прибыв к Крану, я представил их друг другу и доложил текущую обстановку.

- Это Кран, наш командир роты. Вы всегда должны быть с ним на связи и держать его в курсе всего, а также знать дорогу к нему. Кран, это наши будущие проводники. Я им маршруты показываю, учу от дронов прятаться.

- Да, Компас нас гоняет только в путь. Но с Компасом спокойно, если и ходить по лесополосе – то только с Компасом, – отвечали они.

- Да, Компас у нас легенда лесополосы. Учитесь у него, и станете нашими проводниками. – хвалил меня Кран. – Кстати, Компас, я тебя к государственной награде представил. Жди медаль за храбрость.

Хоть мне и бесконечно льстило такое доверие со стороны людей, хоть я и хвастаюсь этим время от времени, но, если серьёзно, я совершенно не понимал, чем я заслужил такое доверие и похвалу. Неужели в российской армии всё настолько плохо, что такой разгильдяй и трус, как я, смог подняться в глазах командования...

Глава 19. Я - одноразовый. Линия фронта. Конец лета 23.

В последние дни августа ходить по лесополосе становилось всё сложнее и сложнее. У противника было очень много дронов, и противник уже понимал, что мы ничего с ними не можем сделать. Кто-то из наших рассказывал байку, что пленный украинец на допросе смеялся над нами: «Да

у нас столько дронов! Даже если вы будете по десять штук в день сбивать – нам ещё на год вперёд хватит!»

Противник выставил «птичий» наряд над нашей лесополосой. Если раньше они кружили и рыскали, маневрировали, опасаясь нашего огня, то теперь они просто круглые сутки висели на большой высоте над каждым перекрёстком. Висит одна, пока батарейка не сядет – её сразу же меняет другая. И так весь день, всю ночь. Не дают пройти и всё тут, сразу артиллерию наводят.

Единственное безопасное время – это сумерки. Дневные «птицы» видят плохо, а ночные ещё не вылетели. Вот и в тот вечер я собрался пройтись по лесополосе по своим делам. За часик до сумерек я услышал пяток прилётов в районе перекрёстка на малое копьё. И тогда мне показалось: «Почему прилёты такие тихие? Это что, новая «полька» малого калибра?». Но я не обратил внимания на эти мысли и забил.

В сумеречной серости я брёл, как часто бывало, один по тропинке. Мы ходили по этой тропинке каждый день. Небо было чистое, я проходил мимо перекрёстка на малое копьё.

И тут я увидел её... ПОМ-2...

У меня была лишь одна секунда, чтобы встретиться взглядом со своей судьбой. Она смотрела на меня холодными тёмными отверстиями из высокого металлического цилиндра, стоящего на земле на нескольких ножках. И она уже раскинула свою паутину в широких объятиях, готовая встретить меня со всей любовью и нежностью: «Иди ко мне, мой мальчик.»

Я смотрю на неё, она глядит на меня.

Искра. Буря. Безумие.

Я рванул в обратную сторону, но моя нога уже зацепилась за паутинку. Произошёл мгновенный взрыв.

Мина ПОМ-2 – это старая и надёжная советская мина. Пехотная Осколочная Мина. Её можно запускать дистанционно из гранатомёта, с двух километров, что и сделал противник. Мина сама балансируется и после приземления автоматически встаёт в нужное положение на земле, затем отстреливает во все стороны паутинку на расстояние до десяти метров, и сама взводится. Как только что-то цепляется и натягивает паутинку, происходит мгновенный взрыв. Она не закопана в земле, и её можно увидеть – но я-то шёл в сумерках. Я увидел её на расстоянии около трёх метров от себя. Я зацепился и подорвался.

Воистину, я был одноразовым. Я обезвредил мину!

Обезвредил своими ногами...

Ноги и руку пронзила острая боль и жар. Я взвизгнул, как собака, и поковылял в обратную сторону. Я знал, куда идти. Надо дойти до Лингвиста. Лингвист ближе всех. У него блиндаж. Только бы дойти. Они меня вытащат. Ноги жутко болели, я ковылял очень медленно. Силы покидали меня, по ногам текла тёплая кровь. Мне уже было наплевать на дроны: тут либо повезёт, либо не повезёт.

Если бы у меня были повреждены кости или артерии – я бы не выжил. Я бы не смог перетянуть себя. Я бы не дошёл. Но на моё счастье, осколки вошли лишь в мягкие ткани.

По дороге я в истерике передавал данные по рации.

- Всем-всем, я Компас. Тропа дистанционно заминирована. Я «трёхсотый», тяжёлый, у меня... ноги, иду к Лингвисту.

Божечки, мне хватило ума в этот момент передать все необходимые данные. Я сообщил, что я ранен и повреждены ноги, где я нахожусь и куда иду. Мне даже хватило ума сказать, что квадрат заминирован. Естественно, я говорил всё это с помощью цифровых обозначений, а не прямым текстом. Но по моему истерическому тону в рации все сразу поняли, что мне хуёво.

Я из последних сил добрался до Лингвиста и залез к нему в блиндаж. Я пытался сесть, я пытался лечь на чей-то спальник.

- Блять, только не на спальник! Ты щас всё кровью перемажешь!

- Ладно... Ща... Лягу в центр блиндажа на полу... Мужики... Помогите...

Когда ко мне в блиндаж залетели раненые, у них был санитар – у них был я. Их одежду разрезали, их раны осматривали и бинтовали. Они знали, что с ними и каков масштаб повреждений.

Когда я оказался раненым, то санитаря рядом не было. Окружающие сами не знали, что делать. Они долго искали жгут, чтобы наложить его мне на ногу. Затем стали искать второй жгут.

- Блять, вот жгут! – простонал я и достал его из своей аптечки.

Они наложили жгут и на вторую ногу. На самом деле, жгуты накладывать было не надо, потому что артерии не были повреждены. Но в тот момент я этого не знал! А те люди, которые были вокруг меня, не стали разрезать на мне одежду и обувь, чтобы осмотреть ранения. Они не стали меня бинтовать, потому что боялись, что белые бинты быстро увидят дроны. Когда я попросил вколоть мне обезболивающее, то оказалось, что никто не умеет колоть промедол. Но, к счастью, Лингвист всё-таки разобрался в этом и вколол мне эту дозу.

Я хныкал и стонал, как маленькая девочка. Я снял с себя каску и броню, чтобы им было легче меня тащить. С меня снова «выпал лут». Было очень больно и страшно. Ещё никогда в жизни мне не было так больно.

Носилок не было, была только плащ-палатка. Меня уложили на плащ-палатку и потащили вчетвером из этого проклятого места. Прямо по той самой тропинке. Каким-то чудом на ней больше не оказалось мин, иначе нам всем был бы конец. Пару раз над нами пролетали дроны. Мои эвакуаторщики бросались врассыпную и прятались под кусты. А я оставался лежать на

тропе, накрытый плащ-палаткой с головой. Всё, что я мог – это надеяться на лучшее.

Около могильника, на большом копые нас встретили ребята с моего взвода, которые очень удачно были в караване в этот вечер. У них были жёсткие носилки. Меня перегрузили на носилки, взвалили на плечи и потащили. Там был Шмель, Туз и Краб. Мои ребятки. Они донесут.

Лишь бы только нас не накрыли.

По дороге, спасибо ребятам, догадались контролировать мои жгуты. Они то ослабляли их, пуская кровь в ноги, то опять затягивали. В общей сложности меня тащили три часа, так что, если бы этого не делали, мне бы пришлось оттяпать обе ноги. Промедол начал действовать на меня. Обезболивающего эффекта я так и не почувствовал. Зато я почувствовал лютый озноб, меня колотило на этих носилках.

Наконец, меня донесли до деревни И. и погрузили в машину медиков. Спустя десять минут я был на операционном столе у Бинта. Мою одежду разрезали, всё перебинтовали.

- Компас, да ты лёгкий! – успокаивал меня Бинт.

Попрощаться со мной зашёл Сапог, и начал перекидываться со мной шутками.

- Ну чо, Компас! Теперь то ты уже получишь свои три миллиона! Вот тебе форма «сто»! Скоро будешь в госпитале, там сисястые и жопастые медсёстры тебя будут обхаживать! Уже придумал, куда деньги потратишь?

Когда все процедуры были завершены, меня снова погрузили в машину и повезли на следующий пункт эвакуации. Теперь уж я был уверен, что со мной всё будет в порядке: ведь я еду домой...

Sunny, yesterday my life was filled with rain

*Sunny, you smiled at me and really eased the pain
The dark days are gone
And the bright days are here
My Sunny one shines so sincere
Sunny one so true, I love you*

*Sunny, thank you for the sunshine bouquet (that sweet bouquet)
Sunny, thank you for the love you brought my way
You gave to me your all and all
Now I feel ten feet tall
Sunny one so true, I love you*

*Sunny, thank you for the truth you let me see
Sunny, thank you for the facts from A to Z
My life was torn like a windblown sand
And the rock was formed when you held my hand
Sunny one so true, I love you*

Sunny

*Sunny, thank you for the smile upon your face
Sunny, thank you for the gleam that shows its grace
You're my spark of nature's fire
You're my sweet complete desire
Sunny one so true, I love you*

*Sunny, yesterday my life was filled with rain
Sunny, you smiled at me and really eased the pain
The dark days are gone
And the bright days are here*

My Sunny one shines so sincere

Sunny one so true, I love you

Третий заезд.

Глава 1. Долгий путь домой. Украина-Россия. Осень 23.

Итак, мне предстояло долгое путешествие. Сначала я попал в посёлок Ш., к бригадным медикам. Они ещё раз меня обработали и оставили ночевать. Дальше меня повезли не сразу: машин не хватает. Выделять для одного меня машину никто не собирался. Стали ждать, пока не наберётся человек пять лёгких раненых, либо один тяжёлый. Я прождал у медиков целый день. Самое печальное было то, что у них не было нормальных полноразмерных (подмышечных) костылей – только поддерживающие локтевые (канадки). Ходить на них было ужасным мучением. Вечером машина собралась и отправилась дальше.

Следующий пункт – граница с Россией. Здесь раненым оформляют документы, мне также вкололи первый антибиотик. Затем – посёлок Ц. Здесь уже расположен основательный палаточный госпиталь с рентгеном, операционными столами и оборудованием. Здесь мне впервые зашили руку.

Я лежал на операционном столе, мою руку обкололи новокаином и начали шить. Ощущения примерно такие же, как у стоматолога, который зашивает десну после удаления зуба. Боли нет, но я чувствовал, как в моей плоти ковыряются. Гораздо позже я узнал, что зашивать рану на данном этапе – это врачебная ошибка.

Переночевав в посёлке Ц., мы поехали в город Д. Тут уж большая больница из нескольких корпусов – здесь оставляют тех, кому не требуется длительное лечение. Мне выдали инвалидное кресло, в котором я чувствовал себя очень некомфортно. Чувствовал себя беспомощным, неполноценным. Мне требовался другой человек, чтобы куда-то добраться. В очереди на

регистрацию мы провели больше времени, чем в самом госпитале. Уже через пару часов нас отправили в аэропорт.

Был ли там самолёт? О-о-о, не-е-ет. Самолёт будет только завтра. Нас снова заселили в палатки. И лишь на следующий день нам подали борт. Это был не пассажирский самолёт, о нет - это был десантный самолёт! Нас будут сбрасывать в госпиталь с парашютом! Вуху-у-у!

Нет, конечно, парашютов не было. Забраться в самолёт по пандусу было очень тяжело, он был крутой и скользкий. Для неходячего человека это мучение. Внутри салона было два ряда сидений для десантников. Взлетев, мы поняли, что в салоне очень шумно. Но, на самом деле, я ожидал худшего. Мы летели всего час, и полёт был нормальным, комфортным.

Места для нас нашлись в госпитале города Б. Это старые советские (а частично и дореволюционные) корпуса с высокими потолками. Кто-то говаривал, что это бывшие конюшни. Нас встретил сам начальник госпиталя, который оказался фанатом армейского идиотизма, а медсёстры раздали нам питьевую воду и тульские пряники. Вот тут было приятно. Я попал к замечательному хирургу, который включал музыку в перевязочной и перебрасывался шутейками с медсестрой.

- О, смотри! У него тут в левой ноге пять дырок. Смотришь? Смотри ближе!

Когда медсестра наклонялась ближе, хирург начинал под давлением промывать один из моих раневых каналов из шприца с хлоргексидином. Каким-то образом мои раневые каналы сообщались между собой, и в этот момент хлоргексидин выстреливал из двух других дырок в моей ноге – и прямо медсестре в лицо! Хирург был в восторге от этой шутки.

Моя рука воспалилась, и мой хирург обругал врачей за то, что они зашили её, не почистив. Руку мне расшили обратно, долго чистили. Когда её зашивали обратно, хирург дал медсестре держать конец нити со словами:

«Держи конец! Только мужу не говори. А то я тебя знаю, придёшь домой сегодня вечером и начнёшь рассказывать: сегодня хирург попросил меня «поддержать его конец»!»

У меня осталось несколько осколков в левой голени, чуть меньше в правой голени, и один - в правом предплечье. А могло бы быть и больше. Моё бедро спас кошелёк: когда я достал его из кармана, то увидел прелестную картину. Осколок вошёл в кошелёк, прошёл насквозь всей моей котлеты с наличкой и застрял, не дойдя до бедра. Деньги спасают жизни, получается!

В городе Б. я пролежал три недели, и на выписке уже ходил на своих ногах. Мне выписали рекомендацию на реабилитационный отпуск на месяц и предписание явиться в полк выздоравливающих. Естественно, я не собирался ехать туда в первый же день, а взял такси и поехал в Москву к семье на выходные.

Ту-Лу-Ла

Ту-Лу-Лу-Ла

Ту-Ту-Лу-Ла

В голове моей замкнуло Ла-а.

Ту-Лу-Ла

Ту-Лу-Лу-Ла

Ту-Ту-Лу-Ла

Ветром в голову надула

Ла-Ла-Ла.

Я провёл время с семьёй, съездил в полк, где меня отпустили в реабилитационный отпуск и выписали необходимые документы. В полку я встретил своих товарищей, которые тоже ожидали своих отпусков.

Полк выздоравливающих подкупал своим отношением к людям: здесь обещали отпустить и в реабилитационный отпуск, и в основной отпуск, и в ветеранский отпуск. На стене в канцелярии красовались образцы рапортов на каждый вид отпуска. Эта замануха ещё сыграет со мной злую шутку.

Получив все документы, я снова отправился в Москву, и благополучно прогулял весь свой отпуск с друзьями и знакомыми. Гражданская жизнь – она и есть гражданская жизнь, ничего особенного в ней нет. Пока я был в отпуске, меня начали искать в моей воинской части. Они, как и я, не понимали, почему госпиталь направил меня не к ним. Я обещал им после отпуска приехать и отметить.

Отпуск пролетел очень быстро, а война и не думала заканчиваться. В конце зимы я собрал вещи и двинулся в свою в/ч.

Как же много вещей осталось в деревне И., и как же мало вещей я собрал сейчас! В прошлых заездах у меня было три огромных тяжелых баула с вещами, а сейчас я собрал всего один рюкзак на сто литров, да спальный мешок (ну и небольшая барсетка для мелочей).

Как же сократились мои потребности, оказывается! И ведь всё необходимое помещается в один столитровый рюкзак.

Глава 2. Фатальная ошибка. Россия. Осень 23.

Прибыв в часть, мне оформили все документы и поселили в казарму. Здесь жили и срочники, и мобилизованные с контрактниками. Командир роты – ефрейтор, старый мудрый контрактник, но всё же ефрейтор. Я тогда снова подумал: а где же офицеры? Их всех на войну отправили, и они не вернулись? Насколько же всё плохо, что здесь командиром роты ходит ефрейтор?

В тот же вечер, как я прибыл, я встретился с Колобком и Маской. Их ранило ещё в мае или июне, а они до сих пор здесь. Они очень хорошо устроились: договорились с командованием, чтобы их оставили здесь. Теперь, вместо того, чтобы ехать на войну, Колобок и Маска ездили по всей России (за свой счёт) и искали самовольщиков, не вернувшихся из отпусков и увольнений. Колобок и Маска не обладали правом на арест или допрос – они лишь проводили беседы и выносили предупреждения, и на то были причины

В российской армии уйма самовольщиков, которые отсутствуют в своих воинских частях уже два дня, недели, месяца... И, по закону, их всех положено бы посадить в тюрьму. Но армии не хватает людей. Если всех пересажать – кого отправлять на войну? Колобок и Маска вежливо и дружелюбно угрожали самовольщикам уголовным розыском и тюрьмой – большинство самовольщиков возвращались самостоятельно и добровольно в течение пары недель после беседы. Зачастую их даже не наказывали, а просто сразу же отправляли снова на войну. Лишь самые отчаянные отказники попадали в розыск и в тюрьму.

Когда я заселился в казарму, мне начали названивать из роты выздоравливающих и ругаться на меня за то, что я не явился к ним после отпуска. Стали требовать того, чтобы моя часть отправила меня назад к ним.

У меня у самого были причины хотеть вернуться. Здесь не было госпиталя – это не полк выздоравливающих. А у меня до сих пор болела нога. При ранении были повреждены нервы - это неизбежно. Каждый шаг причинял мне боль. И причиняет до сих пор.

Я хотел попасть к неврологу, чтобы меня вылечили. И где-то в глубине души у меня теплилась глупая надежда на то, что мне присвоят категорию здоровья, которая не позволит служить дальше. А ещё в роте отпускали в основной и ветеранский отпуска! Мне как раз выдали ветеранское удостоверение, и я надеялся уйти в отпуск на полтора месяца: месяц

основного отпуска и ещё полмесяца ветеранского. В воинской части это было невозможно: приказ командира – никаких отпусков.

Так что я стал активно жаловаться на здоровье и просить перевода в полк выздоравливающих. Командование приняло решение отправить меня в составе группы таких же калачей. А перед нашей отправкой старый мудрый ефрейтор-контрактник сказал нам: «Мужики, зря вы едете. Весь полк выздоравливающих – это будущие Штурмы! Из пяти выживает лишь один! При первой же возможности старайтесь вернуться к нам!»

Я тогда посмеялся над ним про себя. Думал, что он нас пугает. Думал, что просто не хочет разбрасываться личным составом...

Прибыв в роту, мы обнаружили, что нас привезли туда без документов на перевод. Штабные офицеры плевались и ругались на нас, называли нас долбоёбами.

- Везите их обратно нахуй! Приказа на перевод нет, блять! Долбоёбы ебаные!

Мы просидели в коридоре несколько часов в ожидании. Когда офицеры всё-таки выпустили пар, нас всё же приняли, записали в списки и разместили в казарме полка выздоравливающих. Сюда же вскоре привезли и выздоравливающего Шляпу и Ахилла. Я обратился к неврологу со своими болями в ноге, и невролог положила меня в госпиталь на повторное лечение.

В госпитале я тоже провёл три недели. Мне и капельницы ставили, и физиотерапию делали – всё бестолку. При выписке врач сказала мне, что я буду продолжать службу на войне. Очередная моя надежда разбилась оземь.

А вскоре разлетелась и другая надежда: пока я лежал в госпитале, отпуска были запрещены. В итоге я не попал ни в основной, ни в ветеранский отпуск. Всё то, ради чего я просился в роту выздоравливающих, оказалось просто иллюзией.

Я мечтал попасть на лучшее место службы, где к людям относятся по-человечески, а меня обвели вокруг пальца. Я глупец.

Через несколько дней меня подали на эшелон в зону боевых действий.

Глава 3. Третий заезд. Россия-Непризнанная республика, Посёлок Р. Зима 23.

Нас вёз старенький старлей и молоденький солдатик. Мы сменили несколько видов транспорта: сначала «Урал», потом электричка, потом двухэтажный поезд. Всю дорогу старлей и солдатик рассказывали нам, какой хороший у них полк.

- Мужики, вы бы знали, как у нас здорово! Блиндажи просторные, тёплые, всё давно выкопано. У нас и банька подземная есть! Вы сейчас сначала долечиваться, а потом сразу к нам! Позиции хорошие! Сиди себе и горя не знай. Кстати, мужики, а вы все в отпуске были?

- Только в реабилитационном. А основные и ветеранские отпуска запрещены.

- Да это у вас они запрещены. А у нас всё разрешено. У нас приказ вышел, чтобы все мобилизованные до Нового Года в отпуск ходили. Так что не переживайте. Приедем на позиции, и всех в отпуск отправим! Я замполит батальона, если что – спрашивайте меня.

Мы обрадовались, ведь солдатик подтверждал все слова старлея. Ну не станет же солдат врать своим будущим сослуживцам? На вокзале нас сводили в магазин, в «Бургер Кинг». Ходи курить и перекусить, сколько захочешь! Ну просто сказка.

Однако, когда мы добрались, то поняли, что оставлять нас здесь никто не собирается. А среди нас были те, кто нуждался в дальнейшем лечении. Один из нас был без глаза, и рана воспалилась, из неё тёк гной. Как его

вообще посадили на эшелон? Другой ходил с костылём. Третий ожидал операции на позвоночник. Но вот все мы ехали на войну.

Мы задержались ровно на пять минут: чтобы дойти от поезда до другой машины. Это снова был «Урал», на этот раз с утеплённым кунгом. Хорошо хоть, что не с тентом. В кунге было не так холодно, как в тенте. А на дворе то - зима!

И снова долгий переезд в зону СВО. По дороге мы останавливались в магазинчиках, закупались продуктами и сигаретами. Переехав границу, мы поняли, что попали в непризнанную республику.

Мой третий заезд начался.

Глубокой ночью мы прибыли в какой-то лагерь в лесу под посёлком Р. Решать что-либо глубокой ночью было несподручно: нас заселили в обустроенный, но насквозь промёрзший блиндаж. Там были двухэтажные койки, но не было спальных мешков. Там была печка, но не было дров. Мне повезло: я закупил всё необходимое заранее ещё в реабилитационном отпуске, готовясь к худшему. Спальник у меня был. У большинства других ребят спальника не было. На входе в блиндаж красовалась табличка с номером тринадцать. Как символично.

А старлея и солдатика уже и след простыл. Они нас привезли сюда – на этом их полномочия «всё».

На следующее утро нас ввели в курс дела. Здесь тренировочный лагерь. Здесь нас укомплектуют, снарядят, сводят на полигон и отправят дальше, к нашему месту службы. А пока что мы привыкаем друг к другу и решаем свои проблемы. Мы выбрали старшего – это был прапорщик Фонарь. Очень добрый и милый толстячок. Вскоре мы перебрались в блиндаж потеплее и попросторнее. Здесь даже был генератор и проведено электричество. Быт налаживался, мы знакомились друг с другом. Рядом со мной спал Индус. Впрочем, он был киргиз, а не индус. Иногда мы с ним болтали.

- Компас, вот ты ради чего пошёл на войну? Ради того, чтобы защищать свою Родину, правильно ведь?

- Нет. Я пошёл на войну, потому что я трус. Я испугался тюрьмы, и вот я здесь. А ты ради чего пошёл на войну?

- Я – ради будущего своей семьи: жены и детей. Я сейчас отслужу ещё чуть-чуть, и в феврале мне уже паспорт дадут. Потом моя жена и дети смогут получить паспорт и переехать в Москву. В Москве хорошо! Столько возможностей!

- Ага, осталось только вернуться...

Коллектив получился хороший и дружный. Нам выдали кучу спальных мешков – хватило на всех. По вечерам была открыта банька – мойся сколько хочешь. В бане работали специально назначенные люди, которые и воду таскали, и дрова готовили, и печку топили.

Там даже были стиральные машинки, правда мне так и не удалось ими воспользоваться. Очередь на постирку была такая огромная... Я сдал в стирку целый комплект одежды: от трусов до кителя. Но вот я пришёл на следующий день – не постирано, через два дня – не постирано, через неделю – не постирано. В итоге мой комплект грязной вонючей одежды так и остался лежать в той бане, и по сей день лежит там.

Вскоре нам выдали броню и оружие. Оружие стандартное – АК-74. Мне достался «блатной» номер, в котором все числа шли по паре! Джек-пот! Я подумал, что это - знак удачи.

Броня, кстати говоря, была хорошая. Не такая хорошая, как моя старая броня, увы. В моей старой броне был пятый класс защиты, в этой броне был четвёртый. Но ничего, тоже сойдёт. А каски были просто загляденье – современные, с кучей карманчиков и крепежей.

Подсумков навывдавали целую гору, самых разных форм и размеров – каждый мог собрать бронежилет под себя, чем мы и занимались в свободное время. Подсумки для одного магазина или для двух магазинов, для гранат, для рации, запасные универсальные подсумки, для лопаты, и такие, и такие, и такие... Красота!

Некоторые из нас покупали себе бронежилеты ещё дома. Например, у одного был свой бронежилет за сто двадцать тысяч рублей, с керамикой, пятый класс защиты, с напашником. Конечно, Индус щеголял в своём бронежилете, а не в казённом. Кто-то привёз из России обвес для оружия. Один из бойцов целый вечер устанавливал на свой автомат крепление «ласточкин хвост» и оптический прицел.

В лагере всё-таки были и врачи, но они помогали не всем. Наш одноглазый товарищ таки добился отправки в госпиталь – из его глаза постоянно вытекала кровь и гной. А вот парень с костылём остался не у дел – у него просто забрали костыль и сказали: «Служи давай, симулянт!». То же самое и толстячок, ожидавший операцию на позвоночник. С ним разговор тоже был короткий: «Вот вернёшься в Россию – там и делай свою операцию». Но, если у кого-то из нас поднималась температура, врачи забирали пациента в отдельный блиндаж и лечили его парацетамолом.

Когда нас снарядили, то начались тренировки на полигоне. Хоть на дворе и был декабрь, но температура прыгала около нуля: дороги были все в чمه. Каждый раз, когда мы выезжали на полигон на «Урале», мы боялись застрять посреди дороги. Я узнал этот полигон – я уже был здесь больше чем полгода назад! Всё то же стрельбище, всё то же метание гранат, всё та же медицина. Я снова пострелял из РПГ, по тому же склону холма, что и в апреле. Мы снова отработали метание жгута и турникета. В этот раз нам выдали по два турникета каждому! Вот это да! Вот это щедрость!

Снова инженерное дело, где нам показывали, как подрывается тротил. В этот день у одного из наших был день рождения. Инструктора разрешили

ему подорвать все четыре тротилловые шашки разными способами. Инструктор взял одну тротилловую шашку, воткнул в неё бикфордов шнур, поднёс зажигалку и говорит: «Именинник, вот твой праздничный тортик! Ща свечку зажгу, а ты задувай скорее, да желание не забудь загадать!»

Медики рассказывали анекдоты и байки, услышанные от штурмовиков. Одна из баек была про «мину-лягушку» – ОЗМ (осколочная заградительная мина). Она закапывается в землю, а затем вокруг неё натягиваются растяжки. Когда человек цепляет растяжку, то мина выпрыгивает из земли, разделяясь на две части. Нижняя часть остаётся под землёй, между верхней и нижней частью протянут тросик, и как только верхняя часть выпрыгнула на высоту около полуметра, тросик натягивается, и верхняя часть взрывается, разбрасывая осколки вокруг себя. Обычно это смертельно.

«Выходит, значит, мужик срать... -Мы уже поняли, к чему всё идёт, и начали угарать - ...вышел он срать, спускает штаны, садится – и тут цепляется за растяжку! А мина-лягушка прямо под ним! И вот, лягушка выпрыгивает – и прямо ему в жопу! А тросик-то не натянулся, жопа ниже была. И в итоге мина не взрывается! Мужик живой, но – с миной в жопе!»

Когда инструктора проводили весь курс занятий, и им больше нечего было рассказать, мы просто сачковали посреди опушки. Как-то раз был небольшой дождь, и инструктора вызвали нашего старшего Фонаря. Когда он вернулся, то довольный, с улыбкой на лице, предоставил нам выбор:

- Значит так, brave советские разведчики! У нас есть два варианта. Вариант А: мы сейчас отрабатываем штурм во-о-он того холма. Вариант Б: мы сейчас отрабатываем разведение костра и обогрев личного состава у этого костра.

Естественно, мы все были в восторге от варианта Б.

По дороге обратно в лагерь мы частенько останавливались около магазина и закупались продуктами. Один раз мы купили несколько упаковок

пельменей. Правда, в блиндаже у нас не было ни кастрюли, ни котла. Так что было принято гениальное решение варить пельмени в ведре. Пельмени из ведра получились вполне съедобными.

А ещё мы покупали энергетики... тонну энергетиков! Энергетики на войне легко идут вместо воды и любого другого питья. За день на блиндаж легко могло быть выпито под сотню энергетиков.

Хоть коллектив был и хороший, а тем не менее всё это время я думал, как бы вернуться обратно к своим. Я спрашивал у Фонаря: как перевестись в мой старый батальон? Фонарь задавал этот вопрос вышестоящим командирам, но ответ всегда был один: никак. Никто меня переводить не собирался – это никому не было нужно. А моё желание в расчёт не принималось.

Так мы и просидели в этом лагере пару недель. Но эта райская жизнь – всего лишь тренировка, «акклиматизация» перед отправкой в бой.

Глава 4. Лагерь под городом М. Линия фронта. Зима 23.

В конце концов настал тот день, когда нам объявили об отправке. Рано утром подъём и сразу новость: через полчаса получаем аптечки, через два часа быть готовыми у машин. Аптечки нам выдали нормальные: ни плохие, ни отличные – нормальные.

Мы упаковали свои вещи и спальные мешки да побрели к машинам. Уезжали не только мы: ехало сразу несколько команд. Конечно же, старые добрые «Уралы». Я уже так привык ездить в них. Год назад это казалось мне таким некомфортным...

А сейчас – благодать! Сиди себе да музыку слушай в наушниках.

В бронежилете.

Мы снова проезжали через территорию России, снова всё те же магазины, всё те же посты на границах. Снова несколько бутылок крепкого в кузове «Урала». Кто-то достал гашиш, забил водник и всем сразу стало так хорошо...

На обкурку,

На обкурку,

На обкурку, на обкурку

Становись!

Конечно же, мы ехали целый день, а на фронт прибыли уже в темноте. Распределительный пункт встретил нас тёмными силуэтами каких-то развалин и ангаров. Мы уже давно понимали, что никакой тыл нам не светит... И в отпуск мы тоже не пойдём... Возможно, уже никогда...

Мы – штурмы!

Нас перегрузили из одних «Уралов» в другие: теперь вместо трёх грузовиков было всего два. Людям пришлось утрамбовываться. Для меня и для Фонаря не хватило места в этом элитном салоне, так что нам пришлось сесть прямо на откидной борт. Я благодарил судьбу за то, что на мне был тройной поджопник, иначе моя жопа превратилась бы в отбивную. Мы кое-как держались руками за перекладыны сверху. Руки затекли. Ягодицы болят. Ноги затекли: я даже не мог поставить их на пол кузова – не было места для ноги. И каким-то невероятным образом мне ещё удавалось курить и даже вскрыть последний энергетик.

Наконец, глубокой ночью, мы добрались до села П. Это была точка погрузки-разгрузки около лагеря под городом М. Здесь стояли штурмовики нашей бригады.

Мы разгрузились, отметились в штабе, и нас повели расселять по блиндажам. К счастью, здесь уже было полно готовых блиндажей, где были свободные места. Или не к добру эти свободные места?

Уже на пути от села П. до блиндажа я осознал свою немощь. Идти было недалеко, меньше километра по лесу. Но я переоценил свои силы, когда собирал вещи. На мне был бронежилет, каска, оружие, столитровый рюкзак и спальный мешок. А ещё я надел тёплые зимние штаны, которые очень мешали мне передвигать ногами. Я выдохся. Сначала тяжело дышал, потом начал хрипеть, потом повалился на землю. Рюкзак висел на мне мёртвым грузом. Я очень медленно и печально тащился до блиндажа. В итоге меня поселили не с тем коллективом, с которым мы ехали, а в соседний блиндаж, к местным старожилам.

Ну как старожилам... Позже я узнал, что они здесь около месяца, и они уже старожилы.

В эту ночь у меня не было сил ни на что. Я не хотел ни с кем знакомиться. Ни есть, ни разбирать вещи. Только лечь в тепло, лежать и спать, что тут же и сделал. Проспал я до полудня.

Когда я проснулся, мне наконец-то удалось рассмотреть окружающий мир и познакомиться с людьми. Место было очень живописное и пригодное для жизни – а главное, безопасное. Негустой хвойный лес со всех сторон, множество тёплых обустроенных блиндажей, туалеты с сидением, склады, генераторы. В блиндаже было какое-никакое электричество, хоть и не круглые сутки. Печка, куча дров, инструменты, топоры и бензопилы – всё есть! Пользуйтесь на здоровье! И по нам ничего не прилетало.

Солдаты вокруг доброжелательные, понимающие. И командир вроде бы адекватный, как мне показалось. Врио командира роты, был юморной мужичок, который общался с нами на равных. Однако, когда я заговорил с

ним о переводе в свою старую бригаду, он сразу же сказал мне, что это невозможно. Как и все до него.

Я познакомился с некоторыми старожилами из моего блиндажа. Больше всего мне импонировал товарищ по кличке «Винт», мужичок около сорока лет, бывший психолог, которому не удалось построить свою карьеру в этой стезе. Он пошёл по контракту совсем недавно, пару месяцев назад, из патриотических чувств. Они у него ещё сохранились... Винт мне показывал, что где находится и с кем мне стоит познакомиться.

В нашем блиндаже жило около дюжины бойцов. Двое из них уже пережили два штурма – и они считались опытными. Оба весёлые ребята, дружелюбные и общительные. Но всего через пару часов после нашего знакомства их вызвали на боевое задание.

Они ушли... и больше не вернулись.

С нами также жили двое зетов-уголовников, которые подписали контракт ещё весной ради амнистии. Контракт у них должен был закончиться через три дня. Но вот вечером их тоже куда-то вызвали.

Они также ушли... и не вернулись.

Другие мужики тоже были опытными. Я толком не общался с ними. Через пару дней их вызвали.

Они ушли и не вернулись.

На следующий день вызвали ещё одного бойца из нашего блиндажа. Его назначили командиром группы в закреп. Хорошо хоть, что не в штурм.

Он ушёл, и не вернулся.

Со временем я начал понимать, откуда здесь везде так много бесхозных вещей. Люди уходят и не возвращаются...

За неделю, что я провёл в лагере, вернулся всего один человек – «Сайга». Он ушёл в закреп неделю назад и наконец-то вернулся живым и здоровым.

Один-единственный из всех.

Сайга давал мне множество советов: как лучше обвесить бронежилет, что лучше взять с собой на боевое задание, как пользоваться картами. Но, честно говоря, я так и не разобрался, как пользоваться картами. На моих старых позициях всё было легко: там я привык к местности за пару недель. Здесь же местность была для меня новая, и мне предстояло идти туда, где я ни разу не был.

На складе нам выдавали всякую всячину: куча еды, гуманитарки и даже новогодние подарки с пряниками. Как-то вечером нам принесли кучу носков. Носки были тёплыми, спору нет. Но они были ярко-розовыми!

Видимо, они не пользуются спросом – вот их и решили сплавить военным в качестве гуманитарки. На самом деле, под обувью всё равно не видно, какого цвета носки. Я решил по приколу надеть розовые носки. А почему бы и нет? Буду стильным, модным, молодёжным. Такие выдали!

Меж тем нас распределили по штурмовым группам. Мы же штурмы... Я попал в группу, где командовал боец с кликухой «Кабан». Мне не понравился этот мужик. Он старался, да. Но с первого же взгляда я понял, что он «нормальный пацан с района», который базарит по понятиям. Я всегда чувствовал угрозу от пацанов с района. И такой мужик был моим командиром.

Тем не менее, он старался нас подготовить к тому, что нас ждёт. Мы собрались всей группой в беседке, он начал объяснять, кто в каком порядке пойдёт. Кто пулемётчик, кто помощник, кто гранатомётчик, кто помощник, кто санитар, кто ведущий, кто замыкающий. Он даже собирался сводить всю группу на стрельбище – да, здесь даже было своё стрельбище.

Ну как стрельбище: консервные банки на склоне холма. Но я сейчас про другое: у нас было время и организованность. Мы привыкли друг к другу, познакомились с командиром. Мы знали друг-друга в лицо. Если вы считаете, что это само собой разумеется и не важно – ни хрена. Запомнить лицо товарища, его голос, его походку – на всё это требуются дни, если не недели. И на боевом задании, если этого не будет – то будет огонь по своим.

На пятый день началась какая-то суета. После обеда командир роты вызвал нашего командира взвода и нашего командира группы Кабана. И всех остальных командиров тоже. До самого вечера они что-то планировали, настраивали связь, устанавливали карты. Вечером нам объявили, что все мы выходим на штурм завтра рано утром, ещё до рассвета.

Я быстренько собрал свои вещи: конечно же, я не стал брать с собой свой тяжеленный рюкзак. Я собрал только патрульный «Ратник» на двадцать пять литров. Пара бутылок воды, немножко еды, одна шоколадка и два тяжеленных пулемётных короба для пулемётчика – вот и весь мой багаж. Я очень боялся замёрзнуть насмерть, поэтому снова нацепил на себя тёплые ватные штаны. Но ничто не могло меня на самом деле подготовить к этому штурму. Я лёг спать.

Глава 5. Праздничный штурм. Посёлок Л. Линия фронта. Зима 23-24.

Рано утром мы начали выдвигаться на штурм. Вообще в зоне активных боёв три категории солдат: штурмы, закрепы и эва. Штурмы, собственно, штурмуют – идут в квадрат, где сидит противник, уничтожают противника и занимают там круговую оборону.

Спустя день-два (а, возможно, неделю) штурмов заменяют закрепы. Эти ребята сидят на позициях: закрепляются. Закрепы должны держать оборону длительный срок. Эва – это эвакуаторщики, караванщики и

проводники. По-хорошему, эва не вступает в бой. Эва выносит раненых, доставляет провиант, патроны и батарейки для рации, а также заводит и выводит группы. Однако, по факту, каждый солдат может сменять эти три роли в зависимости от приказов: эва может стать в закреп, а закреп может пойти на штурм. Мы были штурмовиками – нам это сказали сразу же.

Рано утром я нацепил на себя всё своё снаряжение, мы встретились с Кабаном и остальной группой, и двинулись в путь. Уже в этот момент я понял, что снова выдыхаюсь, даже с лёгким рюкзаком. По пути нас встретил командир роты, дал нам новые частоты для связи и пожелал удачи. Перед нами на большой дистанции шли ещё два группы. Первый пункт – это дойти до «Форта».

«Форт» – место старта штурмовых групп. Здесь же сидят и медики. До «Форта» было идти около пары километров, и мне этот переход дался очень тяжело. Я снова выдохся. Дойдя, мы всё-таки сделали привал, и я отдышался. Группы, идущие перед нами, тормозили. У нас было около получаса простоя. Позже мы двинулись дальше. Идти до зоны штурма было ещё несколько километров. Я тяжело дышал, хрипел и хныкал. Я был самым слабым звеном нашей группы.

На каждом открытом участке пути Кабан ругал меня всеми возможными словами. Он хотел орать, но надо было вести себя тихо, так что он шипел сквозь зубы: «Компас, блять. Быстрее. Долбоёб ебаный. Нас же из-за тебя убьют. Здесь открытый участок, его надо перебегать. Через не могу, через не хочу. Сука, быстрее блять. Компас, нахуй. Почему ты, долбоёб, мне раньше не сказал, что ты не выводишь по физухе?»

- А что я бы тебе сказал? Что я бы тебе сказал? Как будто кто-то меня слушать станет?

- Сука, ты такой конченный пидарас. Быстрее переступай ногами своими ебаными. Сука, где наши? Ты, конь ебаный, должен был следить за теми, кто

впереди. Какой же ты ебаный конь. Ну и куда теперь идти? Мы отстали из-за тебя, пидарас ты дырявый. Сука, ты понимаешь, что сейчас тебя никто домой не вернёт? Хватит хныкать, как девочка, пути назад нет. Иди вперёд, сука. Бля- я-ять, я тебя обнулю там. Бля буду, я тебя обнулю, и все мне спасибо за это скажут. Мы там должны друг другу помогать, а ты даже сам себе помочь не в состоянии, гнида ты тупорылая. Какой же ты долбоёб, Компас!

Наконец, мы хоть куда-то дошли. Это был лагерь «Маникена» – несколько блиндажей, где жила Эва. Эти ребята пришли сюда примерно на две недели и жили вблизи передовой, примерно в километре от боёв. Они занимались выносом раненых и доставкой. Среди них были проводники.

Лагерь Маникена, командира Эвы – это ближайшее к передку место, где могли оказать первую доврачебную помощь, спрятать и вынести дальше в тыл. У Эвы было достаточно бинтов и жгутов: пусть они и не были настоящими медиками, но они умели продлить человеку жизнь на несколько часов.

Здесь мы остановились надолго, на целый световой день. Мы спрятались от дронов под масксетью и просто лежали, лежали, лежали. Первая группа уже вела бои, вторая группа стояла перед нами в ожидании. И мы тоже ждали. Может, мы не понадобится? Может, они выполнят задачу, и мы вернёмся? Может, произойдёт чудо?

Ребята из Эвы накормили и напоили нас. Но есть и пить не хотелось. Не хотелось ничего. Только обратно, в тёплый и безопасный блиндаж. На дворе зима. Холодно. Пить не хочется. На мне берцы. Ноги уже стёрты в кровь долгим переходом. Мозоли на пятках болят. Из них идёт кровь, но я этого ещё не знаю. Каждый шаг причиняет боль. Холодно.

В лагере Маникена до меня наконец дошло, что же мне так сильно мешает шагать: тёплые ватные штаны не по размеру. Они спадали с талии на ягодицы. Я решил плюнуть на сохранение тепла и снял зимние штаны –

остался в одних летних армейских штанах. Конечно же, на мне ещё было термобельё. Но оно не спасало. Холодно.

Пока мы шли от до Маникена, мы потели. Из нас выходила вся та жидкость, которую мы пили в лагере. В безопасности мы пили в нормальном режиме: два-четыре литра жидкости в сутки. Я мог и пять литров жидкости в сутки выпивать – я водохлёб. В дороге всё это превратилось в пот. И теперь одежда была насквозь мокрая. Холодно.

Мимо нас провели двух пленных хохлов. Я впервые за всю войну увидел хохлов. Они не делали лишних движений и молчали. С них уже сняли броню и отобрали оружие. Их форма была так похожа на нашу... Издалека не отличишь своего от чужого. Сейчас их досматривали и готовили к конвоированию дальше в тыл. В их глазах был страх. По радиии шли споры, что с ними делать дальше: вести на допрос или обнулить на месте. В итоге их куда-то увели.

С наступлением сумерек мы двинулись дальше. У нас был проводник из Эвы, он довёл нас до следующего опорного пункта. Здесь деревья были уже все лысые. Хвои нет. Ветки обломаны постоянными обстрелами. Стволы повалены на тропу. Этот переход дался мне уже немного легче, так как я снял тёплые штаны. Нас ждали неглубокие траншеи, блиндаж и одно крытое пулемётное гнездо глубиной полметра. Залезть туда можно было только ползком. Кто-то забрался в блиндаж. Фонарь, ещё один боец с позывным «Змий» и я забрались в пулемётное гнездо. Холодно.

Тут нам предстояло провести всю ночь. Спальные мешки мы с собой не взяли. Так и спали прямо на земле, на дне ямы. Яма продувается ветром с двух сторон. Зубы стучат, меня колотит, ноги замёрзли без тёплых штанов. Холодно.

Но мы хотя бы выспались. Полдня мы провели в этой промёрзшей яме. Сон беспокойный. Я постоянно просыпался от взрывов и от холода. Но и

такого беспокойного сна было достаточно. Везде вокруг песок. Вся одежда в песке. Все перчатки в песке, руки в песке. Все глаза в песке. Как только у меня не начался конъюнктивит? Как только у меня не началось воспаление лёгких? Воистину, на передовой гораздо меньше всякой заразы, чем в России.

Меня поражает способность человеческого иммунитета адаптироваться к экстремальным условиям. Дома подобная антисанитария и холод сразу уложили бы меня в постель. Здесь же я был живее всех живых. Да, было невероятно тяжело и холодно. Но при всём при этом я осознаю: на передовой я чувствую себя лучше, чем дома. Дома постоянно что-то болит, что-то ноет. А здесь все болячки как будто уходят в спящий режим. Организм говорит мне:

- Э-э-э, нет, дружок. Сейчас болеть некогда. У нас есть проблемы посерьёзнее. Нам выжить надо. А болеть будем дома.

Но стоит вернуться в тепло и комфорт – и болячки возвращаются.

Утром посветлу нас разбудил Кабан и сказал быть готовыми к выходу. Тут произошёл неожиданный поворот.

Кабан решил избавиться от двух человек: от меня и от ещё одного бойца, растянувшего ногу в пути – Кабан приказал ему выходить и идти к медикам. Я же был самым слабым звеном в группе – Кабан решил, что от меня будут только одни проблемы и захотел сплавить меня другой группе. Он приказал мне присоединиться к сапёрам, отобрал у меня рацию и пулемётные короба. Тем лучше, мне меньше груза тащить на себе.

Вся моя группа ушла. Они оставили меня. Я же сидел в блиндаже с сапёрами. Наш проводник с позывным «Аполлон» ждал подходящего момента, чтобы двинуться вперёд.

Перед нами была дорога.

Полевая дорога шириной пятьдесят метров, просматриваемая и простреливаемая со всех сторон – особенно с воздуха. А за дорогой был лес.

Тот самый, за который шли бои. Часть квадратов была наша – часть квадратов контролировалась ВСУ. Между нашими бойцами и бойцами противника пятьдесят метров.

А за проклятым лесом была посёлок Л. Тот самый, из которого нас обстреливали и куда пытались пробиться ещё летом и откуда ВСУ запускали десятки дронов.

Марионеточный губернатор оккупированной Россией области однажды заявил в СМИ, что в посёлке уже не осталось ни одного солдата противника.

Ха! В тот самый день, что я видел его рожу в помехах телеэфира, из этого посёлка по нам вели огонь. Вели оттуда огонь и сейчас.

Этот посёлок Л. нахрен не нужен был России. Мы не освобождаем эту землю, мы не защищаем эту землю. Мы лишь растягиваем линию фронта. Оттягиваем на себя часть сил противника. Весь этот штурм – лишь часть огромного отвлекающего манёвра.

Аполлон слушал небо. Небо было постоянно грязное. Пионер был осторожным и бывалым проводником, и не хотел погибать или губить группу – ведь ему же потом эту группу и эвакуировать. Мы ждали несколько часов, подгадали окно между дронами и перебежали в следующее укрытие перед дорогой. Но и тут постоянно кружили «птицы», работала артиллерия. Здесь мы тоже просидели несколько часов, а затем нам пришлось вернуться.

Наступали вечерние сумерки. Аполлон доложил, что группа не может зайти из-за грязного неба и повёл нас обратно к Маникену. Там сапёров ждал разнос за то, что они не выполнили задачу, и они решили попробовать зайти снова на следующий день.

А я теперь стал «потеряшка». Ничейный штурмовик, который потерял свою группу. Я стал спрашивать у всех вокруг: а что же мне теперь делать?

Хоть бы вернули обратно, хоть бы вернули обратно. Когда же этот кошмар закончится? Но у командования были на меня другие планы. Маникен связался со штабом, и оттуда последовал логичный ответ: пусть «потеряшка» заходит вместе со следующей группой.

А следующая группа уже была здесь. Командование посылало на этот конвейер смерти всё новые и новые группы. Старший в ней был боец с позывным «Мельник». Группу разделили на две половины: одна половина ушла с Мельником в блиндаж к дороге ещё сегодня вечером, а вторая половина, включая меня, осталась ночевать здесь, у Маникена.

Места в блиндаже для нас не было. Мы улеглись на мешки под маскетью и накрылись чьим-то спальным мешком. Ребята из Эвы накормили и напоили нас снова, они заботливо заваривали для нас горячий чай и угощали шоколадной пастой из сухпайков. Под спальником мы обсуждали всё те же темы: Когда домой? А ты ради чего на войну пошёл? Какие же командиры пидарасы, согласен? Контрактник по кличке «Мешок» честно признался: «Я здесь ради бабла! У меня жена, у меня дети, у меня любовница. На всё это нужно дохуя бабла! Жене то купи, любовнице это купи, детям вообще дохуя купи!»

Времени выспаться было достаточно. Опять беспокойный сон, «птицы» над головой, озноб, стучащие зубы. Холодно. В полночь наступил двадцать четвёртый год.

- С Новым Годом, мужики!
- Ага, с новым счастьем, блять.
- Заебись Новый Год отмечаем, да?
- Шампанского не хватает.

- Ага, и оливье да холодца.
- Праздничный Новогодний штурм у нас, мужики.
- Да, командиры нас порадовать решили, подарок приготовили нахуй.
- Как Новый Год встретишь, так его и проведёшь, да?
- Да иди ты нахуй!

Я лежал и думал. Я не воин. Я слабый, глупый и трусливый. Я не желаю победы. Но я очень везучий. Мой шанс выбраться отсюда живым – получить ранение и выйти на эвакуацию...

Только так... Это и есть план!

На следующий день, Аполлон снова повёл нас вперёд. Мы объединились с Мельником и долго ждали окна между птицами. Дальше нас повёл уже другой проводник, «Коса». Коса был адекватный и боевой парень. Он не боялся идти вперёд и вести людей за собой.

Около полудня мы пересекли дорогу и зашли в проклятый лес. Все три группы, что заходили перед нами, были разбиты. Все мои знакомые – либо «двухсотые», либо «трёхсотые».

Кабан убит. У него при себе была зашифрованная рация и телефон с картами и квадратами. Эти вещи не должны были достаться противнику. Местный командир с позывным «Батарея», отправил двух раненых, вытаскивать чёртову рацию и телефон.

Они не вернулись – погибли. «Затрёхсотило» Фонаря и Индуса. На моих глазах один из бойцов стал «овощем».

И ещё много, много людей... группа Батарей была разбита – остался только он сам, группа Кабана разбита.

Следующие на очереди были мы.

Коса вёл нас по лесу и слушал небо. Но слушать было бестолку. Укрытий рядом всё равно не было. А лысые деревья без веток и листвы плохо нас маскировали. Над нами «птицы». В какой-то момент мы решили просто рвануть вперёд. Мы побежали и успешно добрались до опорного пункта.

Всё по стандарту: блиндаж и неглубокие траншеи с парочкой огневых позиций. Здесь нас встретил Батарей. До противника было пятьдесят метров.

Мы ползком забились внутрь блиндажа. Здесь было два трупа солдат противника. Мы сидели и лежали на трупах. Вместе с Батареей тут сидело несколько легкораненых из прошлых групп, а также мой знакомый Змей. Змею пришлось тяжело: ему перебило ноги, а голова была вся в крови и бинтах. Он не мог идти сам, его ноги не слушались. Ранение в голову ударило ему по мозгам, левая и правая нога поменялись местами в его голове. Бедолага лежал здесь уже больше суток. И его никто не мог вытащить. Змей весил больше центнера, и это даже без бронежилета. Носилок здесь не было. А эвакуация погибала при переходе через дорогу в этот проклятый лес. Каждый день Эва теряла как минимум одного человека убитым или раненым при попытке вытащить очередного «трёхсотого» из этого пропитанного кровью леса.

Мысли путались в моей голове. В этом богом забытом месте «трёхсотиться» может быть уже поздно. Отсюда меня не вытащат. Если не выйду сам – мне конец.

Командир группы, растерялся и не понимал, что делать. Он не мог руководить людьми. Мы все чувствовали себя не лучше. Сразу, как только мы залезли в блиндаж, по этому блиндажу начали работать дроны и артиллерия. Прилёты были где-то недалеко. Гранаты падали прямо в траншеи у входа в блиндаж. Одна из них вызвала звон у меня в ушах: погребальный звон.

Батарея, видя потерянного комгруппы, взял ситуацию в свои руки. Он всё объяснял нам, докладывал обстановку по рации, подбадривал.

- Мужики, главное – не бздеть!

Но его слова пролетали у меня мимо ушей. Я не разбирал смысла, но чувствовал интонации. Он был уверен. Батарея был разносторонний человек. Он был уверенным и напористым командиром, который владел ситуацией и мог заставить людей исполнять приказы. Но, с другой стороны, как говорили люди, Батарея за всё время ни разу не вылез из блиндажа и не рисковал своей жизнью вместе со своими подчинёнными. Он был хитрый жук, который умел выживать на войне. И такой человек был нужен мне. Я чувствовал, что рядом опытный и ответственный товарищ. Пусть даже если он и гандон.

Легкораненые солдаты из прошлых групп пошли на выход. У них был свой проводник, который благополучно вывел их в безопасное место. А мы остались внутри и ждали приказа начать штурм. И такой приказ пришёл.

Но штурмовали уже не мы.

Штурмовали уже нас.

Внезапно снаружи раздались выстрелы: стреляли по нам. Батарея начал орать и по рации и одновременно на нас: «На нас напали! Вылезайте, отстреливайтесь! Давайте, давайте, в темпе, в темпе! Вот, держи гранату, кидай бля!»

Я вылез наружу одним из первых. За мной ещё двое. Мы залегли в траншее и стреляли чёрт знает куда. Я даже не пытался выглянуть за бруствер. Я просто стрелял в воздух, в сторону противника по-сомалийски, не целясь, приподняв автомат над головой. Я надеялся их отпугнуть. Остальные тоже стреляли. По нам стреляли. Вокруг прилёты миномётов. Над нами дроны, скидывают на нас гранаты. Прошло меньше минуты, и я почувствовал нежный поцелуй в правую кисть. Рука двигалась, но я таки получил своё заветное лёгкое ранение – мой билет подальше отсюда.

- Я «триста», лёгкий!

Я пополз задом обратно в блиндаж. На входе я крикнул снова: «Я «триста»! Рука, не могу стрелять! Меняемся!»

Обратно в блиндаж, подальше в угол. Вместо меня вылез Мешок. Батарея подаёт заряженные магазины и гранаты тем, кто снаружи. Комгруппы сидит в углу в ахуе. Коса стал осматривать мою руку.

- А, ну здесь хуйня! Ща замотаю!

Коса вскрыл бандаж и стал наматывать его мне на кисть. Он замотал очень качественно и крепко. Это спасёт меня в будущем.

Снаружи снова разрыв гранаты. И ещё. И ещё. Если противник не отступит, то нам конец. Товарищи снаружи тоже заползали внутрь с ранениями. Рядом со мной уселся раненый боец. У него из головы и из спины течёт кровь. Я ещё в трезвом уме, стал помогать ему, одной рукой перевязал ему голову. В блиндаж завалился ещё один «трёхсотый» с рассеченной спиной. Потом гранатой накрыло Мешка. Казалось, что он погиб. Батарея орал наружу: «Мешок! Мешок! Отзовись, ты как? Мешок!»

Но Мешок не отвечал.

Стрельба стихла. Противник отступил. Спустя минуту Мешок пополз обратно в блиндаж. Вся голова в крови, туловище в крови. Глаза бегают в панике, говорит с трудом. Всем нам крепко досталось, но, к счастью, все ранения были лёгкими – и все мы были ходячими. Четверо «трёхсотых» за десять минут. Это большая часть группы. Командир по-прежнему сидел в углу в ахуе. Мы перевязывали друг друга, перезаряжали магазины. В общем, руки и голова у меня были чем-то заняты ближайšie полчаса. Батарея хвалил нас: «Молодцы! Мужчины! Вы настоящие герои, мужики, я вами горжусь! Особенно Мешок, вообще красавчик! Ну всё, мужики, вы миллионеры! Уже придумали, куда три ляма потратите, а?»

Спустя полчаса после ранения адреналин в моей крови начал рассасываться. Возбуждение сменилось паникой. Тугой бандаж на моей руке больно стягивал пальцы. Давление у меня упало. В глазах темнело, в ушах звенело. Я не знал, куда деть голову и руку. Мои конечности начали по очереди сходить с ума: они пульсировали так, как будто я их отлежал. По очереди! Сначала раненая рука, потом здоровая. Сначала одна нога, потом другая. Или, может, мне это только казалось? И всё это при том, что моё ранение было сущей царапиной: маленький осколок вошёл и вышел из мягких тканей моей кисти. Заметив моё состояние, Батарей забеспокоился.

- Компас, тебя ещё куда-то ранило? А ну, снимай с себя всю броню. Одежду тоже снимай!

Меня осмотрели и не обнаружили никаких других повреждений. Тогда Батарей начал ругаться на меня: «Блять, да у тебя царапина ебаная, а ты ведёшь себя, как девочка! Я вам сколько раз говорил, не надевайте в бой эти балаклавы ебанные! Как ты в ней небо будешь слушать? А нахуй ты бушлат так застегнул? Чтобы я заебался его расстёгивать на тебе? Что у тебя в кармане? Бля, документы нахуй? Они должны быть в нагрудном кармане! Сука, как я ненавижу вас, мобилизованных! Только и можете, что ныть и хныкать! Ой, меня заставили пойти на войну, какой ужас, мама забери меня обратно! Работать надо, а не плакать!»

Его слова и интонации сработали. Как ни странно, Батарей удалось таким образом привести меня в чувство, за что я премного ему благодарен. Мне действительно стало немного лучше. Я опустил голову между колен и стал ждать. Подо мной лежал труп украинского бойца.

Мы ждали и ждали подходящего момента, чтобы выйти и вернуться к своим.

Только бы выйти. Только бы выйти...

Коса хотел вывести нас по сумеркам. Так что мы ждали, когда начнёт темнеть. Мои мысли уже не занимало будущее комгруппы и тех из нас, кто остался здоровым. Пусть судьба хранит их. А мне бы сейчас выбраться самому. Только Змея мне было безмерно жаль. Он не мог идти. Батарей пытался заставить его идти, ругался на него так же, как ругался на меня.

- Бля, Змей, ты же как-то сюда заполз! Ты понимаешь, что это твоя жизнь!

- Батарей, я понимаю, но я не могу...

- Блять, мы не сможем тебя вытащить! У нас четверо «трёхсотых», как мы твою тушу потащим? У нас даже носилок нет.

- Батарей, у меня ноги живут своей жизнью. Я не могу идти.

- Ты так и будешь лежать, пока не сдохнешь! За тобой никто не придёт!

Увы, на Змея объективно не работала ругань Батарей. В ногах у Змея были осколки, в голове тоже. Змей остался лежать здесь.

Темноты мы так и не дождались. Мы просидели в этом блиндаже часа три, и в один страшный момент услышали хлопок недалеко от входа снаружи. Взрыва не последовало. Но спустя минуту, Коса, сидевший у входа, начал сильно кашлять. Потом начал кашлять Батарей.

Газ.

Мы натянули на лицо шарфы, чтобы защититься от едких клубов. Противогазов ни у кого не было. Их давно уже все повыкидывали. Их уже даже не выдавали. Война не та.

Это был не отравляющий газ, к счастью. Химическим оружием на этой войне пользуются очень редко. Это был «перец» – полицейский газ, который вызывает слёзы и удушье. Не смертельно. Но Коса решил не рисковать здоровьем.

- Выходим сейчас.

Второй раз повторять было не надо. К тому моменту я уже давно сбросил и оружие, и броню. Броня сейчас будет меня тормозить. Мне нужно убежать. А для этого нужна лёгкость, иначе я опять выдохнусь. Я знал, что как только я начну двигаться, моя голова придёт в норму, адреналин снова подскочит и мне станет лучше. Так и вышло.

Мы в темпе выползали наружу и побежали по лесу в сторону дороги. По пути один из бойцов запутался в ремне поджопника. Я знал, что если он сейчас отстанет, то не найдёт дорогу. Так что я остановился и подождал его, держа в поле зрения и его, и идущих впереди. Нам невероятно повезло. Дроны видели нас, но ничего больше не сбрасывали. Артиллерийский обстрел приостановился. Солдаты противника не стреляли в этот момент. Каким-то чудом наша группа из четырёх раненых, проводника и Батареи благополучно добралась до дороги, пересекла её и побрела в сторону Маникена.

Чем дальше мы шли, тем безопаснее и спокойнее становилось. «Птички» нас не преследовали. Добравшись до своих, мы наконец остановились и отдышались.

- Пить! Пожалуйста, пить!

Здесь была вода. Здесь были свои. Здесь была тропа до «Форта». Там были медики. Теперь то уж всё будет хорошо. Мы выбрались. Осталось только дойти ещё пяток километров. Вереница побитых и уставших людей плелась по тропинке.

По дороге я слышал переговоры по рации. Офицер, командовавший штурмом, был крайне недоволен. Люди закончились. Вчера была рота. Сегодня нет роты.

Нет роты!

Как говорил один товарищ: «У них люди закончились, поэтому прислали нас. Скоро и мы закончимся». Так и вышло. Мы закончились. Офицер орал в рацию: «Пусть командир роты сам сюда идёт! Если люди, которых он отправляет на штурм, не справляются – пусть сам штурмует нахуй. Собирайте новую штурмовую группу: командира роты, писарей, каптёров, старшину, поваров! Всех, кто остался нахуй!»

Наконец, «Форт» показался впереди. Здесь был блиндаж-палата для раненых и блиндаж-операционная. Мы все сидели под землёй и ожидали осмотра медиков. Когда они смотрели мою руку, они оглядели тугой бандаж, который намотал мне Коса. Со стороны выглядело так, как будто мне оторвало руку. И они решили не разматывать бандаж.

Мне крайне повезло. Ведь если бы они его размотали, они бы увидели, какое же маленькое там ранение – и оставили бы меня здесь. Помазали бы зелёнкой и отправили бы на следующий штурм. Но тугой бандаж Косы спас меня. Я был записан на эвакуацию в Россию, как и все мы. Скоро за нами прибыла машина и мы покинули этот проклятый лес.

Я самый везучий засранец на этой войне! Изи три ляма! Друзья будут называть меня «фармила». Такие бабки – и так легко отделался.

It just works, it just works

Little lies, stunning shows

People buy, money flows, it just works

It just works, it just works

Overpriced open worlds

Earnings rise, take my word

It just works

It just works

It just works

It

just

works

Четвёртый заезд.

Глава 1. Лечение моей царапины. Украина-Россия. Зима 24.

Бригадный медпункт в посёлке Ш. был уже наполовину заполнен ранеными. Всех нас снова осмотрели, обкололи антибиотиками и перебинтовали. Здесь мне уже размотали руку, и местный медик посмеялся над моим ранением: «О, да у тебя фигня полная. Я думал, тебе всю кисть разворотило, а у тебя так, царапина. Ну ладно, всё равно свои три ляма получишь, отправим тебя в Россию.»

С нас собрали данные, а уже через полчаса нам подали машину до России. Я был доволен. Следующий пункт – граница. Знакомое здание, знакомая обстановка. Здесь должны были выдать форму «сто» – это уже, считай, три миллиона почти в кармане. Мы уселись на лавочки и стали по очереди беседовать с медиками. Прямо в этом же зале проводились операции для тяжёлых. Медики были понимающими – выписывали справки формы «сто» всем, кто к ним попал. Врач, сидевший передо мной, смотрел на моё ранение с пренебрежительной усмешкой, но никаких лишних вопросов не задавал. Он заполнил форму и протянул её мне.

- Три ляма. Свободен!

Соседний врач осматривал мужичка с повреждением указательного пальца. Это ранение тоже пустяковое. Мужичку не повезло, врач решил устроить ему головомойку.

- Вот смотри, рядом с тобой сидит парень с огромной дырой в плече. У него артерия пробита, у него кость сломана. А у тебя пальчик кровоточит. Ему три ляма. И тебе три ляма. Как ты считаешь, это справедливо?

Вопрос бессмысленный и провокационный. Нет правильного ответа на этот вопрос. Врач просто издевался над бедолагой с повреждённым пальцем. Но, в итоге, даже этот мужичок получил свою форму «сто». Врач наиздевался вдоволь и всё-таки всё подписал.

В вестибюле нас ждал чай и пряники. Под Новый год гуманитарщики привезли подарки. Когда все раненые были осмотрены и оформлены, нам подали машину на следующий пункт.

Мы ехали в бывший санаторий. Ничего особенного, ещё один пункт распределения. Здесь уже была большая перевязочная и рентген. Каждому поступающему делали рентген и перевязывали. Это занимало огромное количество времени. Мы просидели до утра. Ну, хотя бы здесь тоже были пряники и питьевая вода.

Людей записывали в очередь для эвакуации в Россию. Мы три дня ждали своей очереди в огромном спортзале с длинными рядами двухэтажных коек. Моё ранение было пустяковое, так что меня заселили на второй ярус. Здесь я встретил своих знакомых. Мы обсуждали наши ранения, проклятую мясорубку, судьбы других товарищей. Все разговоры были одинаковыми...

Через три дня мою фамилию назвали, и я отправился на погрузку в машину. Мы ехали в госпиталь. Когда мы доехали и столпились в курилке у дверей госпиталя, я внезапно увидел ещё одно знакомое лицо.

- Ремень! Ремень, блять, ебать мой лысый череп! Это ж я, Компас, мы, наверное, год не виделись! Помнишь, на пасеке под деревней И. вместе стояли?

- Компас, ни хуя себе! Сколько лет, сколько зим, здорова! Ты «трёхсотый»?

- Да, вот в госпиталь приехал. А ты то как? Ты выздоровел после того ранения?

- Да, как видишь.

- Охуеть. Тогда говорили, что ты и суток можешь не прожить, а ты вон, выкарабкался! Красавчик! Ну ты где сейчас?

- Да вот, мне после ранения присвоили категорию В и оставили служить в России. Я ж водитель. Теперь «трёхсотых» вожу. Так это я тебя только что вёз?

- Охуеть, получается ты меня вёз. Ну, красавчик, чё. В безопасности служишь. Круто!

Ремень хорошо устроился. Повезло ему. Жаль, конечно, что его не отпустили домой с концами. Но так тоже хорошо.

В госпитале была моя конечная остановочка. Эвакуировать дальше меня не стали. Я попал на приём к своему хирургу – это был адекватный и понимающий врач, у которого было несколько десятков пациентов. Конечно, он знал, какая судьба нас ждёт дальше. Хирург объяснил мне, что меня здесь подержат неделю, а потом отправят обратно на войну. Организованно. Свободы перемещения не будет. Отпуска не будет, выхода в город тоже.

Ко мне на посещение приехал мой отец, мы постояли десять минут у турникета на КПП и пообщались. Дальше нельзя. Отец привёз мне все необходимые вещи. Ведь вся моя поклажа осталась на позициях. Оружие брошено, броня брошена, рюкзак «Ратник» брошен. Спальный мешок и столитровый рюкзак с вещами остались в лагерьном блиндаже. Всё осталось там: сменная одежда, обувь, бытовые вещи. С меня опять «выпал лут»!

Мои вещи присоединились к остальным бесхозным вещам в том лагере. Так вот, откуда они берутся...

Мои потребности снова сократились. Я уже не просил привезти столитровый рюкзак со всякой всячиной. Я помнил, как тяжело было нести его. Раньше я жил на позициях месяцами. Теперь я прожил на позициях

восемь суток. Приходило понимание: что из вещей нужно, а что нет. Куча запасной одежды, запасная обувь, газовые горелки, удлинители, инструменты – всё это идёт нахуй. Это мне не понадобится. Один лишь «Ратник» со всем необходимым да спальный мешок – вот и всё, что мне нужно.

Один новый комплект одежды и обуви – тот, что я надену на себя. Сигареты, рация, мультиинструмент, ножницы, мультиложка, павербанк и провода, фонарь... Ещё несколько мелочей... Другие вещи мне не нужны, ими я не успею воспользоваться... С каждым заездом всё меньше и меньше вещей... Всё равно всё пропадёт...

В госпитале я встречал и других знакомых. Здесь была почти вся наша рота: одни остались здесь на лечение, другие ждали дальнейшей эвакуации. От Фонаря я узнал, что Змея всё-таки вытащили из того проклятого леса. За ним пришла эвакуация и его вынесли. Сейчас он уже лечил свои ноги и голову. Через весь череп у него шёл огромный шов.

Многие были в ужасном расположении духа и не хотели ехать туда обратно, при том, что они были контрактниками.

- Может, отсидеть лучше? Мы все там погибнем. Они роту положили за три дня...

Здесь же встретил Косу. Его затрехотило через день после меня, но он по-прежнему был в весёлом боевом настроении: «Я за месяц сделал шесть лимонов! Жене букет цветов отправил на пятнадцать тысяч. Скоро на квартиру накоплю! Ты прикинь, мы взяли те квадраты! Вчетвером! Пришли заряженные шторма, я пошёл вместе с ними. Я троих хохлов там завалил, один из них мне куртку и руку прострелил, сука. Куртку жалко блять!»

Мне совсем не хотелось быть крутым штурмовиком, как Коса. Никакой гордости в тот момент у меня не вызывали ни взятые квадраты, ни убитые украинцы.

Шесть миллионов, это конечно замечательно. Но смогу ли я воспользоваться своими миллионами?

Интереса ради я начал искать информацию, как проходила демобилизация во время Великой Отечественной Войны. И я выяснил, что последние мобилизованные вернулись домой в начале пятьдесят третьего года. Почти через восемь лет после окончания войны... Их никто не собирался отпускать домой ещё восемь лет... После всего, что я увидел, я понял, что сейчас будет точно так же. А может быть, будет хуже.

Великая Отечественная Война шла четыре года. А война на Украине идёт уже... Нет, не два года. Война на Украине идёт уже десять лет. Десять! И сколько она ещё продлится?

Продвижения нет. За последний год войны Россия захватила менее процента территории Украины. Российское вторжение захлёбывается. Все эти мясные штурмы не приводят ни к каким результатам. А Россия всё продолжает и продолжает отправлять людей на смерть. Россия истребляет свой собственный народ...

Я не вернусь домой никогда. Я закончусь раньше, чем закончится война.

Я начал бить тревогу. Я здесь погибну! Я хочу обратно, в свой старый батальон!

Моя семья вышла на связь с одним из штабных офицеров моего батальона. Мы обменялись контактами. Офицер передал мой номер телефона Якорю.

Якорь... Кто бы мог подумать, что я с теплотой буду вспоминать его. Однажды вечером он мне позвонил. Его голос звучал по-товарищески:

- Компас! Здорова! Ты заебал осколки собирать!

- Здравия желаю, Якорь!

- Ты там свои солнечные очки то сохранил?

- Сохранил, как ни странно!

- Ну заебись, красавчик! Ну что, хочешь обратно вернуться?

- Конечно хочу!

- Ну смотри, я к тебе могу отправить офицера, чтобы забрал тебя. Узнай, тебя отдадут вообще?

Я пошёл в канцелярию госпиталя и стал спрашивать. Мне объяснили, что нужен такой-то такой-то документ, чтобы меня отпустили с сопровождающим. Если документ будет – без проблем. Но только госпиталю нет дела до разборок между воинскими частями. А я ведь был с другой бригаде! Перевод солдата из одной бригады в другую должен быть согласован. Госпиталь может меня отдать, им плевать. Но это будет воровство. Солдата спиздили!

Я объяснил ситуацию Якорю и тот стал что-то думать, решать.

Но когда пришло время выписываться из госпиталя, Якорь не смог договориться с бригадой о моём переводе. Я пытался тянуть время, как мог. Автобус с солдатами заполнялся и заполнялся – я стоял в сторонке. И вот для меня не хватило места в автобусе. Я выиграл для себя ещё одни сутки.

Но вот и эти сутки прошли, а хороших вестей от Якоря так и не поступило. Мы все сели в следующую машину и поехали снова навстречу своей судьбе.

Глава 2. Помогите. Россия-Украина. Зима 24.

Все дороги уже объезжены не раз. Россия, граница, непризнанные республики, посёлок Р.. Нас снова отвезли в тот самый тренировочный лагерь в лесу. Глубокой ночью нас подселили в блиндаж, где уже жили люди.

Здесь была даже водка. Мы хряпнули по стаканчику и наконец отметили Новый Год. Какой-то дагестанец сразу начал со всеми общаться и наводить суету. В нём проснулся «маленький лейтенант», он пытался создать иллюзию руководства людьми. Люди же посмеивались над ним, но вели себя очень дружелюбно.

На этот раз в лагере мы провели всего дней пять. Каждый вечер я звонил семье, звонил, пытался связаться с Якорем. В моей голове роились мысли: «Помогите, алё! Меня сейчас угробят!». Каждый день в сотне километров от меня Якорь пытался выпросить меня у бригады. Говорил с комбатом, комбат кому-то звонил, они связывались со штабом бригады.

Но всё оказалось бесполезно. Меня не отдадут. Никогда.

Нужны люди на мясной штурм! Ни одного солдата они никому не отдадут. Желания солдат никого не ебут. Желания их бывших командиров тоже. На пятый день я понял, что мне отсюда не выбраться.

Я думал, здесь нам выдадут оружие и броню и будут водить на полигон, как в прошлый раз. Но я ошибся. Обстановка стала хуже. Солдаты на штурм нужны срочно. Оружие нам не выдали. Броню нам не выдали. Выдали только аптечку. На полигон "тренироваться" нас не водили. Несколько дней – и в машину, обратно в свой батальон. Всё было так быстро...

Мы проделали тот же долгий путь в «Урале», на этот раз даже в Россию не заезжали. Снова перегрузка из одних машин в другие. Тесно. сорок человек в одном «Урале», с вещами. Без лавочек. Один мужик прикрутил к автомату оптический прицел и сидел у борта, наблюдая за небом. Мы сидели в глубине кузова и дремали. И тут он начал стрелять.

Неужели на нас напали? Мои руки и ноги зажаты между вещами и соседями. На мне нет брони, у меня нет оружия. Потрясающе, просто

великолепно. К счастью, никакого нападения не было. Просто наш универсальный солдат увидел в небе дрон и решил его сбить.

И ведь сбил. У него получилось. Он и правда был хорошим стрелком. У меня бы никогда не вышло.

Я думал, что нас привезут на безопасные позиции примерно за несколько километров до зоны штурма, как в прошлый раз. Я ошибся. Когда начали тормозить через парочку километров, кто-то пробормотал: «Это что, «Форт»?». Да, это был «Форт».

Нас привезли сразу на ноль - в то место, откуда штурмовые группы начинают движение. Прибыли мы в час ночи. Местный старший записал наши данные, заселил в блиндаж и повёл нас к мусорной куче. Покопавшись в горе мусора, он достал нам оттуда оружие и броню, патроны и еду с водой.

- Через три часа вы выдвигаетесь на позиции в закрепление. Ложитесь спать.

У нас не было возможности ни прийти в себя после дороги, ни привыкнуть к своим старшим, у нас не было карты, у нас не было частот для связи, у нас не было инструктажа. Ни-че-го.

Я в темноте копался в своём новом бронежилете. Ну как новом – это был чей-то бронежилет, снятый с раненого. Оружие было чьё-то. Каска была чья-та.

Я вспоминал кадры из фильма от «Нетфликса» «На западном фронте без перемен». В фильме форму снимали с убитых солдат, стирали, зашивали, отрывали бирки и выдавали новым солдатам. Я почувствовал себя персонажем этого фильма. Но, конечно, книга лучше!

Всё, что было у меня в рюкзаке, я повыкидывал в угол блиндажа. Всё это мне не понадобится. Только немножко еды и парочка бутылок воды, да чуть-чуть патронов. На мне были всё те же розовые носки, которые я

получил почти месяц назад. От берцев я отказался: в прошлый раз они сыграли со мной злую шутку и стёрли мне ноги в кровь ещё в начале движения. Теперь я носил зимние тактические полусапоги для треккинга. Посмотрим, смогут ли они защитить от холода. Мне удалось немного поспать...

Глава 3. С Днём Рождения! Посёлок Л. Линия фронта. Зима 24.

Рано утром за нами пришёл проводник и повёл нас на позиции. Теперь не я был самым слабым звеном. Я уже держался нормально. Был другой мужичок, который вечно отставал и задыхался. Мне было жаль его, ведь когда-то я был на его месте. Теперь уже на него кричали, чтобы тот пошевеливался. Снова привал у уже знакомого лагеря Маникена. Однако, я по-прежнему чувствовал себя слепым котёнком, который идёт, не разбирая дороги, к своей смерти. Относительно спокойно вшестером мы дошли до позиций.

Мы стояли на фланге вблизи дороги.

Той самой дороги, за которой тот самый лес, где погибают люди.

За две недели, что я отсутствовал, наступление не продвинулось вперёд. Всё стало только хуже. Организованности стало меньше. Люди на штурм требовались срочно. Потерь стало больше. Сумасшедший комбат в истерике отправлял в бой группу за группой.

Нас встретили закрепы, которые сидели здесь уже пару недель. Наши позиции – это не блиндажи, это ямы в земле. До противника сотня метров. Ямы примерно полметра в глубину и полтора метра по длине и ширине. Сверху навалены ветки и парочка спальных мешков. Стрелять из этой ямы не получится. Чтобы смотреть или стрелять, из этой ямы придётся вылезти – то есть попасть под гранаты с дронов. Мы предпочитали не вылезать из ямы.

Так мы просидели в яме три дня. Когда мы заходили, была капель. С потолка на нас капал растаявший снег, и мы с ног до головы были мокрые. А потом пришёл лёгкий морозец. В итоге трое суток мы провели полностью мокрые в яме в земле.

Мы лежали бок о бок, подложив под себя спальные мешки, и накрывшись ещё парочкой спальных мешков. Холодно. Мои ноги были холодные. Сапоги спасали: обморожения не было. Но ноги мёрзли. Сильно мёрзли. Я привык к этому ощущению и просто забил на свои ноги. Днём мы зажигали окопную свечу и грели мокрые руки у этой свечи. Но это не помогало. Мои перчатки были мокрые насквозь, и высушить их было невозможно. Всё было мокрое насквозь. Мои руки скукожились, как изюм. Холодно.

Еды, как ни странно, было достаточно. Ну как достаточно. Возьмём рацион обычного человека на сутки, а затем растянем этот рацион на неделю – вот в каком смысле достаточно. И этого хватало! Есть не хотелось. Если буду много есть – захочу в туалет. А в туалет выйти невозможно. Каждую минуту над нами кружили «птички» с гранатами. Где-то недалеко постоянно были слышны обстрелы.

С водой дела были хуже. Вода превратилась в лёд. Мы топили её на окопной свече, но процесс шёл очень медленно. Впрочем, много воды нам тоже не хотелось. Выйти пописать пару раз в сутки – это тоже смертельно опасно.

Так мы и лежали в этой яме под спальными мешками. Пошевелиться почти невозможно – тесно. Да и не хотелось шевелиться. Времени поспать было достаточно – двенадцать часов темноты. Спишь, спишь, проснулся от прилёта, спишь, спишь, проснулся от прилёта. Иногда над нашими головами звучал комариный писк – это дрон-камикадзе. Иногда над нами звучал рёв бензопилы – это «Баба-Яга», несёт гранатомётные выстрелы, чтобы скинуть кому-то на голову.

У меня постоянно крутились мысли в голове. Как же мне выбраться? Меня отпустят домой только если я потеряю конечность. Как мне потерять конечность и остаться в живых? Меня ведь не вытащат отсюда.

Может, подорваться на «колокольчике»? «Колокольчик» оторвёт мне стопу. Но рядом не было валяющегося «колокольчика». А если подорвусь – меня ведь не вытащат. Не вытащат. А сам я не выйду без ноги.

Может, подорвать гранату у себя в руке? Но у меня нет гранаты. Да и к тому же, мне ведь никто не поверит. Как такое возможно, кроме как подорвать самому? Меня посадят за членовредительство. Да и вообще, если я подорву гранату в руке – я ведь погибну от этой гранаты. А если вырыть ямку в земле, засунуть туда руку и подорвать? Меня точно кто-нибудь увидит и донесёт на меня. Меня обнулят за то, что я подвергаю риску своих товарищей... Ничего толкового я так и не надумал.

Я ведь раньше уже пытался подорвать себе ногу на «колокольчике». Честно пытался. Пока мы шли по лесополосе, я увидел валяющийся «колокольчик» около тропы. Я наступил на него. Специально. Хотел, чтобы мне оторвало ногу, и меня отпустили домой. «Колокольчик» не взорвался. Ничего не произошло. Нога осталась на месте.

Недалеко от нас встала ещё группа. В тот же день я услышал по радию, что её командир «трёхсотый». Он наступил на «колокольчик», и ему перебило обе ноги. Он заполз в яму к своим людям, но его люди ничего не понимали в медицине. Они не могли остановить кровь, даже просто перевязать его не могли – не умели, запаниковали. А знающие, толковые люди не могли добраться до него из-за дронов и обстрелов. Эвакуация тоже не могла его вытащить.

Так он и просидел в яме сутки, с перебитыми ногами. Его не вытаскивали. И сам он выйти не мог. Спустя день ему в яму скинула гранату

«Баба-Яга» и он остался в этой яме навсегда. Если я наступлю на «колокольчик», то со мной будет то же самое...

И вот, на третий день, пришла команда выдвигаться на штурм. За нами пришёл проводник и закричал: «У-ру-ру, выползаем!». Мы вылезли, я бросил свой спальный мешок к чёртовой матери. Нацепил только рюкзак «Ратник» с патронами. Проводник довёл нас до дороги. На тропе у дороги лежит раненый, неходячий. У него паника, он не может ни идти, ни говорить. Просто лежит и стонет. Смотрит на нас глазами, полными отчаяния. А мы не можем ему помочь - у нас нет носилок, а по радиации нас подгоняют: «Вперёд!».

- Перебегаете через дорогу, и дальше всё время прямо по тропе! Вам надо найти «Рейнджера». Просто идёте по тропе, он вас встретит! Бегом! Бегом!

Рейнджер - это старший группы, который засел в яме напротив противника, потеряв всех своих людей убитыми и ранеными. Он нуждался в подкреплении. Это был тот самый квадрат, в котором мы были прошлый раз. За это время всё стало только хуже.

И проводник дальше не пошёл. А по радиации другой старший, в панике просит подкреплений из-за дороги: «Заводите людей! Заводите людей для Рейнджера, срочно! Хохлы прут!»

И мы пошли. Перебежали через дорогу и последовали по тропе.

На протяжении всего пути вокруг взрываются миномётные снаряды, гранаты – и мы идём именно в ту сторону, где они взрываются чаще всего. сто метров впереди, пятьдесят метров впереди. Прямо у меня на глазах столб дыма, разлетающаяся земля. И дроны, дроны, дроны...

Но вскоре тропа кончилась. И мы стоим посреди леса как слепые котята и орём: «Рейнджер»! Вдалеке, метрах в пятидесяти я увидел мужика в белом маскхалате без повязки и крикнул ему: «Рейнджер»! Он не ответил и

скрылся за деревом. Это был не Рейнджер. Это вообще был не наш солдат, и лишь позже до меня дошло, кто это был...

Мы решили вернуться назад к переспросить дорогу. Нам сказали то же самое, что и раньше. И мы пошли снова. По дороге нашли яму в земле и крикнули туда: "Рейнджер!". Там был не Рейнджер. Там битком набились неходячие раненые, смотревшие на нас умоляющими глазами. Они надеялись, что мы их вытащим – но у нас не было носилок.

А по радиии нас подгоняли вперёд, чтобы мы шли и искали Рейнджера. Мы снова дошли до того места, где тропа заканчивалась. И тут по нам начали стрелять.

На нас вышли штурмовики противника. Позже ходили разговоры, что это был то ли спецназ, то ли «Кракен».

«Кракен» – это легендарный батальон украинцев, в котором служили то ли наёмники, то ли нацисты под наркотиками в наколках со свастиками, то ли уголовники-убийцы. Они стреляют по нам. У них дроны с гранатами, у них миномёты. И всё летит в нас. У нас нет ни дронов, ни миномётов: они не работают. У нас только автоматика.

Я не успел сделать ни одного выстрела. Первая же пуля попала мне в ствольную коробку, и автомат был сломан. Мы упали на землю и начали отползать обратно. Пули свистели у меня над головой. Доигрался. Вот она, моя судьба. Отчаяние и паника боролись с адреналином в моей голове. Вокруг ни одного укрытия.

Первым ранило бойца передо мной. Он вскрикнул. Потом ранило меня - слегка чиркнуло по левой голени. Теперь я могу легально выйти на эвакуацию, я «трёхсотый».

Осталось только выйти живым.

Каждый раз до этого, когда меня ранило - рядом были ответственные и опытные люди, которые могли помочь. В этот раз мы были всего лишь вчетвером, без старшего. И когда меня ранило, никто не мог помочь мне кроме меня самого...

И я не мог помочь никому. Я не мог тащить раненого под пулями и осколками: ему придётся ползти самому.

Мы выползали из-под огня спецназа противника, из-под дронов с гранатами, из-под миномётного обстрела. И люди, которые очень-очень хотели меня убить - они были в пятидесяти метрах от меня. Пока мы ползли, мне прилетело второй раз. Это было очень больно, и я заорал.

Что-то поцеловало меня в правое бедро. Я подумал, что мне перебило артерию, и прямо под обстрелом скрутился, лёжа на боку, и стал затягивать на бедре турникет. Затянул я его слабо и неправильно. Если бы артерия действительно была перебита - я бы умер за несколько минут. К счастью, и артерия, и кость оказались целы.

Один мужик из нашей группы – герой. Пока мы ползли, он прикрывал наш отход. Ползу и вижу, как он сидит за деревом на одном колене и стреляет. А потом он встал и побежал менять позицию. Одна минута, я ползу дальше и проползаю мимо него. Мёртв. Глаза стеклянные, лицо пластмассовое.

Было весело. Вот это был второй день рождения, ёлки-палки. Маленький волчонок должен позаботиться о себе сам. Если сейчас не выползу – мне конец.

Наконец, до меня дошло кое-что. Рюкзак всё это время был на моей спине. Он болтался влево-вправо, пока я полз. Я додумался его стянуть со спины. Я скинул рюкзак вбок, в сторону противника. Возможно, это спасло меня. На пересечённой местности в лесу, за обломками брёвен и веток солдаты противника не видели моего тела на земле – они видели рюкзак,

возвышающийся на несколько сантиметров надо мной. Когда рюкзак упал набок и замер, они подумали, что я погиб и теперь лежу мёртвый. И они перестали стрелять.

Мы ползли и ползли около ста метров, потом встали на четвереньки, потом на ноги. И побежали. Я с перебитым бедром, другой с перебитой поясницей. Кое-как мы нашли тропу. Потом дошли до своих и доложились. Нам сказали, что отсюда нас никто никогда не вытащит. Мы будем лежать в яме, как те умирающие раненые. Эвакуация не придёт. Не дойдёт сюда эвакуация живой.

И мы пошли сами. Я сбросил бронежилет и каску. Сбросил с себя всё. Обратно через дорогу в сторону нуля. К счастью, здесь тропа была видна отчётливо. Мой товарищ по несчастью очень хотел залезть в какую-нибудь яму и отдохнуть. Но я сказал ему: «Нет! Если сейчас залезем в яму – уже не сможем встать и идти дальше. Надо идти!»

И мы так и шли. Снова прошли мимо лежащего раненого, который стонал, и которого мы не могли тащить. А потом мы встретили нашу эвакуацию. Мы были спасены. Наконец-то помощь... Наконец-то свои.

- Свои!

Боец, который так жаловался на поясницу, пошёл сам до самого «Форта». Я же понимал, что сам не дойду. Меня сначала долго вели под руки до Маникена, потом долго тащили на носилках, на тачке, на тележке... Двое мужиков из Эвы подбадривали меня. Я стонал на каждой кочке и просил пить. На середине тропы эвакуации они насторожились.

- Здесь был бой пару часов назад. Смотри, свежие следы от пуль на деревьях.

- Ага, а вот это дерево совсем недавно упало.

- В кольцо нас хотели взять. А может, уже взяли.

Теперь мне было не до стонов. Я тоже насторожился. Если мы попадём в бой сейчас – мне конец. Я ничего не смогу сделать. Всё, что я могу сейчас – это пялиться в небо.

Где-то вдалеке заработал снайпер. Проходя мимо города М., мои спасатели увидели в домике открытое окно.

- То окно раньше было закрыто. Там может сидеть снайпер или наблюдатель. Надо быстро проходить это место.

К счастью, если там кто-то и был, то по нам не стрелял. Мы прошли дальше. Потом произошла ещё одна неприятность. Мы заблудились. Ребята из Эвы не признавали этого, но я чувствовал это в их голосах. Всё это время я лежал в тележке. Спустя какое-то время мы всё-таки куда-то дошли. Здесь стояла «буханка» без опознавательных знаков.

- Пойду проверю. Если это наши – они подскажут. Ну, или, может быть, мы на хохлов только что вышли. Тогда хуяриться будем.

К счастью, это были наши. Они подсказали дорогу. До «Форта» было совсем недалеко. Они разделяли наши опасения по поводу того, что нас могут взять в кольцо.

И вот он, «Форт». Наконец, через четыре часа после ранения, я оказался у медиков. Ух, я орал как маленькая девочка, когда мне делали тампонаду с гемостатиком. Медик узнал меня.

- О, это же розовые носки!

- Да, док. Это снова я. Давно не виде... а-а-а!

Мне дали зажать в зубы упаковку бинта, чтобы ор был потише. Оказалось, что бедро пробито насквозь. Крупный осколок вошёл спереди, а вышел сзади, чудом не задев артерию и кость. Кроме того, у меня была царапина на левой голени, а также небольшое рассечение на пятке. Ботинок конечно тоже был рассечён, а я и не заметил эту мелочь. Врачи веселились и

подтрунивали надо мной (на самом деле это очень правильное поведение врачей):

- Ну что, миллионер! Домой поедешь! Тебе после такого точно два месяца отпуска дадут!

- Ага, конечно... Только я ведь всё равно не смогу потратить эти миллионы. Меня ведь всё равно вернут сюда и отправят снова на смерть...

Спустя время раненых загрузили в машину. Всё, на что мы могли рассчитывать – это на удачу. Особенно, когда одну из «буханок», которая выехала несколькими часами ранее в тыл по пути подбила «Баба-Яга», погубив и водителей, и пассажиров. Даже вокруг «Форта» не было безопасно.

Мы едем домой, ну же, судьба, пожалей нас хотя бы сегодня...

Песен ещё не написанных сколько?

Скажи кукушка, пропой

В городе мне жить или на выселках?

Камнем лежать, или гореть звездой? Звездой?

Солнце моё, взгляни на меня

Моя ладонь превратилась в кулак

И если есть порох, дай огня!

Вот так!

Кто пойдёт по следу одинокому

Сильные да смелые головы сложили в поле, в бою

Мало кто остался в светлой памяти

В трезвом уме, да с твёрдой рукой в строю, в строю

Солнце моё, взгляни на меня

Моя ладонь превратилась в кулак

И если есть порох, дай огня!

Вот так!

Где же ты теперь, воля вольная?

С кем же ты сейчас ласковый рассвет встречаешь? Ответь!

Хорошо с тобой, но плохо без тебя

Голову да плечи, терпеливые под плеть, под плеть

Солнце моё, взгляни на меня

Моя ладонь превратилась в кулак

И если есть порох, дай огня!

Вот так!

Солнце моё, взгляни на меня

Моя ладонь превратилась в кулак

И если есть порох, дай огня!

Вот так!